

Нам уже 304 года!

ЧЕРЕМШАН

Литературно-художественный
и краеведческий журнал

1-3 2002 г.
(январь-сентябрь)

ЧЕРЕМШАН

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

1-3 2002 г.
(январь-сентябрь)

(Издается с сентября 1998 года)

Слияние. Древний Черемшан и юные димитровградцы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С.Морозов, глава Димитровграда

Н.Прохорова, директор краеведческого музея

В.Гордеев, член Союза писателей России,
сопредседатель писательского отделения

Е.Ларин, член Союза писателей России,
сопредседатель писательского отделения

А.Никонов, член Союза писателей России, член
Совета писательского отделения

С.Слюняев, член Совета писательского отделения,
руководитель городского клуба молодых литераторов

Л.Степанова, член Совета писательского отделения

Главный редактор: Валерий ГОРДЕЕВ.

Фотоработы: В.Пчелинцев.

Компьютерный дизайн: И.Карачкова.

Лицензия: ЛР N 030267 от 7.05.97 г. Литфонда России

**Редакция извещает о том,
что с согласия авторов
их произведения временно
публикуются на
безгонорарной основе.**

ПОСАД

"МЕЛЕКС"

© «Черемшан» 2002

ISBN 5-85658-028-1

**Материалы журнала «Черемшан» размещены на страницах
тольяттинского сервера в Интернете: «Toline». На сайте:
www.catalog.toline.ru.**

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград,
ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.

Сдано в набор 1.09.02. Подписано в печать 5.09.02. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 7,0. Печать офсетная. Тираж 350 экз. Заказ № 6529.

Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии,
433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

ДЕНЬ ГОРОДА. ГОРОДА - ТРУЖЕНИКА. ГОРОДА - БОЙЦА. ГОРОДА - ТВОРЦА.

И до революции Мелекес был славен в Отечестве многими товарами, ремеслами. Особенно городотворчеством, рачительным хозяйствованием своего первого и бессменного до 1917 года Головы – Константина Маркова... При нем, почти 40 лет городской бюджет был только доходным.

В советские времена город рос, мужал, мудрел. Ныне имена наших мастеров в машиностроении, строительстве, прядении, ткачестве, атомной энергетике знают по всей стране. Росли производства, росли кадры тружеников, их стараниями рос город – будущий Научоград. Но доходным бюджет уже никогда не был.

В самые суровые годы, когда народ наш захлестывали войны и междоусобицы, - Мелекес являл и особые примеры стойкости, воинского подвига. Во всем Поволжье только наш заводской поселок не сдался на милость жестоких орд Емельяна Пугачева. Выстоял и вынес осаду крепостицы, не дал врагу пограбить родной посад.

В годы гражданской войны именно Мелекес сумел сформировать три полка: один – для Народной армии под водительством адмирала А.В.Колчака, два – коммунистических в армию Ленина-Троцкого, состоявших из членов РКП(б) и сочувствующих революции защитников советской власти.

В истории Великой Отечественной войны только в нашем городке было сформировано три(!) дивизии, овевших свои знамена славой и победами. Только раз – в операции по разблокированию Ленинграда, в беспримерном форсировании Красной Армией реки Свирь – сразу 3

четверо воинов: Барышев, Маркелов, Мытарев и Юносов, призванных на фронт из одного места – Мелекесса – стали Героями Советского Союза. И еще десятки наших земляков были удостоены за эту операцию боевых орденов и медалей...

Творцы-мелекессцы и димитровградцы – сегодня как бы продолжают прекрасные Пушкинские традиции. Великий Александр Сергеевич проезжая через Мелекесс, словно осенил нас своим гением. Актеры, певцы, музыканты, художники и писатели – наши земляки творят сегодня искусство новой России по разным городам и весям. И в самом Димитровграде, после удушающего периода цензуры, застоя и блокирования свободного слова, наконец-то плодотворно развиваются профессиональные искусства и литература. Из 27 членов СП России в Ульяновской области – 8 живут и работают в Димитровграде. Подрастает молодая талантливая поросль.

Все это стало возможным и явным только с возрождением в городе демократического правления, восстановления института и статуса Главы города.

Димитровград – культурная столица Поволжья! Димитровград – Наукоград России! С этими идеями, этим высоким смыслом войдет в историю наш Глава – Сергей Морозов. Именно им и его деяниями жив и наш "Черемшан". Недаром, 2 февраля 2001 года одним из первых его выступлений было выступление на 1-й городской конференции творческой интеллигенции, где Глава обещал нам, что «бюджет "Черемшана" будет увеличен в 2 раза и он такое решение уже принял»... Верим и сегодня в его исполнение. Ибо – стоит на берегу Верхнего пруда памятный Верстовой столбик в ознаменование посещения Мелекесса А.С.Пушкиным. Идея эта осуществлена нашим Главой.

Под сенью Пушкинского величия нельзя не сказать и высоким слогом о творчестве. О Вере. О маленьком нашем отечестве в Отечестве большом. Особенно в день рождения нашего родного города:

Вослед за Пушкинской строкой

Государь,
Ну почто ты Жандарму
Доверил печать?
Запрещать?
Поучать?
Но, ведь, мысли бессмертны,
Даже если молчать...

У вершителя судеб пустые глазницы:
Только лед и презрение в портрете твоём...
Государь,
Ты играешь с мечом и огнем:
Слово –
Жалит, как пуля,
Слово –
Вольная птица
И дано только Господу ведать о нем, –
Кто Поэтом достоин явиться!

Да, Жандарму подвластны
Закон и запреты, и оковы даны,
Чтобы люд поправлять.
Только страх обуял всех, владеющих этим –
Перед вольностью слова –
Оружьем поэта,
Перед тем, над которым
Бога есть благодать.
Власть от Бога Поэтам дана на земле.
Будоражить умы,
Души людям спасать.
Овладев этой силой сполна
И вполне,
Нам не страшен
Ни князь-самодур и не тать!
И на Черной реке
Нас не пуля убьет –
Вместе с Пушкиным нас
Боже наш приберет...

О Поэтах недаром вечно
Помнит народ,
Не о тех, –
Кто обучен стрелять!

Государь,
Ну почто ты Жандарму
Доверил печать?

“А Я ОПЯТЬ КИДАЮСЬ ЗА ТОБОЙ”

★ ★ ★

Я незнакома с радостью иных —
Любой ценой урвать кусок сочнее.
И не хочу похожей быть на них,
Хоть кажется порой - они умнее.

Но что с того, что я давно несу
Порядочности праведную тяжесть
В тот мир, где даже слово на весу
И не в цене стяжательство и зависть.

Вся жизнь моя — в работе и нужде,
С душою чистой, но с пустым карманом
С заветною надеждою — нигде
Не встретиться с бесчестьем и обманом!

★ ★ ★

А я опять
Кидаюсь за тобой,
Еще не веря,
Что пришла расплата.
Ком в горле,
А на сердце — Боже мой —
Невыносимо
Тяжкая утрата.

Зачем тебе
Бросала я в лицо
Свои немилосердные
Упреки
И, выставляя
Вещи на крыльцо,
Перечисляла
Глупые пороки!!

Ведь в наступившей
Следом пустоте,
Когда напрасный пыл
Почти остужен,
В душе звучат слова
Уже не те,
И слишком ясно —
Как же ты мне нужен!

Прости меня, любимый,
И вернись.
Моя вина,
Что ходим мы по кругу.
Я за тобой бегу —
Ты оглянись,
Остановись — ведь мы
Нужны друг другу!

★ ★ ★

Я на тебя с обидою проснулась,
Забыв, что разрешен вчерашний спор.
Но вспомнила про все и улыбнулась,
И прогнала непрошенный укор.

Так отчего ж тогда досады жало
Мне в сердце проникает вновь и вновь?
Наверное, я все-таки устала
Прощеньем сберегать свою любовь...

А ты мне шепчешь: "Не грусти, родная,
Все будет замечательно у нас!"
И верю я тебе, и снова таю
От теплоты любимых карих глаз.

★ ★ ★

Знаю, любишь ты картошку,
Чтобы на сковороде
Та румянилась немножко
В первозданной наготе,

Чтобы нежно захрустела
Дивным вкусом на зубах,
Чтоб душа твоя запела
За столом, как в небесах.

**Я готовила, старалась,
Чтоб ты, мой милый друг,
Знал: жена тебе досталась
Не какая-то, не вдруг...**

Чтобы ты, как ту картошку,
Каждый день меня хотел.
Чтоб любил не понарошку —
Так же сладко, как и ел!

☆☆☆

Какая роскошь —
Съесть запретный плод,
Себе позволить
Что-нибудь такое,
Что нам не каждый день
Судьба дает
Взамен
Однообразного покоя.

Соблазн хорош,
Да высока цена —
За все оплата
Требуется свыше.
Но оттого, что жизнь
Не так длинна,
Мы часто здравых доводов
Не слышим.

Здесь нелегко
Решение найти...
Перед соблазном
Устоять сумея,
Мы, прошагав
По верному пути,
Страдаем,
О запретном сожалея.

★ ★ ★

Ни разум,
ни воля,
ни плоть моя
Не слушаются
отныне.

А пока
Пойми, что обсудить
Больные темы
Ты сможешь и поздней,
Наверняка.
Причем, гораздо лучше
И мудрее.
Но остуди
В горячих венах кровь.
Не торопись
С плеча рубить скорее,
И прежде, чем отрезать,
Меряй вновь!

★ ★ ★

Мне хочется
Маленькой-маленькой стать,
Чтоб беды меня
Не сумели достать,
Чтоб кто-нибудь тихо
В карман меня спрятал
От всех, кто ручищами
Душу мне лапал.

Мне хочется просто
Спокойно уснуть
Под ласковый шепот:
- Не бойся... Забудь...
Чтоб кто-то прогнал
Все тревоги-печали,
Что каждый мой день
Неизменно встречали.

Мне хочется
Маленькой звездочкой стать,
Чтоб горе меня
Не сумело достать,
И все, что терзало
Мне душу на свете,
Осталось вдали,
На зеленой планете.

Я солнечным светом
Хочу засиять —

Его никому
Не дано затоптать!
Одно только жаль,
Что сияющим светом
Я стану на свете ином —
Не на этом...

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Сердцу материнскому отрада —
Слышать бесконечный зов любви.
Ты моя надежда и награда,
Я приду — ты только позови.

Только лишь оклики, мой сыночек,
И, щемящий сердце, чистый свет
Путь к тебе укажет даже ночью,
Если ты на нем оставил след.

Сквозь преграды, позабыв усталость,
Я к тебе на помощь полечу,
Чтоб зажечь оставшуюся малость —
Сердца материнского свечу!

Здравствуй, долгожданный мой ребенок!
Трепетного счастья не тая,
Радуюсь я запаху пеленок,
Славная, молочная моя!

Как меня волнуют нежность кожи,
Пух волос и удивленный взгляд!
Ты, наверно, все-таки похожа
На меня — лет сто тому назад...

★ ★ ★

Какое красивое, доброе слово!
Оно для меня удивительно ново.
Не сказано, словно, — а нежно пропето
И теплым дыханием любви обогрето.

Какое родное, любимое слово!
Его повторяю я снова и снова.
И сладко в груди замирая при этом,
Душа озаряется ласковым светом.

★ ★ ★

Мамин запах я люблю,
Вместе с мамой рядом сплю,
Рядом с тем, что пахнет сладко
И вкусней, чем шоколадка.

И, пожалуйста, не надо
Сразу возражать в ответ,
Что вкуснее шоколада
Ничего на свете нет.

Шоколад любить я буду,
Просто мама говорит:
“Ты, дружок, мала покуда,
Кушай то, что Бог велит”.

Замечательный совет —
Мне ведь даже года нет!
Вот и ем я то, что сладко
И вкусней, чем шоколадка!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Незаметно наступает
Тихий час дневного сна.
И дочурка засыпает
В колыбельке у окна.

Припев:

Просто детская кроватка —
А для дочки целый дом.
Спи, родная, сладко-сладко
В светлом домике своем.

Спи, дочурка, сладко-сладко
Спи, любимая, бай-бай.
Слышишь, сонная кроватка
Тоже шепчет: "Засыпай!"

Припев.

Мама рядом, мама рядом,
Ну, поспи еще чуток.
Я согрею теплым взглядом
Милый сердцу уголок.

Припев.

★ ★ ★

Ах, доченька,
 как жаль, что я не знаю
Значенья
 скоротечных снов твоих.
И вот люблюсь,
 а сама гадаю —
Быть может, про меня
 один из них.

Когда твоя
 чудесная улыбка
Во сне лицо
 тихонько озарит,
Не хочется мне знать,
 что счастье зыбко,
Коль в этом сердце
 путь к нему открыт.

Расти, родная!
 В сладком сновиденье
Ты незаметно встретишь
 Новый год,
А первый из грядущих
 Дней рождения
Откроет лично твой
 счастливый счет.

Я колыбельку
детскую качаю,
От нежности
дыханье затаю.
Мой ангел!
Я души в тебе не чаю!
Спи, солнышко,
спи, ласточка моя.

★ ★ ★

Счастливая я —
и сыночек, и дочка!
Два теплых, два славных,
два милых комочка,
Два ласковых сердца,
две нежных улыбки —
Среди миллионов
найду без ошибки!

Богатая я!
Дорогая награда —
Две жизни бесценных,
две ветви, два клада,
Два солнышка ясных,
две звездочки чистых,
Два взгляда прекрасных —
родных и лучистых!

Райса Уршатовна Кашкурова родилась и выросла в Дмитровграде, выпускница школы № 16. После окончания биомеханического факультета Казанского химико-технологического института работала экологом в Тольятти, а затем вернулась в родной город. Участник и лауреат молодежного литературного конкурса "Муза", автор двух поэтических книг: "Я любовью исцелю" и "Белый ангел". Постоянный автор журнала "Черешки".

МИР ВЫСШЕЙ РЕАЛЬНОСТИ

О МИРЕ ИНОМ

ИЛИ

ВВЕДЕНИЕ В ПРАВСТВЕННУЮ ФИЗИКУ

Научно-нефантастическое эссе

Многие из знакомых Владимира Ивановича Клименкова, долгие годы работавшего научным сотрудником НИИАРА, а ныне пенсионера, понаслышаны от него о его разработках концепции Мира Высшей Реальности, включающей в основы мироздания наряду с материальной еще и духовную составляющую. Мы предложили ему побеседовать на эту тему, относящуюся к области, как он говорит, любомудрия. И беседа получилась, хотя ее изложение трудновато для автора и тем более для его собеседника. То, о чем здесь речь, вообще весьма трудно сделать достоянием слов, тем более представить в печатном виде, и тем более - в журнальном варианте. Это — область несловесного постижения на путях внутреннего опыта человека. И понимание изложенного тут требует от читателя не беглого чтения, а терпеливых усилий, а также достаточно высокого образования или хотя бы стремления к нему, ну и, конечно, драгоценной любви к любомудрию и духовной сфере жизни.

С одной стороны, и читатели с общепринятым стандартным высшим образованием, особенно технари, могут не одарить своим вниманием изложенное и даже осмеять, а с другой стороны — любой, кто обладает даром любознательности, может с пониманием воспринять суть Концепции и получить отклик в своей душе или сопоставить с собственным внутренним опытом исканий. Человек не может и не имеет права не задумываться о смысле жизни по большому счету. Погрязая в суетном проживании жизни, он преуменьшает внутреннюю духовную жизнь. И у него возникают трудности. В этом смысле легче обойтись верующим в Бога, так же как и понять здесь написанное, хотя некоторые из них могут принять это за ересь. Читайте, задумывайтесь. Да поможет вам это чтение. Полезно, если вы сохраните эти листки.

Сергей Слюняев: - Как Вы, Владимир Иванович, до этого будучи законченным материалистом и воинствующим атеистом, ученым, дошли до таких размышлений! Что это — дань моде или любовь к экзотике и парадоксам!

Владимир Клименков: - Причин для этого много. В том числе и Вами названные, если моду усматривать в повальном богоискательстве, теперь, когда у многих из нас упали шторы насильственного материализма и атеизма. И мой возраст располагает к

переоценке ценностей, в том числе основ своего мировоззрения. Да и склонность к любомуудрию.

А главное – витающая в воздухе идея о духовности человеческого бытия, о душе, ауре, биополях, жизни после смерти, наконец, мистике, поскольку этому слову в наиболее близком по смыслу переводе с разных иностранных языков соответствует русское слово “духовность”.

Ну, и, наконец, видимо, стоит сказать, что этот мой шаг является завершающим в цепочке моих работ разного характера, объединяющихся в систему подытоживания жизни после выхода на пенсию.

Во-первых, чтобы начисто отойти от своей когда-то любимой до самозабвения основной моей атомной профессии, я технически подытожил свои научные труды. Переплел в два толстых тома все, что за 40 лет мне довелось издать о материи в несекретном печатном виде, работая на атомном “Маяке” на Урале и в НИИАРЕ – статьи, доклады, препринты. Получилось толще, чем моя докторская диссертация, которую со вкусом писал, предзащитил, но не стал суетно защищать и, как завалавшуюся, по приговору секретного отдела уходя на пенсию сжег, как Гоголь второй том своих “Мертвых душ”. В моем случае человечество отделалось явно меньшей утратой, тем более что почти всё написанное в моей диссертации уже давно, как и положено, по существующим правилам игры, опубликовано и внедрено в жизнь с большой пользой для науки и техники.

Сюда же – до кучи я подшил почти случайно сохранившиеся пожелтевшие документы, связанные с моей учебой и защитой диссертации: выписку из моего инженерного красного диплома от 1948 года с единственной оценкой “хорошо” по военному делу среди 38 отличных, в том числе по философии марксизма-ленинизма; мой аспирантский план от 1952 года с живой подписью научного руководителя академика Игоря Васильевича Курчатова, светлая-светлая ему память; протоколы сдачи двух кандидатских экзаменов с подписью в том числе академика термоядерщика Льва Андреевича Арцимовича; выписку из протокола заседания ученого совета Института атомной энергии о моей защите диссертации в 1956 году за подписью и/о председателя ученого совета академика Анатолия Петровича Александрова, позже избранного президентом АН СССР; и даже справку о преподавании мною почасовиком курса лекций по атомной физике в филиале № 1 МИФИ на “Маяке” и по термодинамике в Южно-Уральском политехникуме в те далекие пятидесятые годы; всё, кроме документов из секретного архива НИИАРА про докторскую диссертацию, если они сохранились: выписка из протокола ученого совета на “Маяке” о предзащите в 1983 году, отзывы и справку о сожжении. Сколько памятных свидетельств о суете.

Во-вторых, осуществил розовую мечту моей молодости – поработал года три штатным художником в п/л “Факел”, не зря же когда-то в юности посещал шесть лет художественную студию при маститых художниках. Заодно упорядочил сотни своих старых и новых живописных работ, отбрал лучшие, а также довел до “товарного вида” свои деревянные скульптуры из корней и коряг. Раньше руки не доходили. Ностальгически украсил всем этим свое жилище. И нажил зуд устроить экстравагантную персональную художественную выставку. Осилю ли?

В третьих, собрал с гордостью и любовью в семь томов тысячи программкок спектаклей, которые сохранились после моих посещений десятков театров и концертных залов страны, в том числе нашего димитровградского досточтимого “Поддума”, не считая многих утерянных программкок, особенно ранних.

В четвертых, разобрался в своей неказистой родословной, вовлекающей сотни моих сородичей и уходящей вглубь веков до времен декабристов по линиям крепостных и вольных крестьян.

С этой же целью разобрался, соорудив несколько объемистых домашних альбомов, с семейными фотографиями, начиная с самых экзотических и раритетных. Например, с такой, которую прислал своим и моим родственникам в Самару мой прадед Василий Осипович Клименков из греческого Афона, куда он в свои полста лет ушел пешком с котомкой и посохом в начале XX века в монастырь. Этаким во весь высокий рост длинноротый иннок рядом с таким же "братом во Христе", в клобуках и рясах. Я так и не узнал его имя в постриге. Или на другой фотографии, тоже от начала века: моя прабабушка по материнской линии, бывшая крепостная Еадокия, рождения 1843 года, 70-летняя в гробу на паперти храма в окружении толпы скорбящих родственников, где среди внуков и внучек — моя мать. Там и фото Троицкого храма в Самаре, где меня крестили, и огромного кафедрального Ильинского собора-красавца, работы архитектора-скульптора Шервуда, того самого, что воздвигал храм святого Александра Невского в Мелекессе.

Все эти храмы снесены, как и многие-много другие. А на гранитном пьедестале памятника в Самаре — его же работы — вместо статуи Александра II Освободителя водрузили перелитую из его же бронзы статую Ленина, которая и стоит до сих пор на площади Революции, прежде называвшейся Александровским сквером. Таковы знамения и grimасы времени.

В пятых, разобрался для себя с историей Руси, построив пространную, но наглядную хроно-фактографическую карту со времен Рюрика до наших дней. Примерил сюда свою крохотную, но все равно длиной чуть ли не с историю США, родословную.

В шестых, построил такую же карту по истории человечества, отметив там достойное место Руси.

В седьмых и двенадцатых, увлеченно изобразил по накатанной дорожке еще пять карт: "История христианства", "450 лет патриаршеству на Руси", "Мелекессу 300 лет", "Пушкину 200 лет", "Россия в 30-ти войнах XX века", а нам о многих из них когда-то и не положено было знать, тем более говорить. И, наконец, как бы отрекаясь от предыдущих, сделал карту "Россия времен Ивана Грозного или Грозные времена" после реконструкции истории в 1997 году по новой, спорной пока, хронологии академика-математика А.Г.Фоменко и др. Ох, уж эти историки и математики! Так и хочется воззвать к ним чьей-то остроумной шуткой: "Историки, изменим прошлое к лучшему!" А вот кто будет изменять будущее к лучшему?! Во всех этих хроно-фактографических картах главным предметом исследований было время и человек, жизнь и власть, глубь веков и прогресс, информация и память.

И, наконец, подсчитал, что выростил совместно с единственной женой троих детей, в том числе сына, а также усладился взращиванием пяти внуков. Ну и еще подытожил свои грехи, которые смог вспомнить, не то остается во рту только сласть от сделанных добрых дел, хотя они-то, как и должно быть, еще меньше помнятся, но согревают душу.

Вот сколько суеты нас связывает с внешним материальным миром, порой наполняя и духовностью.

Ну, и вот теперь, покончив со всем земным, в том числе с бегущим временем, занялся, в конце концов, духовным, потусторонним, запредельным, вечным, манящим.

С.С.: - И каким же образом Вы втравились в это!

В.К.: - Основополагающей для меня явилась мысль, высказанная мне вот уже более четверти века назад ныне покойным Сергеем Тихоновичем Конобеевским, 80-летним, стройным, высоким, интеллигентом до мозга костей, членом-корреспондентом АН СССР, часто бывавшим с рабочими визитами из Москвы в наш институт и дарившим мне свою дружбу. По его словам, он был бы глубоко разочарован, если бы пришлось

полагать, что вся жизнь сводится к тому, чтобы человек, прожив на свете много десятков лет, накопив богатый опыт и большой багаж мудрости, вдруг исчезал бы из мира, унося в могилу вместе с бранным телом все эти духовные ценности. Такая расточительность нашего мира не имеет достойного оправдания. Рассудок и интуиция не могут с этим мириться.

Вскоре я познакомился с учением академика Владимира Ивановича Вернадского о его знаменитой ноосфере (по созвучию с материальными: атмосферой, гидросферой, биосферой и т.п.), которая, якобы, вбирает в себя всю сумму человеческих духовных и культурных наработок и, в свою очередь, питает духовную жизнь человечества посредством неощутимой нами, но действенной обратной связи.

Далее мои занятия этой темой привели меня к штудированию ряда книг, таких, например, как "Мистики XX века. Энциклопедия" или сборника "Русский космизм", в которых наряду с десятками других достойнейших имен ученых упоминается и Вернадский. Среди них и те петроградские и московские ученые (Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Валерьян Муравьев, Александр Горский и др.), которых Ленин в числе других пятисот мешающих ему, выслал с семьями на пароходе в Гамбург, а также те инакомыслящие, которых Сталин в числе миллионов расстрелял или упрятал в ссылки и лагерях Гулага (Павел Флоренский, Николай Сетницкий, Александр Чижевский и другие). А потом непокорных диссидентов залечивали в психушках и изгоняли по-ленински "за бургор".

Здесь стоит упомянуть и о трагично-удивительных судьбах, исковерканных идейным тоталитаризмом, крупнейших наших ученых-генетиков мирового уровня Николая Вавилова, замученного в Саратовской тюрьме, и "арестанта" Николая Тимофеева-Ресовского, этогого неукротимого зубра по роману "Зубр" Даниила Гранина, а также о тысячах расстрелянных священнослужителей.

Ну, а мой возраст, видимо, подсказал мне как старому яхтсмену - вперёдсмотрящему заглянуть вперед и как бывшему боксеру - прямо в глаза опасности, а как физику-экспериментатору с любопытством рассматривать собственную неизбежную кончину в качестве Главного эксперимента моей жизни: что там за чертой - нулевое небытие или запредельная неведомая "жизнь".

С.С.: - Так Вы говорите о загробной жизни! Нельзя ли тут усмотреть личный страх перед своей смертью и желание зацепиться, как за спасительную соломинку, за надежду существования после смерти!

В.К.: - Нет. Тут любознательность, а не страх, то есть как раз наоборот - нужно иметь смелость спокойно размышлять о неотвратимом конце лично своей земной жизни, а не прятать по-страусиному от страха голову в песок, отгоняя от себя панические, неприятные мысли о смерти. Ну, а про соломинку, это, может, и правда.

В этом последнем моем Главном эксперименте жизни я не вижу проигрыша. Если происходит всё так, как полагают "трезвые" атеисты, ну и ладно: значит, нуль. Я этого и осознавать тогда не буду, коль меня не будет ни в каком качестве. Ни разочарования, ни раскаяния.

Ну, а если не нуль? То разве не увлекательно заранее порассуждать по-научному, что же там, за гранью жизни может быть, и попытаться как-то предвкушить непознанные пока законы нашего мира?

Например, очень занятно познакомиться с идеями, развиваемыми вокруг таких книг, как "Жизнь после жизни" Раймонда Моуди, опросившего тысячи возвратившихся из клинической смерти, из которых половина говорила о "светящейся точке в конце туннеля", куда они, легкие и как бы засасываемые, летели. Не обязательно соглашаться с этими идеями. Лишь бы не подходить к ним с позиции: "Этого не может быть, потому что не может быть никогда" - зачем, мол, нужны такие беспочвенные размышления?

С.С.: - И, правда, чем все-таки, по-вашему, можно оправдать и объяснить такие занятия, кроме как "тягой к любомудрию"!

В.К.: - Можно оправдать. Хотя и любомудрие – это уже хорошо. Во всяком случае, лучше, чем бездумье в суете сует, когда люди бегают, как петухи с отрубленными головами. Можно и нужно, и именно теперь, когда на нас хлынули потоки различных вероучений от шаманства до такой "просвещенной религии", как днанетика с ее саентологией.

Стоит обдумать основу предлагаемых нам в виде реальных явлений, чудес, например, таких, как врачевание методом бесконтактного массажа, где практика намного обогнала теорию биополевого воздействия. Или предсказание и предвидение, ясновидение и инсайт (прямое знание). Наконец, телепатия и телекинез, не говоря уж о старых, как мир, вдохновении и озарении, вере, надежде, любви, памяти, а также о привидениях, вещих снах, хиромантии, астрологии, суеверных приметах и потусторонних сигналах.

Заметьте, что обо всех этих небылицах-былах из старой мистики их приверженцы нам всегда говорят только, какие они есть, но никогда и никак не объясняют, почему они есть, какое мироустройство обеспечивает их реальность. Исключение составляют разве что вполне адресные "божественное вдохновение" и "действия потусторонних сил".

С.С.: - И Вы принимаете как факты все эти явления и предлагаете это всем!

В.К.: - Да нет же. Не все. Я стопроцентный скептик, как Фома Неверующий, и не могу поверить в то, чего не пощупал сам своими руками или научным сознанием. Мне просто хочется вместо слепого "верю-не верю" оценить, можно ли найти хоть какую-то научную основу для объяснения механизма этих явлений.

И пришел к выводу, что для многих из них – да, можно, но только в случае, если принять ряд основополагающих научно-приемлемых допущений. И на их основе, как на постулатах, построить более емкую и многостороннюю модель мироздания, соответственно расширяя рамки современной науки и реализуя тем самым изменение ее парадигмы. Все это – подстать новому XXI веку и третьему тысячелетию от Рождества Христова.

С.С.: - Парадигма, насколько помнится – это базовая логически-последовательная постановка научных проблем, образец, пример, фундамент современных научных методов. Так что же за изменения в современной парадигме должны произойти!

В.К.: - Да, да, именно так. Грядущие изменения научного фундамента уже обсуждаются в кругах ученых, труды которых приводятся в научных сборниках с такими непривычными, но многозначными названиями, как "Многообразие вненаучного знания", "Заблуждающийся разум" и тому подобных. И на все эти изменения отводится XXI век, а, возможно, и больше.

Предполагается, в частности, что парадигма должна охватить или впустить в себя духовность или, коль хотите, мистику, если из нее будут удалены шарлатанство и спекуляции, делающиеся в угоду непросвещенности, суевериям и религиям. Новая расширенная парадигма в дополнение к нынешней позиции, направленной на изучение многократно повторяющихся событий, свойственных материальному миру, включит в себя модель событий редких, единичных, даже неповторяющихся на протяжении жизни одного человека, как рождение и смерть, или слабоуловимых событий духовного мира, коль они таковыми оказываются. При этом они могут не поддаваться привычным методам обработки наблюдений, например, с помощью статистики. Да и само понятие статистики и случайных событий должно как-то проясниться, преодолев влияние темного случая.

Важным изменением считают появление нравственной ориентации новых наук буду-

щего, в отличие от нынешнего безразличия наук к морали, которой занимаются искусства и разные специальные учреждения, как, например, церковь или полиция нравов, а в недавнем нашем прошлом – политбюро, политотделы и парткомы КПСС.

Одной из главных перемен в парадигме видится изменение позиции человека по отношению к природе. Вместо конфронтации, когда человек рассматривался как контрагент, "завоеватель", который, якобы, "покоряет" природу, утвердится мысль, что человек как часть природы должен иначе строить свои взаимоотношения с ней. Например, в виде диалога. Помните, в кинофильме "Солярис" Станислава Лема и Андрея Тарковского именно так и оказалось. Именно в такие отношения диалога (а не в силовые) необходимо было вступить ученым на орбитальной лаборатории при изучении мыслящего Океана на неведомой далекой планете, к которой они прилетели с Земли. Пока это только про отдаленные будущие времена в фантастике современных, очень чувствительных людей, которые, как часто бывает, предвосхищают будущее.

Ожидается, что развитие наук выйдет из своих научных цехов-лабораторий и станет не только уделом узкого круга профессионалов, "жрецов от науки", но делом всех и каждого, кто может, если захочет, развивать даже свою науку, лишь бы она стыковалась с другими в новой базовой модели наук. Некоторые формы научной и практической деятельности выйдут в массовые глобальные движения, прообразом которых могут служить Гринпис, Олимпийские игры, Интернет, Организация Объединенных Наций, Совет Европы, бахаизм, как предтеча всепланетной религии, если все это не подпадёт под эксклюзивное влияние каких-то избранных наций или отдельных слоёв общества.

Далее будет признана необязательность математизации всех наук как идеальной нормы. Глубокое развитие получат неколичественные, так называемые понятийные (или понимающие) науки. У духовных наук появится свой инструментарий исследований, свой словарь терминов и понятий, что будет способствовать более тонкому, а не беспомощному, как теперь, изложению содержания и предмета новых наук. Альберт Эйнштейн сказал: "Как много мы знаем, как мало понимаем"! Великий физик, веривший в Бога, играл на скрипке для тюльпанов в клумбе, но не получил от них ответа... А, может, не заметил его? И всю оставшуюся жизнь потратил на попытку создать единую теорию поля. Какая бы теория у него получилась и какого поля? Он как бы томился ожиданием изменений парадигмы, которые вскоре и были сформулированы Даниилом Андреевым и введены в употребление. Этот поэт-мыслитель, отсидевший при советском режиме как политзаключенный 10 лет во Владимирской тюрьме, в своей грандиозной светлой книге "Роза Мира" нарисовал в середине XX века, совсем не от науки, а скорее от поэзии, сложную, многослойную, я бы сказал, к сожалению, утопическую, духовную модель мироздания, опираясь по большей части на романтику восточных верований с их и его собственной мудреной терминологией.

С.С.: - Интересно, каким же может быть этот специфический инструментарий научного познания духовной сферы реального мира!

В.К.: - Ну ясно, что главным образом это не приборы из материального мира, а нечто духовное. Вот, например, Зигмунд Фрейд, сделавший в начале XX века гениальный прорыв в психиатрии, применил для изучения и лечения душевнобольных психоанализ как психотерапию. По существу это почти то же, что на ощупь издавна освоила религия в виде святой исповеди в христианстве.

К инструментарию можно отнести и научную логику исследований, на которой основана парадигма как "логически-последовательная система знаний". Современная наука вооружена старой добротной аристотелевской логикой и только недавно рядом с ней возник принцип дополнительности Нильса Бора, и на его основе и входит в обиход новая, так называемая "нечеткая" (или "волновая") логика, которая и просится в новую парадигму. В первой задаются и решаются вопросы с четким ответом "да" или "нет"

("черное" или "белое"). Во второй – такие вопросы не всегда корректны, и ответ может быть: "и да и нет", "и то и другое". Простой пример: тельняшка – синяя в белую полоску или белая в синюю? Ответ: и то и другое, "и-и", а не "или-или".

Началось все с вопроса в атомной физике начала XX века: электрон – частица или волна? "Кусочек" материи или процесс колебания? Оказывается, он и то и другое по своей природе, а не потому, что человек, якобы, не может определить. Такова природа и суть вещей. Аристотель не ввел этого в свою железную логику, которая служила человечеству более двадцати веков могучим инструментом в исследовании законов природы...

С.С.: – Однако... Вот сколько уж мы беседуем, а все еще находимся только в самом начале, рассматриваем как бы введение. Давайте перейдем к сути. Вы говорите о каких-то необходимых допущениях по теме...

В.К.: – Да, это вполне разумные, но необычайные допущения. Во-первых, о том, что мир, в котором мы живем и являемся его частью, не так прост, как мы его пока воспринимаем. Это – вопреки вызубренному ленинскому философскому определению: мир таков, каким мы его видим.

Труднее принять второе допущение: в мироздании могут быть до сих пор не выявленные трудноуловимые уровни реальности, с которыми человек сталкивается слишком слабо ощутимым взаимодействием, но сильным коренным обратным влиянием, о чем уже говорилось в отношении свойств ноосферы Вернадского. А постоянное соприкосновение человечества с этим, видимо, и привело к возникновению веры и религий. Тут можно говорить о нематериальной субстанции духа или о сверхтонкой материи, которые могут быть носителями духовности.

С.С.: – Этих двух допущений достаточно!

В.К.: – Увы, нет. Не хватает главного. Его сформулировал совсем недавно академик Борис Викторович Раушенбах, правая рука академика Сергея Павловича Королева по расчету орбит и стыковок спутников. Он посчитал необходимым и возможным допустить наличие пятого измерения нашего мира. И назвал его Духовностью... Вот теперь почти все.

Следует обратить внимание на то, что вся сотканная человеческим разумом ткань измерений мира, отражающая его реальные объективные свойства и сущность, является не только реальной, как и сам мир, но, с другой стороны, чисто субъективной догадкой – приемом в познании мира. Так же человек своим разумом при ограниченных возможностях органов чувств "догадался" о неведомых материальных радиоволнах, построил соответствующие приборы и начал использовать их в своей практике. Или, имея в своем распоряжении поначалу лишь догадку о невидимых атомах и потом, "догадавшись" по природной радиоактивности о наличии атомного ядра, добрался до глубинных энергетических кладовых материи.

И еще: "догадавшись" когда-то, что Земля – шар, да еще вращающийся в пространстве около Солнца, и связав это вращение со сменой суток, человек как бы накинул на этот шар свою вполне материальную и в то же время субъективную умозрительную сеть меридианов и параллелей. Получился глобус, очень удобный в обиходе: широта, долгота... Но ведь на реальном земном шаре нет этой мерительной сетки. Она только в наших головах, в чертежах, на картах.

Так и с измерениями нашего мира, на который мы накинули свою мерительную сетку: три пространственных взаимно перпендикулярных координаты x , y , z и четвертая – бегущее время t . Такая сетка измерений удобна для описания физических материальных явлений и, в общем, правильно отражает свойства и строение материального мира. Придуманно даже определение, что "пространство и время есть формы существования материи". Именно материи. Не существует эта сетка как упрощенное, не

единственно возможное отображение мира в нашем разуме. В реальности нашего мира, например, параллели по Лобачевскому-Риману сходятся, и это учитывается в более сложной обновленной мерительной сетке космического пространства-времени по Эйнштейну, хотя мы до сих пор никак не можем представить себе искривленность пространства, происходящую из-за действия материальных инерционных масс вселенной.

Но заметьте, мы говорим это все о материальной сфере: радиоволны, атом и его энергия, земной шар, пространство, бегущее время, вселенная. Но вот у человека есть догадка о духе, о духовности, наконец, о Боге, как о реальном компоненте нашего Мира. И мы начинаем с научных позиций будущей парадигмы говорить о "вместилище" духовности. И в качестве его называем пятое измерение D, именуя его духовностью. И с учетом этого называем все сущее Миром Высшей Реальности.

С.С.: - Ну вот, наконец, добрались до сути. И коль забрели в такие дебри на пути к цели, то нельзя ли уточнить хоть в какой-то степени, как представлять себе это неизвестное пятое измерение — "вместилище" духовности? Хотя какие-то его свойства!.. Где и как пристроить его в нашем видимом и невидимом окружающем мире?

В.К.: - Странно, а Вы почему-то не задаетесь вопросом, как нам представлять себе в нашем материальном мире давно известное четвертое измерение — время и его "вместилище"? Мы его воспринимаем таким, как оно есть, сколь бы загадочным оно ни было. Привычно, что оно безостановочно "бежит", "течет" откуда-то и куда-то. То ли из будущего на нас, а мы, как на перроне, встречаем все новые и новые события и факты... Или мы сами через их гущу, как в экспрессе, мчимся вперед, в будущее, к новым событиям, которые произойдут и останутся позади в прошлом.

Не так давно люди оспорили о том, куда направлять стрелу времени на координатной оси абсцисс для графического изображения хода процессов во времени: слева направо или наоборот. Приняли по Декарту в его координатах $x-y$, или $x-t$: слева направо, вперед к будущему. И это уже привычно. Издревле изобрели необычный инструмент для измерения времени — часы, начиная с песочных, водяных и солнечных. Потом маятниковые, гиревые, пружинные. Теперь кварцевые, электронные, атомные. До сих пор говорим "как много воды утекло". В часах движение. Они то "идут", тикают, а то "стоят". Не как мерительный метр для пространства — он лежит, молчит.

Копаясь дальше в науках, совсем недавно пришли к понятиям о глубинных свойствах нашего бегущего времени. Что оно тоже квантуется, как и материя, как бы делится на прерывистые все более мелкие "отрезки" и состоит из неделимых далее квантов времени. Они, обладая энергией, как двигатели, подталкивают причинно-следственные переходы в материальном мире на самом элементарном уровне тонких энергий, давая ход событиям и бегущему времени. То ли еще покажут дальнейшие исследования.

Например, профессор Пулковской обсерватории Николай Александрович Козырев, начиная с середины уходящего века, утверждал, наряду с гипотезой об энергетике потока времени и о том, что время рождается и истекает из недр космических звезд, а утекает в "черные дыры", утверждал еще и взгляд о мгновенной передаче сигналов через временную субстанцию, которая реагирует сразу одновременно во всей Вселенной на события. Он это подтверждал в мудреных, но спорных опытах на Земле и в космосе. За открытие вулканизма на Луне в подтверждение и на основе своих гипотез десять лет спустя получил мировое признание. Но после его смерти накал страстей по поводу смелых парадоксальных идей затих, и только время покажет их значение.

А пока почему бы, да-да, почему бы, нам не отнестись именно с таких же позиций и к пятому измерению — духовности и воспринимать его пока так же: оно такое, какое оно есть, сколь бы загадочным оно ни было. А исследования раскроют тайны...

С.С.: - Простите, стоп! Ну, хотя бы потому, что время, давно признанное четвертым измерением, пусть странного, измерения мира, ведь реально есть, и мы это видим, ощущаем, измеряем, а духовности — пятого измерения — для нас пока не было, и его только постулируем.

В.К.: - Не говорите, что для нас нет духовности и что мы ее не ощущаем. Как раз множество сигналов и проявлений духовной сферы почти каждому из нас давно известны из собственной психической деятельности и фундаментального опыта человечества. И многие новые—старые факты из мистики уже стучатся в дверь. Конечно, да, поздно, к сожалению, человечество будет, наконец, со всей мощью современной цивилизации подключаться к научным исследованиям в этой сфере, которой ведали до сих пор в большой мере религии.

А на далеком Востоке древнейшие исследования этого, основанные на иной духовно-человечной парадигме, были захлестнуты волной суетной европейской "цивилизации вещизма", как ее зовут, с ее ущербной однобокой материалистической прагматической парадигмой, когда даже высочайшие духовные произведения искусства, как, например, "Сикстинская мадонна" Рафаэля, низведены до ранга вещи, имеющей цену в денежном выражении...

И еще — зря думаете, что с понятием времени всегда было все просто: не так уж давно в пещерной жизни человечества до изучения на ощупь этого феномена, до древних шаманов и египетских жрецов люди вряд ли легко различали череду дней, сезонов года и толщу прошлых лет и зим. Как и мы теперь, никак не разберемся с будущим — можно ли его предсказывать, и почему — нет, а почему — да? Вот на такой стадии мы с нашей хваленной цивилизацией находимся по отношению ко времени — четвертому измерению и к духовности — пятому измерению мира.

Хотя, отвечая на Ваш предыдущий вопрос, скажу, что уже существуют некоторые толкования и о пятом измерении, о духовности. Александрийский мыслитель святой отец христианской церкви Августин Блаженный, ярый апологет Веры, еще в V веке нашей эры, критикуя телесные изображения на только что начавших появляться иконах духовных объектов: голубя — Святого Духа и ангелов, указал на ошибочную условность этого — дух ведь не имеет тела, поэтому не занимает места и объема в пространстве, как и мысль, например. По-нашему это означает, что все духовное пребывает в нематериальной точке. Значит, нигде конкретно в пространстве. Или, наоборот, всюду, поскольку положение этой сингулярной точки не определено. Своеобразная вездесущность.

Но в бегучем времени "живет" вся материя мира, потому-то оно и является одним из измерений мира и формой существования материи. Поэтому же и в духовности, как измерении мира, "живет" все сущее: и материальная и духовная составляющие. Вот и все. Просто и не очень понятно.

Только почему же мы все говорим лишь об "окружающем нас мире"? Он ведь не только вокруг нас, но и в нас тоже, поскольку мы его часть, осознание чего является важным пунктом новой парадигмы. Поэтому еще можно как вариант осмысливания третьего постулата занять субъективистскую позицию: в человеке размещается это пятое измерения, в психике, в нервной системе как материальном носителе концентрата духовности. До сих пор наши ученые не могут определить и сформулировать предмет изучения в таких науках, как психиатрия и психология. Посмотрите БСЭ (на то она и советская, промарксистско-ленинская). Как туманно в ней об этом, вокруг да около, с наскозь атеистическо-материалистических позиций, в чем и тупик. А ведь у нас тут попахивает уступкой идеализму, да еще субъективному, в идеологическом споре с античных времен материалистов и идеалистов "по основному вопросу философии" и в теории познания: что первично — дух или материя. Глупо и тупо, как шуточный спор о

курице и яйце. А ведь по существу древние мыслители под материей понимали только вещественные образования, а неизвестные реалии качественно иного типа относили к нематериальным сущностям, хотя это всего-навсего вопрос словесного определения. Стоит ли спорить, особенно при новой нечеткой логике? Ну, назовите и считайте то, о чем мы говорим как о духовности, тонкой материей, четвертым состоянием материи, биоплазмой, или, наконец, биополевой формацией. А важно, каков реально окружающий внешний мир, который мы субъективно отражаем через органы чувств и мышление, и как адекватно наше отображение, в виде которого мир существует в нашем понятии.

Да, человек – существо, создающее “второй мир”, мир, который как бы внутри каждого из нас, и выражается это в искусствах, науках, религиях, мировоззрении. Тут как бы замыкается круг: человек – часть природы, часть мира, и в то же время несет в себе тот же мир, называемый внутренним. По ассоциации вспоминается лента Мёбиуса с одной поверхностью, замкнутой на самоё себя. Вот так – трудно высказать, а еще труднее понять. Как и название, например, такой научной статьи от 1989 года: “Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека” автора Алексея Александровича Манеева, моего почти ровесника. Еще труднее понять ее содержание, которого, пожалуй, все же придется коснуться попозже.

Мы и так очень далеко зашли здесь в умозрительной конкретизации относительно свойств пятого измерения и Мира Высшей Реальности. Она очень уязвима. Хотя стоит еще добавить, подливая масла в огонь, что, как у всякого порядочного измерения мира, у духовности тоже должна быть своя метрика и шкала мер, поэтому уже давно говорят о шкале духовных ценностей, подразумевая какую-то количественность: объем, массу, цену, не в денежном, конечно, выражении и не в кубометрах, килограммах. А в чем? Нужен путь развития понятий и труд многих ученых, а пока придется на веру принимать эту концепцию.

Тот же Августин Блаженный в свое время изрек: “Верую, ибо абсурдно”. Атеисты, легкомысленно высмеивая его, относили это к его любви к абсурду. А бездумно теряемый или жульнически игнорируемый смысл этой древней фразы другой, самокритичный, простой и мудрый: божественная идея так абсурдна, то есть не поддается разуму, что ее можно и нужно принимать только на веру...

С.С.: - Извините, опять перебыю. Вы предлагаете строить науки на вере в абсурдное!

В.К.: - Не более и не менее, чем на научных постулатах, которые могут быть абсурдными с точки зрения так называемого здравого смысла, как, например: в геометрии Лобачевского пятый постулат о пересечении параллельных прямых. Или постулаты могут быть удивительными, как постулат о предельности скорости света в теории относительности Эйнштейна. Примем пока кое-что на веру и мы. Ради пользы науке.

И вспомним, что когда-то в средневековье считалась абсурдом идея о шаровидности Земли, так как люди на другой ее стороне – антиподы будут, якобы, ходить вверх ногами и вниз головой по отношению к нам. В доньютоновские времена неведом был закон о земном и всемирном притяжении. А когда-то еще раньше один из древнегреческих мыслителей был изгнан с родины, как и у нас – “за бугор”, за высказанное им оскорбительно-абсурдное допущение, что Солнце, которое над нашими головами размером с монету, на самом-то деле, может быть, размером больше родного полуострова Пелопонеса. Вот что такое здравый смысл, отражающий привычные знания эпохи. Сказана же мудрость: в действительности все не так, как на самом деле.

И, наконец, не считается абсурдным, что при нынешнем математическом описании поведения микрочастиц материи на сверхмощных ускорителях адекватная теория полу-

чается только при вовлечении в расчет одиннадцати измерений мира. А в начале XX века уже были сформулированы математиком Германом Минковским n -мерные миры, где n — любое целое число.

А мы говорим только всего-то-навсего о пятом измерении мира. Раушенбах "вычленил" его на компьютере, задав соответствующую программу и анализируя неестественное отображение пространства в пейзажах и архитектуре на иконах старых мастеров, в том числе Андрея Рублева. Пришлось допустить, что они не просто не умели выразить перспективу, а неосознанно передавали святость духовного, изображая мир божественного.

И совсем нематематично и нефизично, а скорее поэтично назвал Розой Мира свою схему мироздания и духовности поэт и мечтатель Даниил Андреев как мир очень многих религий и измерений.

С.С.: - Убедительно, но вернемся к сути. Ну и что же дает принятие постулата о пятом измерении — духовности!

В.К.: - Проще в качестве примера ответить для начала на вопрос, что дает четвертое измерение — бегущее время. Очень много, до бесконечности: перемещение объектов в пространстве, процессы развития и перемен и, как в кино, меняющиеся в определенной последовательности картинки-кадры, мириады картинок, каждая из которых — мир, правда, застывший в небегучем, статическом времени, из-за чего для материального мира это не очень подходящая фантазия. Итак, множество миров добавляется с четвертым измерением — бегущим временем.

Такой же эффект дает и пятое измерение. Если представим себе для простоты вымышленный плоский мир, живущий в плоскости координат x - y , то при добавлении перпендикулярной третьей координаты z как много таких плоских миров может разместиться в этом трехмерном пространстве, подобно листкам в книге бесконечной толщины. Бесчисленное множество. Так и при наличии пятого измерения D в Мире Высшей Реальности может содержаться бесчисленное множество таких четырехмерных миров, каким нам представляется наш мир без пятого измерения. И он может оказаться всего лишь одним из множества виртуальных миров в пятимерном Мире Высшей Реальности.

Более того, можно его рассматривать как плоскую тень на экране от трехмерного предмета. Это рассуждение напоминает древнее учение Платона о двух мирах, составляющих мироздание: "мир идей" и "мир вещей", которые являются как бы тенью на экране от своих соответствующих идейных сущностей.

Тогда в этом аспекте пятимерный Мир Высшей Реальности — это как бы Платоновский "мир сущностей", а наш родной четырехмерный мир в традиционном представлении — это мир их теней, "мир вещей" по Платону, мир материи. Вот куда нас занесло даже без особого тяготения к платонизму. Отмечу, что тут, как бы изловчась в иллюстрации рассуждений, пришлось употребить наряду с двумя платоновскими несколько моделей миров, как то: застывший мир без одного временного измерения t , плоский мир без одного из трех пространственных измерений z , четырехмерный мир без пятого измерения D — наша традиционная модель и, наконец, наш новый, пятимерный Мир Высшей Реальности, а также виртуальные миры как параллельные варианты.

И не надо забывать о самом главном. Пятимерный Мир Высшей Реальности в своей бесконечной емкости включает Духовность или Мистику в ее истинном понимании, когда из нее выброшены все суеверно-фантастические домыслы, из-за которых слово "мистика" у нас стало почти ругательным, служащим для порицания суждений и взглядов.

И не стоит думать, что мы навязываем миру пятое измерение. Нет, мы просто счастливо догадались, что оно есть в реалиях мироздания. Предлагаем включить его в 25

Концепцию Мира и посмотреть, что из этого получится хорошего: как удобно будет нам описывать наш реальный мир и события в нем с включением "мистического".

С.С.: - Вы только что упомянули виртуальные миры. Термин теперь весьма модный, им обозначается нечто мистическое. Или и научное!

В.К.: - Да, я бы сказал, что значение термина "виртуальный" лежит на границе между материальной реальностью и духовностью. Но Ваш вопрос задан по законам старой аристотелевской логики — или то или это, а мы тут имеем дело с объективностью, подчиняющейся более обширной новой нечеткой логике, где возможно и то, и это. И если слово "мистика", как мы уже говорили, обозначает в переводе — "духовность", то — да, тут у нас термин "виртуальный" из мистики, но и научный тоже, в рамках новой парадигмы. И с позиций концепции о Море Высшей Реальности он вполне может обозначать реацию.

Началось это около середины уходящего века опять же в теоретической физике в области атомной квантовой механики. Сначала виртуальными называли короткоживущие состояния элементарных частиц, настолько короткоживущие, что их не удастся "пощупать" приборами, и они остаются известными только из расчетов. Потом в расчетно-теоретических исследованиях более крупных частиц, например, самого простейшего из них атома водорода, а потом и более сложного атома гелия, оказалось удобным, обходя трудности, расчленив сложный расчет на ряд этапов. В каждом из них рассматривались отдельно некоторые упрощенные модели состояния атома. А потом они все суммировались и получалась полная адекватная модель атома в целом, как бы состоящая из этих отдельных расчетных состояний. Их называли виртуальными. И молча приняли впрямь считать, что они реально существуют в атомах, накладываясь друг на друга и определяя их свойства. И начали искать их экспериментально, хотя поначалу все понимали, что они были чисто расчетными. Вот тут и загвоздка: реальны они в атоме, в природе или реальны только в головах?

Вскоре появилась теория Пуулинга о молекулярном резонансе структур, за которую он получил Нобелевскую премию. А в ней уже целая огромная молекула, состоящая из десятков крупных атомов, участвующая в образовании органических веществ живой природы, якобы имеет сразу же одновременно несколько виртуальных состояний, накладывающихся друг на друга. В молекуле они находятся в колебательном резонансе, который связывает молекулы в вещество. Такой взгляд позволяет научно рассчитывать и конструировать новые синтетические материалы, хотя эти виртуальные состояния атомов и молекул никак не определяются в опытах. Есть ли они реально в молекуле или просто удобно держать в голове и в компьютере такой порядок? Тут на этом рубеже наши бдительные партийные материалисты уж никак не могли уступить. Им не впервой вмешиваться в естественные науки: однажды они уже "запретили" у нас в стране теорию вероятности Эйнштейна, потом кибернетику Винера, генетику вейсманистов-морганистов, обозвав их "буржуазными лженауками". Это напоминает запрет в средневековье папой Римским учения Коперника, продолжавшийся до XIX века. За приверженность к теории резонанса Пуулинга, так же как и к генетике, "полетели головы" многих крупных советских ученых, когда в начале 50-х годов пошла их травля на уровне Политбюро ЦК КПСС и Академии наук СССР.

Ну, а позже, благодаря компьютеризации, употребление понятия "виртуальных явлений" стало повсеместным, и появились термины: вести расчет "в реальном времени", либо "онлайн". Захлестнула волна телевизионной фантастики о виртуальных образах, жизнях, происшествиях, мирах. Что там атом гелия и резонанс в молекулах! Нам показывают теперь людей, якобы одновременно живущих в разных виртуальных вариантах жизни, совмещенных в одном и том же пространстве, или в параллельных виртуальных мирах, но в разных ответвлениях времени. И никого за это не отлучают от церкви или

КПСС. Теперь даже можно свободно поговорить с позиций концепции Мира Высшей Реальности, например, о модных в наше время НЛО, "тарелках" и инопланетянах. Если они действительно появляются, то это можно было бы посчитать феноменом соприкосновения или пересечения нашего четырехмерного мира с одним из виртуальных некомпланарных четырехмерных миров в нашем всеобъемлющем пятимерном Мира Высшей Реальности. И для такого визита пришельцам, жителям того мира при их, надо считать, очень высокой цивилизации необязательно преодолевать пространственно-временную протяженность мира, если они освоили, например, для мгновенного перемещения гравитацию или энергетику течения времени, о которой говорил Николай Козырев, или использование "червоточин" в пространстве-времени. Но подозрительно во всей этой теме, что пришельцы непременно предстают не иначе как гуманоиды и, как бы от нашего большого воображения что ли, считаются захватчиками-покорителями, подобно нашим средневековым конкистадорам. Скорее можно было бы ожидать, что они, в соответствии с высоким уровнем их цивилизации, и, видимо, с высокой степенью духовности, явятся добрыми гостями, такими Вестниками, несущими нам, землянам, в виде помощи полезные ноу-хау и толковые технологии для выхода из кровавых социальных тупиков и избежания губительных техногенных катастроф. А когда-то и у землян в свой черед возникнет такая же всемирная миссия для Мира Высшей Реальности. Вот такая фантастика.

Термин "виртуальный" стал расхожим. Понадобится он и нам для описания увеличенной до бесконечности емкости Мира Высшей Реальности, с которой столь же позитивно соотносится Вечность — четвертое измерение мира как всеобъемлющая форма времени наряду с бегущим, которое рассматривается как частность.

С.С.: - Это интересно, но вижу, тут напрашивается еще один "абсурдный" постулат. Нельзя было не заметить, что Вы упорно называете время бегущим, как будто держите в уме про запас еще кое-что. Это и есть Вечность! А что это такое в Вашей трактовке!

В.К.: - Да, для полноты концепции нужен еще постулат четвертый, не так уж много — о статическом времени или Вечности, как одной из всеобъемлющих ипостасей времени, входящей в состав Мира Высшей Реальности. В таком виде за временем останется звание формы существования всего сущего, и не только материи, а и духовности.

Не мною придумано, давно уже рассматривается как антитеза концепции загадочного бегущего времени статическая концепция времени, снимающая некоторые загадки бегущего времени, но, конечно, не без своих загадок и менее привычная. Легче всего она иллюстрируется такой картиной. Путник мчится вдоль Скалистых гор. Последовательно перед его взором предстают очередные горные вершины. Каждой из них он любуется в каждый данный момент настоящего времени, если в отличие от будущего времени и прошлого под настоящим понимать бегущую грань, где одно из них превращается в другое. При этом для бегущего времени одним из нерешенных до сих пор остается вопрос: какой отрезочек времени относить к настоящему, в разговоре называя его "ныне", "теперь", "сейчас", "сию минуту", "сию секундочку" или "несколько часов", "недель", "год"? Мелькают вершины гор как факты созерцания или события. Но до этого последовательного ознакомления с их чередой они ведь извечно уже стояли на своих местах, только не попадали под обзор наблюдателя-путника, поскольку он до них не доехал. А потом они останутся стоять за его спиной вечно. Можно будет их снова осмотреть, уже как события прошлого. Так, якобы, и в нашей жизни уже есть все, и прошлое, и будущее, все стоит на своих местах, все уже случилось и произошло и как бы находится в бесконечно емких хранилищах, кладовых Вечности и Мира Высшей Реальности, во всех его виртуальных вариантах. Но человек в силу ограниченных мате-

риальных свойств своей натуры не может видеть все разом. И только бегущее время матери, являя настоящее, как бы прокручивает кадр за кадром ленту кинофильма, чем и создается "иллюзия бегущего времени".

Можно считать бегучесть одним из всех свойств времени в составе Вечности, которая сама отнюдь не является безвременьем и застоем. У нее возможны еще другие свойства, например, плотность времени – насыщенность причинно-следственными переходами и духовными ценностями или неоднородность всего этого по всему массиву, рассортировка их по соотношению материального и духовного, перемещение этих количественных характеристик во всем массиве благодаря свойству бегучести, и энергетика, воздействующая на ход времени и на скорость этих переходов, рассортировок, перемещений и, наконец, бесконечная емкость хранилищ информационной памяти. И как у пространственной сущности материального мира находим три измерения x , y , z , так и у временной сущности, возможно, имеется еще несколько измерений, кроме протяженности t .

Вот как далеко мы намеренно зашли в нашей неуклюжей громоздкой детализации, чтобы показать, как она наивна и уязвима. Пока можно только гадать, так же, как и в виде вот такой известной насквозь идеалистической модели: бег времени и развертка событий по шкале бегущего времени – это свойство не самого времени, которое в целом предстает Вечностью, а субъективное свойство материального человека, его психики, способной воспринимать все лишь кадр за кадром в окружающей материальной природе, где "все течет, все изменяется" в иллюзорно бегущем времени.

Кое-что можно еще почерпнуть в поддержку понятия бегущего времени из современной теории физического вакуума. Не технического, который достигается откачкой воздуха насосами, а теоретического физического вакуума как исходной всемирной субстанции континуального типа. Из выкладок с помощью сложного математического аппарата, и в том числе из квантовой механики, можно проследить, что именно в момент исходного энергетического возмущения физического вакуума, когда он локально перестает быть непрерывной средой-субстанцией континуального полевого типа, возникает квантованная материя и время. В нашем понимании это и есть бегущее время для материальной сферы Мира Высшей Реальности, в котором в целом-то виде властвует полное время – Вечность.

Ну, и, наконец, не стоит упускать из виду один из выводов из теории Большого Взрыва, при котором, как считается, возникла несколько десятков миллиардов лет тому назад наша материальная Вселенная и произошел запуск Мировых часов и начался отсчет по-нашему именно бегущего времени.

С.С.: - Вы сказали, что духовность связана с человеком, как бы размещена в нем, как душа. А выходит ли она за пределы его тела в его материализованном существо!

В.К.: - Речь о душе? Тут опять Вы меня толкаете к детализации неведомого. А это очень шаткий и уязвимый путь. Я ведь и не стараюсь ничего утверждать и доказывать, а просто рассматриваю некоторые гипотетические точки зрения, суммирую их и формулирую свою. Меня спросили, я отвечаю. Не ищу приверженцев, тем более последователей. Вся эта система знаний в том или ином виде придет своим чередом, но ведь кто-то должен создавать научный опыт на этом пути. В правильность этого я верую и считаю своим долгом сказать то, о чем мы сейчас говорим, коль уж я до этого додумался. Тут долг и самовыражение.

Уже существует множество современных научных трудов, посвященных душе, ее сущности, проявлениям, поведению, свойствам. Многие из них стоят явно на религиозных позициях или близких к ним. И наоборот, некоторые дотошные экспериментаторы даже взвешивают душу на весах в граммах. Но есть и чисто научные труды, что

отличает их и постановкой вопроса, и концептуальностью, и независимостью логического научного подхода, как бы в преддверии к новой парадигме наук. Может служить примером статья Алексея Манеева, нами уже упоминавшаяся, когда отмечалась сложность ее названия и содержания – "Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека". В ней, как и в других аналогичных, допускается, что на Земле и в самих людях может существовать не только белково-нуклеиновая, но и другая, неизвестная пока форма жизни, как не знали мы очень долго, например, о вездесущих вирусах и т.д. Она может не иметь четко очерченных границ. Ее сигналы очень слабы и передаются с помощью иного поля, чем все известные ныне. Наличие этого биополя определяет комплекс свойств жизни и психики человека, в том числе единство уровней бессознательного, сознания и самосознания, а также волевых поступков после формирования цели.

Мне кажется, что биополю приписывают те же свойства, что и физическому вакууму, как некой субстанции, существующей без возникновения, вечной, бесконечной, обладающей специфической структурой континуального, непрерывного поля в отличие от локальных контактных прерывистых квантованных полей, то есть материи, которая является результатом возмущения этой субстанции. Это у нас уже только что отмечалось в выводах о бегущем времени из теории физического вакуума, а еще раньше – как нематериальная и без пространственной сингулярная точка Святого Августина и потом как "емкость" духовности – пятое измерение Мира Высшей Реальности.

И все это об одном и том же. Тут стоит вспомнить, что созвучной была в предэйнштейновские времена к началу уходящего века идея об упругом невесомом мировом эфире, который якобы пронизывает весь мир и является носителем электромагнитных колебаний (волн). Эта идея была, к разочарованию и сожалению, отвергнута благодаря крупномасштабным экспериментам Майкельсона, основанным на измерении скорости света. Но в ней роль эфира предназначалась только для механики материальных явлений, а не для психики и духовности, как биополе (или биосиполе) духовного свойства.

Специфика биополя коренится в его континуальности, как целого нелокализованного, так и в локальной взаимосвязи его в виде биосиполя с биологическим объектом – телом человека. Тут же где-то проходит граница, линия контакта между биосиполем, то есть душой, и телом человека, кому она принадлежит. Биофизики и биохимики вместе с невропатологами и нейрофизиологами дотошно и вполне научно на современной основе знаний проводят анализ нервных явлений на материальном уровне. Они проследят всё до поведения последнего иона в цепочке материальной нервной деятельности человека: как идет жизненный процесс и нервная жизнь от восприятия ощущений до передачи и поступления нервных электрических сигналов в мозг. А далее? Как всё это материальное, где, на каком уровне, в каких процессах вдруг превращается в духовную сферу явлений, таких, как мысль, интуиция, озарение, догадка, вдохновение, решение к действию, память, надежда, вера, любовь, радость, гнев, темперамент, осознание собственного Я, наконец, и создание второго мира? Как они обеспечиваются ионами, нервными клетками и их взаимосвязью? Так же как работа компьютера – его деталями, транзисторами, резисторами и двоичной системой выбора "да – нет"? Но разве в компьютере рождается что либо кроме исполнительской, суперумственной счетной работы и бездушных стихов?

Перескакивая через эту пропасть между поведением материи в виде нервных тканей, клеток, молекул, ионов, с одной стороны, и духовной сферой, с другой, отодвигают все это в неведомые глубины нервной системы, в ее подкорковые отделы. Сразу же нам говорят загадочные, "магические", якобы, научные, слова, что "все это приводит ко всей сложности духовной жизни". И как бы нет никакой неясности, нет непреодолимой пока границы. А она есть.

Возможно, конечно, что это – граница наших знаний-незнаний. Она отодвигается по мере развития материалистических естественных наук все более вглубь вещества, живой материи и Вселенной. Но это продвижение идет лишь с одной стороны – с материальной при непреодолимой преграде для создания искусственного интеллекта и понимания всех сторон духовной жизни.

*"Что ж, может быть,
В далекий век тридцатый
В растворе человеческой крови,
Не лирики,
А физик бородатый
Откроет атом
Вещества любви.
Его прославят летописцы века.
О нем молва пойдет
Во все края.
Природа,
Сохрани от человека
Хотя бы эту
Тайну бытия".*

Так сказал мудрый поэт Николай Доризо. Но мы не за то, чтоб не раскрывать тайны природы. И в виде вспомогательного инструмента, как рабочую гипотезу предлагаем концепцию о Мире Высшей Реальности, в котором духовность – как целостное биополе, пронизывающее тело человека, а как часть его, локализованная в человеческом теле, – это биосиполе или душа. Манеев в своей статье, излагая в виде гипотезы взгляд на будущую своеобразную теорию души, определяет единый ключик, заключающийся в тесной связи биосиполя с корой полушарий мозга, подкоркой и остальной частью подсистемы живого организма через контакт с его квантованным биоэлектрическим полем физиологических процессов. И с помощью этого ключика он открывает тайны тонких механизмов таких явлений, как самосознание, долговременная память, душевные болезни, рождение новой души в зародыше нового организма, биологическая смерть, экстрасенсы и т.п. Вот такова гипотеза Минеева.

На основе свойств отражения и суперпозиции полей он объясняет рефлексии и процесс познавательного мышления, в том числе осознание состояния собственного организма. Это отражение "самости" выражается как самосознание, как фиксированное существование своего Я, что и является предметом таких наук как психология и психиатрия. И без наличия биополя делает невозможным создание искусственного интеллекта.

Память человека объясняется записью информации, например, в виде голограммы в биополевой формации, которая не участвует в обмене веществ и не подвержена энтропийным явлениям. Будь запись информации долгосрочной памяти сделана, как считается в биохимической теории, на клетках, молекулах или даже атомах в мозговой структуре, она из-за тепловых флуктуаций довольно быстро разрушалась бы и исчезала из организма, а не хранилась бы в течение всей жизни, а, возможно, и далее.

Генетическая память ДНК выступает в этой логике, как вещественная кодовая система, отражающая в себе информацию организма, также заключенную в биополевой формации. При зарождении нового организма возникновение биосиполя в зародыше провоцируется затравочными микробиосиполями исходных клеток под эгидой макробиополя. С ним они имеют непрерывную связь, будучи его частью. Эта связь в даль-

нейшем развитии индивидуума существенно определяет процессы его онтогенеза. Так, в кратком переизложении, якобы зарождается и развивается новая наследственная душа, отцепляясь от общего биополя Духовности.

С этой точки зрения многочисленные психопатологии человека можно связывать с большей или меньшей изоляцией центральной нервной системы от биополя как носителя информационного содержания сознания субъектов. Значительные деструкции в живом организме вызывают нарушения связи биополя с соматической подсистемой и могут вызвать полный разрыв этой связи, означающий биологическую смерть. Человек без биополя — труп. При этом, естественно, биополе покидает тело, вливаясь в лоно биополя и в Духовность. Здесь я намеренно придал религиозный оттенок переизложению, хотя это не обязательно и автор гипотезы не дает для этого повода, излагая все с материалистических позиций, то ли по своему убеждению, то ли в угоду служебной обязанности, что не раз случалось ранее с другими.

При частичном сохранении связи с телом в состоянии клинической смерти биополе в какой-то мере ведет себя более автономно и, возможно, выходя аномально за пределы организма, способно без помощи его мозговых анализаторов в непосредственном контакте с объектами и субъектами окружающей среды воспринимать на полевом уровне информационные образы, которые остаются в памяти после реанимации.

Пронизывающее весь организм единое биополе может быть не только фактором выработки, преобразования и хранения информации, но и средством дистанционной связи биосистем на уровнях подсознания и даже сознания, что, возможно, объясняет феномен экстрасенсов, колдунов и такие явления, как телепатия, ясновидение, инсайт.

И, наконец, объясняется удивительное по силе помдеморно-командное в рефлексии влияние на физиологические процессы психических образов или подсудных мыслей, даже на уровне подсознания, которые, как давно признано, не несут в себе никаких вещественных компонентов от мозга или отображаемого объекта, способных воздействовать на органы чувств и биохимию организма.

Очевидно, что новые сдвиги в данной области знания возможны на основе интенсификации разработки концепции биологических полей, которые имеют свойство упрямо ускользать пока от непосредственной регистрации человеческими органами чувств и анализаторами и как бы относятся к ругаемой мистике.

Тут к месту упомянуть также о слабоуловимом сходстве, как мне кажется, свойств души и фридмонов — этих парадоксальных теоретических замкнутых Вселенных, на возможность существования которых впервые указал в своей теории Нестационарной вселенной Александр Александрович Фридман. С задержкой из-за революции и гражданской войны лишь в 1920 году теория относительности, изложенная в 1916 году, стала известна в России. И он после ознакомления с ней уже в 1922 году дал решения уравнений Эйнштейна, в отличие от его стационарной вселенной, как счел нужным для случая динамической вселенной. И предвосхитил модель Расширяющейся Вселенной и само явление ее расширения и разбегания галактик, которое чуть позже было открыто при наблюдениях в космосе в 1925 г. Между Эйнштейном и Фридманом завязалась дружелюбная научная полемика в зарубежных журналах, оборвавшаяся в 1925 году смертью Фридмана от чахотки в возрасте 37 лет.

Академик математик А.Марков, развивая его взгляды, сформулировал свойства замкнутых вселенных Фридмана, дав им название фридмонов. Каждый фридмон — это вселенная вроде нашей, где находится галактика Млечный Путь с нашей Солнечной системой, и такая огромная, какой мы ее созерцаем, находясь внутри нее. А если бы бросить на нее взгляд снаружи — она мала, почти невидима. И почти ничем себя не обнаруживает, поскольку замкнута, так же, как "черная дыра". Их, по теории, может

быть множество. А я добавлю: как и душ. И каждый из нас, глядя на других индивидуумов, не видит, как правило, того же у них и только по аналогии со своим огромным внутренним миром со всю вселенную судит о наличии того же у других.

При смерти человека эта его собственная душа со своим уровнем духовности, как уже говорилось, покидая тело, обобщается в единое биополе, в большей или меньшей степени обогащая его Духовность.

"Таков закон безжалостной игры.

Не люди умирают, а миры",

- сказал прозорливый поэт Евгений Евтушенко. Да, он почти прав, только ведь умирают они лишь для земного вещественного бытия. Стоит теоретикам присмотреться. Для такого феноменологического взгляда на свойства души готов и математический аппарат Эйнштейна-Фридмана-Маркова. А один из создателей квантовой механики Гейзенберг до старости теоретически искал (но тщетно) место духовности в мироздании, идя от материи и написав "Жизнь с точки зрения физики".

А у нас тут - Концепция и выводы - как шаг к решению проблемы духовности с другой стороны, не с материальной, а с той, которая называется мистикой, то есть Духовностью. Можно, наконец, назвать этот шаг, например, мистизацией науки или онаучиванием мистики. Но уж если кому-то неймется, слово "мистика" тут можно вообще не употреблять, а оставить только как более приемлемое с их точки зрения слово "духовность" или, как уже тут говорилось, загадочное - биоплазма, или обобщенно безлико - тонкая материя, или более адресно к свойствам - биополевая формация.

С.С.: - Теперь, наконец-то, напрашивается вопрос об устройстве Мира Высшей Реальности в целом. Как в рамках этой концепции можно рассматривать духовные, в том числе мистические явления при их научном понимании!

В.К.: - Да. Ведь для этого и предпринят весь этот труд по формированию Концепции. Выскажу для простоты и полноты такую формулировку Мира Высшей Реальности. Модель, в основу которой дополнительно положены все наши четыре постулата, получается весьма странной, не простой и непривычной по сравнению со всеми известными. Но это, если кто захочет дочитать до конца, не должно смущать, так как в целом соответствует первому нашему постулату о том, что мир не так прост, как кажется.

Прежде всего, наш Мир включает в себя, по крайней мере, две составляющие - духовную, в соответствии со вторым нашим постулатом о невыявленных доселе уровнях реальности, и материальную, которую только и признают и очень уж любят материалисты. Духовная составляющая Мира представляет собой единую вечную без сотворения и возникновения субстанцию непрерывного поля - физический вакуум, где сигналы передаются, как гласит теория Козырева, мгновенно сразу без преодоления такой материальной реалии Мира, как квантованное релятивистское пространство-время. Сила этих сигналов не зависит от расстояния. Размещается эта духовная составляющая, как мы уже рассматривали, если смотреть на нее снаружи, в точке, которая, в каком-то смысле, если смотреть из нее, изнутри, размещена везде вокруг нас. Измерениями этой субстанции как форма ее существования является Духовность, по Раушенбаху, - пятое измерение в историческом ряду всех пяти измерений, описывающих Мир, а также время, по четвертому нашему постулату и статической концепции времени, в виде Вечности, как всеобъемлющее четвертое измерение Мира. Все это дает бесконечно большую емкость альтернативных виртуальных вариантов.

Материальная традиционная составляющая Мира - материя, это, как частный случай, как возмущенное состояние той же субстанции в виде прерывистых квантованных полей. Формой ее существования являются, как давно утверждается, трехмерное пространство и бегущее время - хорошо известное четвертое измерение Мира и, добавим, - как частность Вечности. Сигналы в этой материальной части Мира передаются

близкодействием от точки к точке пространства не быстрее скорости света в развертке бегущего времени, которое также квантуется. Все это триумфально изучается в естественно-физических науках.

Размещается все это материальное, видимо, в сингулярной точке пятого измерения, поскольку является одним из его состояний. Последнее обстоятельство не должно нас смущать тем, что большее, по нашему пониманию - пространство - находится в меньшем - в точке. Отдаленным примером такого парадокса в области микрокосмоса является модель электрона, состоящего из нескольких кварков, каждый из которых крупнее электрона, или "черная дыра" в макрокосмосе, поглощающая в себя в процессе коллапса несметные количества материальных объектов гигантских масс и размеров, а также релятивистская модель фридмонов, в которой в зависимости от положения наблюдателя меняется оценка того, что внутри и что за пределами, снаружи материального мира.

Материальная составляющая нашего Мира, наполненная Духовностью, в процессе своего развития в бегущем времени, начиная от Большого Взрыва, проходит формы от косной материи до биологической и далее к высшей форме - психической материи, способной отражать этот Мир в своем адекватном внутреннем духовном мире и иметь взаимнообратную связь с Духовностью Мира. Она - Духовность - в мыслящих существах, как и в феномене человека, по гипотезе Манеева, реализуется в виде локального биосиполя или вечной души, говоря в религиозных терминах.

Сходство с религиями в трактовке Духовности опять-таки не должно нас смущать или отвращать атеистов. Ведь именно религиозные верования вместо науки с однобокой парадигмой, устроившей бессмысленную многовековую драчку материализма с идеализмом, впрямую заполняли эту брешь между материальностью и духовностью в человеке, наряду с косвенным влиянием общей культуры, как, например, искусства. В этом у человечества имеется фундаментальный многотысячелетний опыт при добротном консерватизме религиозных терминов и образов, выражающих сущность Духовности. И, наконец, возможно, что таких материальных миров в альтернативных виртуальных вариантах может быть бесчисленное множество, как фридмонов, в соответствии с бесконечной емкостью Мира, ввиду его пятимерности и Вечности. Вот и все. Не просто, громоздко, не очень понятно и, главное, непривычно. Ничего, привыкнем и утончим.

Поверьте, я не переусложняю мысль ради, скажем, ложной мудрости, наоборот, стараюсь упрощать, хотя это и ведет к утрате точности изложения. Возможно, кто-то найдет здесь отдельные огрехи. Рад исправить. И сам знаю слабые места изложения Концепции. Но ведь и формулировка общепринятой пока концепции четырехмерного мира будет не так уж проста, даже если ее сделает, коль возьмется, человек с традиционным, обедненным, упрощенным материалистическим мировоззрением. Стоит ему только перечислить все составляющие мира и их кардинальные связи и свойства. Все - кроме Духовности и всего, что связано с ней.

Итак, до сих пор каждое событие характеризовалось по числу четырех измерений мира четырьмя координатами - числами x_1 , y_1 , z_1 , t_1 . В пятимерном мире добавляется пятая координата D_1 - это тоже число в той метрике, которая будет когда-то разработана для Духовности, например, в таких единицах, как дух. Один дух, два духа... Это число означает степень духовности события - поступка, личности, предмета, произведения искусства, явлений Веры - в нашем Мире Высшей Реальности. По будущей шкале этих чисел, видимо, возможны и большие отрицательные значения, например, для атомной бомбы или автомата Калашникова.

А могут быть не столь однозначные, а и весьма курьезные случаи. Ну, вот возьмем, к примеру, возможную оценку личности Андрея Дмитриевича Сахарова. Известно, что

именно по его научно-техническим решениям изготовлены самые мощные на земле массово смертоносные атомно-водородные бомбы, которые, к счастью, как он сам выразился, взрывались пока лишь на полигонах. Кстати сказать, участие в их изготовлении есть и мой личный главный грех жизни. И Сахаров тогда сразу же, как бы одумавшись, кому и для чего придумал такую игрушку, стал яростным настойчивым борцом против даже этих "мирных" испытаний, как бессмысленного бряцания оружием, столь губительного для нашей планеты.

И вслед за этим он, стоически перенося все гонения и лишения, честно и громко, как только смог до этого тихий и интеллигентный человек, ученый и народный депутат, выступил с осуждением разбойного кровавого вторжения советских войск в Афганистан. Кто будет делать эту суммарную оценку его Духовности, на каких весах взвешивать, на каких компьютерах подсчитывать? Не Бог же. Неисповедимы пути... Людям, видимо, это не под силу. Это решится там, в пятом измерении:

"Есть грозный суд: он ждет;

Он недоступен звону злата,

И мысли и дела он знает наперед",

- оповестил Лермонтов, этот Вестник иного мира, как назвал его Даниил Андреев.

Так же непрост, видимо, вопрос для нашей Церкви о канонизации к лику святых Николая II. Вот какие каверзы могут происходить в мире духовности.

Широту и многообразие свойств этого Мира Высшей Реальности, кроме очевидного навязчивого, мощного проявления материи и ее грубой энергии, даже не подозревают те, кто лишен собственного мистического духовного опыта и не впускает в себя неожиданных тонких слабых свидетельств о странностях мира, относясь к ним с предубеждением, недоверием и даже иронией и упрямой склонностью истолковывать их с позиций антимистического и атеистического догматизма.

Эти духовные свидетельства, как мы видим в жизни, не обязательно проявляются у каждого человека и в равной степени. Или они редкоповторимы или даже неповторимы в жизни одного индивида, как и его рождение или смерть. Проявления свидетельств чаще всего пока не подчиняются собственным преднамеренным рассудочно-волевым усилиям человека и как бы обладают свойством неуловимости и труднодоступности. Поэтому персональный опыт не всегда сопутствует продвижению на этом пути познания Мира. Но есть индивидуумы, которым, скажем, "повезло" в этом смысле. Они одарены необычной чувствительностью к этой особой форме реалей, так же, как повезло, например, тем, кто обладает тонким музыкальным слухом или высоким даром художественного творчества, а часто одно сопутствует другому. У них происходит, и иногда неоднократно, соприкосновение с этими фактами из области мистики. Или они даже умеют создавать условия для проявлений свидетельств какого-либо вида и постоянно практически этим пользуются. Например, это экстрасенсы, а по-народному, колдуны, шаманы. Как яркий пример Джуну Давиташвили с ее бесконтактным массажем, видимо, черпающая тонкую энергию из биополя и передающая ее пациенту. Сюда же относятся ясновидящие и прорицатели, или по-народному, гадалки с многочисленными давними и недавними примерами из истории. Тут же и телепатия и многое другое.

Я не возьмусь прямо сейчас за достоверность и во всех деталях объяснять принципы и механизмы всех этих феноменов, это пока невозможно, нужны исследования и разработки, а я делаю лишь подготовительную работу основополагающего характера и в качестве примера уже приводил сложную, но плодотворную гипотезу Манева.

Уже давно предположительно говорят о биополе, то, продолжая эту частную, казалось бы, концепцию, надо было дать ему место в мироздании, обосновать его в

категориях науки, даже пока несуществующей альтернативной, предугадать его свойства, как носителя информации и фактора, связанного с психикой и жизнью человека. Это и сделано.

Хотя тут стоит ради истины сказать, что наряду с этим духовно-полевым вариантом, разрабатывается и другой, в той же мере научный взгляд на сущность мира иной реальности. В структуру мира включается всё пронизывающая тонкая плазма или Мировой Лептонный Газ (МЛГ). Он состоит из сверхлегких микрочастиц, таких, как привычные нам электроны, позитроны, нейтрино, мюоны, таоны и до сотни новых, с еще меньшей массой, о которых начинают говорить передовые физики, теоретики и экспериментаторы. По этой гипотезе именно МЛГ содержит в себе информацию обо всем, что было, есть и будет в этом мире. Именно взаимодействием МЛГ с объектами и субъектами – с мозгом человека – объясняются духовные явления в человеческой психике. А.Чижевский еще в 30-е годы, пока не попал в ссылку в Сибирь, был одним из первых, кто занялся влиянием излучения Солнца и магнитных бурь на психику и здоровье человека, и его теория давно уж признана во всем мире. Речь идет о квантовании, результатах решения уравнений Шредингера, слоях квантовых оболочек вокруг человека, связанных с сотнями его биоактивных точек на теле, и о голографических образах. Самая энергонасыщенная первая оболочка несет наибольшую информацию и сильнее воздействует на человека – это есть душа вполне материального толка, а дальние замыкающие оболочки всех людей объединяются в единое поле человечества, нечто вроде ноосферы Вернадского или пятого измерения Раушенбаха. Возможно и такое альтернативное, материалистическое рассмотрение реалий Мира Высшей Реальности, чем создается ситуация, напоминающая противостояние когда-то волновой, по Гюйгенсу, и корпускулярной, по Ньютону, теорий света или дуализм про сущность электрона. Но это уже отдельный разговор.

А дальше надо жить и исследовать, как бесконечно большая емкость Мира Высшей Реальности с Духовностью и Вечностью обуславливают наш вариант бегучей жизни с таким будущим, которое, как оказывается, может заранее быть известным до того, как станет настоящим.

В концепции статического времени-вечности феномен прорицания или ясновидения довольно просто объясняется, хотя перед этим потребовалась громоздкая работа по постройке нового взгляда на мироздание. Как уже здесь говорилось, все будущее уже готово всегда. Иначе невозможно по-другому объяснить, как о нем можно узнать, если его нет. В развертке бегучего времени из информационного поля к нам приходят все новые как бы кадры киноленты и становятся нашим настоящим и текущей жизнью. И вот есть люди, обладающие способностью обгонять эту развертку бегучего времени и видеть наперед кадры – образы, события, которые еще не пришли к нам в наше виртуальное настоящее из будущего. Вот весьма упрощенная иллюстративная модель-аналогия механизма прорицания.

Начиная с Гомеровской ясновидящей Кассандры из Трои, дельфийской жрицы-прорицательницы Пифии и туманного Нострадамуса, поражают наше воображение гадалки и прорицатели разных времен и особенно, когда к их фактам можно относиться с большой степенью доверия, поскольку бывали всерьез зафиксированы многими очевидцами и даже соучастниками. Как, например, гадалка-немка Гирхгоф, предсказавшая роковую гибель Пушкину, или мадам Ленорман под Парижем, нагадавшая повешение на родине одному из пяти будущих декабристов, оказавшихся на виселице 12 лет спустя, Сергею Муравьеву-Апостолу.

Возможно, именно этой способностью предвидения в той или иной мере обладают люди, когда говорят о предчувствии событий, особенно роковых: и "душа болит", и

"места себе не находят". Они соприкоснулись своим подсознанием в вечном наполненном информационном биополе с фактами их "судьбы".

Но тут, при таком ходе дела в нашем Мировом, казалось бы, царствует фатальность, неизменный рок, что, например, в древнем Шумере называли "скрижалями судьбы", когда все детерминировано. Известна, опять же из истории, якобы полная тщетность попыток избежать того, что предвидено, предсказано и предчувствовано. Однако, исходя из свойств Мира Высшей Реальности, нетрудно увидеть другую картину. В нем есть многие альтернативные варианты будущего, как бы набор или веер возможных событий. И порой от решения самого человека зависит, какие из них станут реальностью настоящего. Он может делать или выбор на уровне разума, взвешивая известные аргументы, или у него могут включиться интуитивный канал и более властные глубинные структуры сознания - подсознательное. Этот канал незримо для рассудка коснулся образов будущего, что и повлияло на выбор более оптимального пути. И прозрение облекается в форму намерения и поступка. Ведь известно, что у некоторых людей намерения и планы удачливо осуществляются чаще, чем у других. Не связано ли это с их повышенной способностью к этому неосознанному прозрению, "прочтению" будущего, как бы заглядыванию вперед по киноленте разворачивающегося сценария и уже существующего в Вечности по концепции статического времени.

Необходимы исследования всех этих загадочных привычных явлений в области духа. И концепция Мира Высшей Реальности тут послужит пособием. Коль биополевая формация признана одной из основ мироздания, то понятие о ней может, как уже говорилось, продуктивно использоваться для объяснения всех духовных проявлений жизни Человека, начиная от факта его рождения и осознания собственного Я и до самых высших форм духовности, например, Любви мужины и женщины как сплетения материального и духовного, или Веры в Бога как субъективного фактора по формуле - "Бог в нас", в каждом из многих миллиардов верующих людей: вот как много Бога в Мире. И с этими высшими рейками Духовности стоит считаться, как с фундаментальным опытом человечества.

С.С.: - Ну и каков, скажем прямо, прок от Ваших умопостроений и в целом от концепции о Мире Высшей Реальности!

В.К.: - Я ожидал этого вопроса, который и себе задаю. Ведь мы люди практичные и рациональные. Чего греха таить, в Бога-то некоторые веруют с позиций пользы, что Он им обязательно что-то даст. И не только духовных сил, мол - поддержит в трудную минуту, стоит только помолиться, на что Он и предназначен, а прямо материальное - сундук с золотом.

Полагаю, в самом широком плане модель Мира Высшей Реальности, основанная на вполне допустимых постулатах научного качества при новой парадигме наук, позволяет как рабочая гипотеза сосредоточить человеческие силы на последовательное методическое изучение духа и его взаимодействия с материей. Концепция как бы открывает дорогу к вовлечению в научную сферу знаний тех явлений, которые ныне считаются "околонаучными", паранормальными, оккультными, а также по-новому подойти к рассмотрению психической жизни человека. Конечно, пока невозможно предвосхитить результаты этих будущих научных изысканий в области духовных явлений, а тем более практическое их использование, хотя некоторые из них уже практикуются с пользой. Тут практика обогнала теорию. А дальнейшие усилия в изучении энергетического биосиполя откроют принципы и механизмы его поведения.

Но уже теперь можно ставить на повестку дня наиболее крупные вопросы. Например, о том, где и в каком виде находятся индивидуальные духовные интеллекты - индивидуальные биосиполя - после их отделения от материальных тел после смерти.

Возможно, они сливаются в едином духовном мире - без пространства и бегучего

времени. Можно допустить общение их между собой и всех воедино. На полевом канале интуиции. Тут уместно вспомнить об инсайте, прямом знании, приходящем без участия материальных органов чувств и носителей информации. Полная информативность "без утайки" при прозрачно открытой интуитивности. Всем все известно сразу и о прошлом, и о настоящем, и о будущем. Никаких "козней". И все бывшие тайны человеческие открыты там для всех и не волнуют ввиду отсутствия материальных человеческих интересов. Нет земных забот, как слишком мелочных — что бы там ни случилось в материально-техническом прогрессе. Важен лишь духовный прогресс, как высший суд и высшая мера. И направленность на действенное обратное влияние на него от всего духовного сонмища интеллектов, биопсиполой, или душ, или от группы их, или персонально. Видимо, мера или мощь воздействия различна в этом корпоративном или индивидуальном случае. И различна, в зависимости от персональной силы конкретного интеллекта. В таком виде и заключается, видимо, обратная связь "с того света", о которой упорно с разочарованием говорят, что ее нет. Она есть, но тонкая и к ней надо уметь прислушиваться. А чего же мы должны ожидать? Телеграммы с обратным адресом, или передачи по телевидению с вещанием на всю планету?

Здесь также можно строить предположения о встрече в том потустороннем сонмище и общении на интуитивном канале родственных душ и близких в прошлой земной жизни. Сюда же относится вопрос о реинкарнации душ. Но понятно, что вся эта детализировка выглядит пока как фантастика и очень похожа на религиозный рай. Однако, не боясь этого, все-таки считаю нужным допустить ее, хотя бы просто для иллюстрации итогов. Можно даже пофантазировать полусуто на тему об "адских муках" и "райских утлах" как о каре и одарении за бездуховность или духовность прожитой человеком земной жизни. Там, в запредельном бытии происходит поистине праведное разделение индивидуумов не по национальному, социальному, кастовому, классовому, политпартийному признаку, а по вкладу в Духовность человечества. Одни окажутся самонаказанными неумением и неспособностью взять на себя небывало сладостно-возвышенное богатства Духовности и в осознании этого участь их извечно будет ущербной, серой, обедненной. У других будет, если судить по высокой планке духовности, ощущение вечного блаженства и экстаза, который у них в земной жизни наполнял душу лишь временами, неуловимо пробегал по всему телу, как, например, при соприкосновении с музыкой Баха, или от той благоговейной трепетной Любви, которая отпускала мужчине и женщине, или в отраде от сделанных добрых высокодуховных дел. Надо полагать, что Бах и другие гении музыки, как "вестники иного мира", по Даниилу Андрееву, как бы подслушали и извлекли для наших ушей и душ в нашу суровую материальную земную жизнь лишь посильно малую часть той музыки высших сфер, которая беззвучно звучит и заполняет Духовность.

Осознание этой вероятности "возмездия" перед лицом Вечности за "грешную" или высокодуховную земную скоротечную жизнь может служить компасом для хорошей регуляции личной земной жизни человека. Вот как это по-религиозному звучит.

А что касается сходства некоторых конкретизированных картинок Мира Высшей Реальности с религиозными понятиями — это не случайно и непреднамеренно, а естественно: ведь тут пересеклись две параллельные линии — от науки и религий. Обе о духовности, о душе, о Духе, о запредельном мире, или как его называют, потустороннем, загробном. Ведь науки давно наткнулись на понятие запредельности, трансцендентности — "за пределом опыта", иррациональности — "за пределами разума". Тут и иррациональные числа, одно знаменитое число π или неперово число e чего стоят. Тут и мнимые числа со знаменитым корнем квадратным из минус единицы, и "фазовые пространства", не существующие реально, а только для расчета электромагнитных полей. А максимально предельная скорость света в материальной среде. А недостижи-

мая в материальном мире предельно низкая температура ноль градусов по абсолютной шкале Кельвина. Известно, что температура – степень нагретости тел, характеризует интенсивность движения квантованных микрочастиц материи. Именно материя. Абсолютный ноль градусов – не пограничный ли столб между материей и духом, между квантованной и неквантованной континуальной субстанцией?

Об этой запредельности отец церкви, инженер, ученый Павел Флоренский разговаривал с не признающим его Лениным. А при Сталине "договорился" – побывал в Сибири в лагере в 1933 году, а потом в 1937 безвестно расстрелян на Соловках. Большая часть его письменных трудов изъята и уничтожена. Через всю свою жизнь он несгибаемо пронес параллелизм, внутреннюю сопряженность своих духовных и научных занятий. Вставлю к слову, что теперь в этой области исследований работает официально его внук Павел Флоренский, я бы сказал, Младший.

А тот, Старший, понимал уже тогда, что существующие науки имеют дело с общими закономерностями, которые изучаются с целью познания и регуляции физических явлений материального мира. Религии же всецело связаны с размышлениями о нравственно-моральных и эстетических ценностях духовности. С одной стороны – $E=Mc^2$ и закон гравитации, с другой – созерцание красоты и святости. То, что подмечается одной стороной, другой – упускается из виду и наоборот. Он тогда уже понимал, что нужны альтернативные науки, детерминация "ненаучного" знания и сближение религии с психологией современной цивилизации, к чему потом много позже, уже в наши дни склонялся убиенный протоиерей Александр Мень, я бы отнес его, как и Флоренского-Старшего, к вестникам мира иного, куда они и ушли.

С.С.: - Ну и, чтобы исчерпать тему: из всего изложенного здесь и Вашей Концепции можно сделать какие-то реальные полезные выводы для своего поведения в этой жизни! Зачем нужна Концепция!

В.К.: - Что Вы! Исчерпать эту тему нельзя, а закруглить, конечно, можно. А вообще-то рецепты никто не может давать, кроме врача и аптеки. Это неподобающее занятие. Каждый волен сам выбирать себе способ жить без прямого давления и манипулирования его волей и сознанием со стороны кого бы то ни было, будь то родители, друзья, соседи, окружающие, особенно сплетники и средства массовой информации, а также власть предержащие и религии, и даже так называемые добровольные общества и "братства". Хотя все поучения и советы, поданные не прямо в назидательной менторской форме, а своим примером поведения, могут быть полезны, в том числе, безусловно, и толкование научных знаний.

А выводы из Концепции я лично для себя сделал, хотя и поздно. Ну, прежде всего, следует задумываться по крупному счету над своей ролью в этой жизни и в целом в жизни планеты. И как можно раньше, не обязательно только, когда нам исполняется 75 или 100 лет. Известно, что в святых пустынях, монастырях славилась "старцы" и 40 лет от роду. И к ним приезжали на собеседование такие седовласые мудрецы, как Лев Толстой или власть имущие, вплоть до царей.

Задумайтесь! И пораньше. И не суетитесь. И прислушивайтесь в себе к тонким феноменам духа, впускайте в себя высокую чувствительность к едва уловимым каверзным сигналам, не заслоняя этого светом жизни или ритуалами, кроме одного – создавать себе обстановку, содействующую всему этому.

Как видите, я ничего не утверждаю точно, не агитирую, чтобы склонить кого-либо на свою сторону. Но призываю адуматься в излагаемое мною и задуматься над своим видением мира. Это не такое уж большое насилие с моей стороны над личностью. Это, скорее всего, смелое предприятие духа, души, полет за недостижимым пока в нашей повседневности. Буду рад созвучию.

мере можно принимать за рабочую гипотезу, то ввиду ее особой важности стоит отдавать себе отчет о своей роли в ее развитии по мере сил и возможностей и, главное, о своей будущей роли в сонмике единого мирового биопсиополя или Духа и о собственном реноме.

Ну и, наконец, для всего этого и полноты жизни надо стремиться к постижению на земле самой высокой рейки Духовности. Как сказал Чернышевский: задача каждого человека — достичь всего наивысшего человеческого и наслаждаться этим. И в этой шкале Духовности — множество заветов, в том числе, безусловно, и из добронравных религий, как, например, из православия, и из высоких образцов культурных источников, таких, как искусство во всех видах и формах, где творят "вестники", наука, и именно на новой парадигме, где еще грядут новые гении, и, наконец, спорт, где на высшей планке оказываются и тело и дух, лишь бы он был освобожден от стяжательства и гордыни тщеславия. Ко всему этому можно добавить и многообещающую "Всеобщую декларацию прав человека", пока забываемую и попираемую на нашей планете.

Я заранее предвижу, что Концепция Мира Высшей Реальности может вызвать много возражений не только из-за ее парадоксальности и шероховатости, но и потому что нутром неуволимо ощущается, что последовательное согласие с ней обязывает к дополнительным некомфортным обязательствам в своей личной жизни. А раздумывать теперь некогда, "надо трясти банановую пальму", как в известном анекдоте.

Общепризнанно, что у некоторой части неверующих именно с их ленью подспудно связано неверие в Бога. Вера наряду с тем, что дарит свет и наполненность души, еще ко многому обязывает. Не всем нравится утруждать и ограничивать себя, осуждать и признаваться в этом. А кто может хотеть этого? Вникните, какая масса населения и сейчас занята в разработке и изготовлении вооружений по высоким технологиям. И как духовно отравлено население с помощью глупых ящиков с экранами, которые из средств массовой информации и внедрения культуры и духовности превратились в большей мере в средства оболванивания и манипулирования в пользу корыстолюбцев, честолюбцев и властолюбцев. Кто же и где будет признаваться в этом и раскаиваться?

У нас не получили распространения кабинеты психотерапии по методу психоанализа Фрейда. Хотя и за рубежом они выродились в шарлатанство. А, проходя в поликлинике мимо малюсенького кабинета психиатра, я говорю полусуто своим знакомым, сидящим в длиннейшей очереди, что лучше бы они шли в храм Божий на исповедь. Заметьте, всего один кабинетик духовного в огромной поликлинике, бурно занимающейся лечением плоти: костей, мяса, тканей, органов. Какой перекося. Правда, теперь еще появились у нас изгнанные из многих стран религиозные пункты дианетики, в которых по "учению" Рона Хаббарда, отторгнутого из науки в бизнес ученика Фрейда, в очередном буме пытаются восполнить пробел. Тут хоть считают, что знают, как это сделать. А в психиатрических кабинетиках врачи сознаются, что у них нет средств, и они бессильны при таком наплыве больных.

Такова жизнь, в которой единственный выход — Духовность, которая у нас в среднем по населению на уровне нуля. А чего вы хотите от общества, пережившего период после XX съезда КПСС, охарактеризованный неслыханной поэссой Анной Ахматовой так: одна Россия смотрит в глаза другой, те, кто сажал, охранял и расстреливал — тем, кто сидел или смирился, и наоборот? Десятки миллионов людей были вовлечены в эту трагедию, которой так и не дали узаконенную оценку, при которой не обязательно кого-то сажать и расстреливать, но надо было все расставить по местам в совести людей, ныне живущих и будущих и обезопасить общество. И до сих пор все идет боком и кувырком. В Госдуме, словно лебедь, рак да щука, не могут выработать нужных главных законов страны, правительство не может наладить выполнение принятых законов, а за рубежом под шумок, в мутной воде, кое-кем вывезены капиталы,

равные десяткам годовых бюджетов страны, которая живет в нищете. Все еще выходят на демонстрации с портретами Сталина, мечтают и требуют восстановить памятник Дзержинскому, хотят реабилитировать Берию, цепко сохраняют корявые многосерийные памятники Ленину, а сегодня уже решили сохранить александровский гимн страны, так опорощенный в реальности лживостью прежних его слов, что не сотрется в памяти мира, как бы ни изменяли слова на новые.

Что уж тут говорить о Духовности после 70-ти лет намеренного за "железным занавесом" от всего мира ее выкорчевывания с помощью оголтелого материализма и тотального деспотизма из обихода жизни народа нашей страны на страх и оторопь всего мира. Об этом напоминают нам многие факты, на которые пришлось натолкнуться нам при рассмотрении темы. И хотя теперь у нас в стране принята мудрая христианская позиция примирения с прошлым, это, конечно, не значит, что и забвения тоже! Известно, что забвение прошлого ведет к быстрому повторению тех же ошибок.

Но и на всей планете дела с Духовностью обстоят не лучше в современной всесильной "цивилизации вещизма" и идеологии потребительства.

С.С.: - Давайте оглянемся на все сказанное. Полагаю, Вы сами-то отдаете себе отчет в том, как удивительны, если не сказать крепче, Ваши мировоззренческие умопостроения!

В.К.: - Да. Ну и что? И они ведь не только мои, но и многих перечисленных в беседе. Не стоит очень удивляться, что человечество в быстротекущем развитии нашей "цивилизации вещизма" по старой материалистической парадигме дожило до тупиковых времен, когда назрела для выхода из бездуховного тупика острая необходимость искать коренную перестройку взглядов на духовный мир. Многие из этих взглядов сложились в недрах последних тысячелетий. За эти времена уже произошло много глубоких перестроек в науке, особенно за последние два-три столетия. Не раз человечество подходило к краху и катастрофам в понимании явлений и законов природы, как, например, "ультрафиолетовая катастрофа", и к смене всей картины мироздания, как, например, Коперникова модель солнечной системы, квантовая механика, теория относительности Эйнштейна. И каждый раз находились силы и пути преодоления научных кризисов.

В этом – коренное методологическое отличие науки от религии, например, православия, в которой религиозные концепции и понимание сущностной характеристики Высшего Духа неизменно применяются на протяжении многих веков и тысячелетий в терминах эмоциональной образной картины мира, сложившейся в стародавние времена. Это вступает в противоречие с психологией современной эпохи. А наука после своих кризисов и тупиков всегда переживала триумф за триумфом. И тут, на нашей стезе понадеемся тоже на триумф. Но теперь, когда на духовности вплотную сошлись новая наука по обновленной парадигме и древние мировые религии, триумф наиболее вероятен не в традиционном противоборстве науки и религии с их по-своему фундаментальным и всепланетным опытом человечества. А только рука об руку. При этом предполагается их взаимная податливость к приемлемым изменениям парадигмы у гибкой по своей сути науки, с одной стороны, и изменениям формы выражения сути Высшего Духа в религиях, консервативных по своей сути и опыту, с другой стороны. И параллельные сходятся, и нечеткая логика об этом же. Пока наскок на эту одну из параллелей, идущей со стороны науки, не удался физикам старшего поколения, создавшим здание науки XX века, Эйнштейну и Гейзенбергу. Но более молодые уже нащупывают путь, например, изучая физический вакуум или биополе как нематериальную модель духовности, или МЛГ как материальную среду духовности. Возможно, и со стороны религии назревают такие пути к податливости, как, например, у Александра

Меня или Павла Флоренского Старшего. А впереди черед за более молодыми. И мне кажется, что этому способствует именно российский менталитет, возраставший когда-то "русский космизм" и особенно при создавшейся обстановке, когда после насильно насаждавшегося атеизма возникла безбожная среда ученых, не связанных путами религии, как за рубежом. Я бы этим и закончил беседу. Спасибо за терпение, внимание и помощь. Вы мне очень помогли в трудном письменном освоении темы.

С.С.: - Мне кажется, беседа получается интересной, правда, непривычно сложной для газеты и читателей. Ну, и все же еще один вопрос, как удар под дых: а что если, понимая теперь же, что реальностью-то может быть вовсе не Ваша Концепция, а "нулевой вариант" Вашего "Главного эксперимента жизни" в момент Вашей кончины, о котором, я ведь помню, Вы говорили в предпосылке ко всему изложению! Тогда к чему все это нагромождение, ради чего! Ведь Вы не можете сейчас до эксперимента, а-приори доказать правоту Ваших умопостроений!

В.К.: - Да. Но я ведь и не доказываю и не убеждаю, а излагаю. Действительно, доказать все это пока невозможно, так же как существование Бога или его отсутствие. Ни то, ни другое. Как в "нечеткой логике": и да, и нет. Для верующих "да", и сомнений никаких нет в том, что Бог есть. Они ведь с Его проявлениями и свидетельствами часто сталкиваются на протяжении своей жизни, и чуть ли не ежедневно. А для неверующих или, точнее, верующих в атеизм, нет этих проявлений и свидетельств, они их не видят, и Бога для них нет, и вся божественная идея "абсурдна", как сказал Святой Августин и принял ее на веру. Но ведь при построении Концепции я исхожу тоже из частых проявлений или свидетельств Мира Высшей Реальности, а они ведь как "господин его величество факт" существуют. Или нет? Для кого как, у кого как. И да, и нет. А доказать все это можно только внимательным и массивным изучением, для чего и дается как рабочая гипотеза Концепция Мира Высшей Реальности. Но и если все-таки "нет" и вся Концепция, основанная на почти что "абсурдных постулатах", неверна и у "Главного эксперимента" будет нулевой результат, то все же остается в "сухом остатке" спасительный вариант Булата Окуджавы: "Как верит солдат убитый, что он проживает в раю". Самообман? Да. Поэтому религию и называл один из самых неверующих опиумом для народа, но он сам-то верил, именно верил, в немедленный и насильственный коммунизм, что тоже явилось опиумом для народа, да при этом каким злым, кровавым и с каким тяжелым пробуждением страны и мира через почти столетие.

А если "опиум" добрый, если он не отрицает реальную жизнь, свободу и права человека, чистую экологию, здоровый прогресс и всесильную науку и духовность, - то это не опиум, а светлый взгляд в будущее человечества, который не вредно бросить на мир на пороге нового тысячелетия.

НЕОЧЕВИДНОЕ — ВЕРОЯТНОЕ

Сергей Слюняев: Так в чем же, Владимир Иванович, Вы видите возможность и необходимость, как Вы говорили, продолжить изложение своей Концепции?

Владимир Клименков: Как было ранее изложено, носителем Духовности мною принято биополе, а не что-либо иное, как, например, Мировой Лептонный Газ (МЛГ) по одной из альтернативных гипотез. Поэтому нам здесь стоит расширить взгляд, прежде всего, на сущность именно биополя и примерить его в ряду физических реалий Мира Высшей Реальности, подлежащих научному изучению. Именно расширить, а не углубить. Дело углубления отводится тем новым наукам, которые будут развиты в соответствии и на основе новой парадигмы. Она, как мы бегло оговорили ранее, будет включать многие известные и новые положения. В том числе, и "нечеткую" логику. А главное — охват изучением явлений из мистики или, лучше сказать, из сферы Духовности. А здесь мы в нашем любомудрии можем лишь в общих чертах предположительно очертить круг вопросов для научного исследования и адекватной постановки математической и экспериментальных задач, относящихся к этим будущим наукам. В том числе к одной из них, которую мы уже назвали необычно и загадочно "нравственной физикой".

С.С.: Да, действительно, это любопытное название. В какой-то мере оно понятно на основе всего ранее изложенного, но не вполне, видимо, в связи с ограниченным объемом первой публикации, который и без того был великоват. Стоит теперь пояснить полнее.

В.К.: Пожалуй. Ну, "физика" — потому что именно эта всеобъемлющая наука сложилась еще в античные времена на основе изучения природы, что и означает ее название в переводе с древнегреческого. И она исправно занималась этим до наших дней, а именно — законами мироздания, понимание которых в основе сводилось, соответственно парадигме существовавших доньше наук, к материи и ее движению. Хотя не вредно вспомнить, что в еще более далекие времена — в Древнем Египте естественные науки поначалу были в ведении жрецов и как бы отпочковывались потом от религий. Астрономия, медицина, агрономия... А за собой жрецы оставили право общаться с богами, чтобы через веру в них и через всееляемый ими страх держать людей в повиновении в рамках цивилизации.

Теперь при научном "открытии" для нас в XX веке в реалиях мироздания, с подачи академиков Вернадского и Раушенбаха, некой духовной ноосферы или загадочного пятого измерения Мира с человеческой нравственной основой, ей, этой физике, и подстать носить в ее традиционном названии этот небывалый для нее и странный для нас признак духовности. Все возвращается на круги своя.

С.С.: Что же все-таки поконкретнее, как Вы полагаете, привносится здесь в физику, из-за чего в ее названии употреблен такой термин?

В.К.: Если прямо в лоб, то привносится понятие Духовности или души, что в религиях является прообразом биополя, которое, в свою очередь, является как бы частью биополя или некантованного физического вакуума. Но чтобы наиболее полно ответить на этот коренной вопрос, стоит рассмотреть, чем до этого занималась по крупному счету в итоге своей эволюции современная физика в самом укрупненном обобщении в первом своем разделе — в механике. Это можно охарактеризовать схематично простой, но ёмкой картинкой — диаграммой в осях $m-v$ (рис. 1). На ней все ясно из обозначений, но все-таки нелишне дать некоторые пояснения об ее устройстве, а потом и о смысле ее частей как бы в поисках места для Духовности в нашем мире среди его реалий.

Ось m обозначает инертную массу покоя материальных объектов нашего мира "от мала до велика" — от атомов и микрочастиц до звезд и галактик. Ось ординат v обозначает скорость движения этих материальных объектов. Тут перед нами вся материя с ее движением.

Чтобы обозреть всю несметную необъятность материального мира на этой плоской картинке, обозначающей собой фактически "фазовое пространство", на ее координатных осях употреблены логарифмические масштабы, не имеющие, как известно, нулевой точки и отсчитывающие десятичные порядки величин. Возрастание величин — слева направо и снизу вверх. А в центре — наши человеческие повседневные реалии около масс в 1 грамм и скоростей в 1 см/сек. Сам человек занимает тут свою фазовую нишу, где его масса порядка 10^4 г и скорость его перемещения минимум шагом 10^2 см/сек и максимум — первая космическая 10^6 см/сек.

Сверхскорость ограничена строго известным релятивистским пределом по Эйнштейну, скоростью света $c = 3 \times 10^{10}$ см/сек, как максимальной предельно возможной в сфере материи. И еще здесь же можно с натяжкой наметить предельно мималную скорость, приведя к ней ограничение по абсолютной температуре материи нулем градусов по Кельвину, или, как теперь говорят, нулем кельвинов. Это примерно 10^{-10} см/сек

По массам напрашиваются лишь логистические ограничения в приближенно известных величинах. Например, в микромире известны минимальные значения масс покоя элементарных частиц, таких, например, как электрон, масса которого 10^{-27} г. и др. Загадкой является пока нейтрино, предполагаемая масса покоя которого порядка 10^{-31} г. Но возможно, у него ее вовсе нет, это пока неизвестно, и тогда он относится к тем элементарным частицам, которые не имеют массы покоя, как фотоны, гамма-кванты и т.п.

А в макрокосме известны масса Солнца порядка 10^{33} г и других звезд и оценена даже средняя плотность вещества в мире и, следовательно, масса всего материального мира, при некоторых предположениях о его строении. И вообще предложено "максимальное число" 10^{50} , больше которого, как считает его автор, числа не имеют физического смысла для реального мира, так как им можно объявить якобы все наблюдаемые и мыслимые множества в микро- и макромире. Хотя в математике со времен Архимеда, написавшего свой изящный труд "Исчисление песчинок", существует понятие "дурной бесконечности". Она получается, как известно, прибавлением к любому сколь угодно большому числу нескончаемо еще по одной единице. На этом можно и закончить описание устройства нашей "простой" диаграммы.

С.С.: - Ну, а что Вы пообещали сказать о ее смысле и смысле ее частей!

В.К.: - На этой нашей картинке-диаграмме, охватывающей всю ширь современных реалий материального мира, перво-наперво отмечается область I в правом нижнем углу. Здесь "действует" классическая физика Ньютона с ее законами: при обычных скоростях и массах вплоть до самых больших. Но ее, этой, казалось бы, неопровержимой науки, недостаточно для адекватного описания явлений в верхнем правом углу диаграммы, в области II для тех же обычных и больших масс, но главное, при больших, субсветовых скоростях, когда v близка к c . Здесь "действует" более емкая и полная релятивистская "физика Эйнштейна" или общая теория относительности. Она, как и положено, со всей своей математикой при скоростях v много меньших скорости света: $v \ll c$, сводится к традиционному как бы неполному, более грубому предельному приближению — к "классической физике Ньютона".

Слева внизу на диаграмме расположена область III << квантовой механики Планка — Шредингера — Гейзенберга >>, т.е. атомная и ядерная физика, более полно и точно описывающая закономерности мира в области малых масс и обычных скоростей. И

опять же все ее сложные математические уравнения для случая обычных и больших масс тоже сводятся к привычным уравнениям "физики Ньютона". Эти предельные переходы отмечены условно стрелками.

С.С.: - Ну вот, насколько я понимаю, все три оговоренные теоретические четвертинки необъятной шири современной физики полностью охватывают и надежно "обслуживают" почти всю материальную реальию мира бытия. Но здесь ни звука нет о Духовности и ответа нет на заданный мною вопрос!

В.К.: - Подождите. Все это, видимо, в четвертой левой сверху четвертинке IV. Она, казалось бы, - последняя и исчерпала бы до конца наше старое мироздание материи. Это - область очень малых масс и очень больших, субсветовых скоростей или очень высоких частот колебаний. Но пока она почти неведома и пуста. Есть в ней, впрочем, небольшая частная << релятивистская теория электрона Дирака >>, но она далеко не решает всего, что требуется. Зато, появившись сначала иронично и весело, она озадачила физиков двойным симметричным из-под квадратного корня плюс-минус решением Полем Марией Дираком своего дерзкого уравнения, составленного для движения релятивистского электрона. Разобравшись, с изумлением, решили, что одно из них - с минусом - относится к электрону, чего и ждали. А вот неожиданное второе, симметричное - но с плюсом - пришлось отнести к неведомому "антиэлектрону" - положительному электрону. Эта фантастическая частица была вскоре к удивлению и торжеству открыта экспериментально при изучении космических лучей и названа позитроном. Вскоре были открыты антипротоны, антинейтроны и другие античастицы, что составило небывалый массив антивещества

Так что это частичное вторжение в верхнюю левую последнюю четвертую четверть IV общей картины физического мира было одарено открытием некоей новой как бы оборотной стороны материального мира -- антиматерии. И более того - открытием небывалого явления рождения из электромагнитного поля, из фотона пары микрочастиц электрон-позитрон и их исчезновения - аннигиляции -- при столкновении.

В результате аннигиляции выделяется как бы взрывом энергия в соответствии с уравнением $E = mc^2$. Это глубинная энергия вещества, заключенная в материи в виде массы покоя материальных частиц m , высвечивается возникающим как бы ниоткуда фотоном - частицей света. "Свет уносит массу", - как-то обыденно сказал Эйнштейн про это коренное свойство материальных редлий мира.

Вот какие страсти-мордасти открылись даже при легком приоткрытии занавеса, скрывающего от нас эту неведомую часть мироздания в четвертом последнем по счету (но не главным ли?), углу физической картины мира. То ли еще будет?

Эйнштейн 30 лет в течение всей своей оставшейся жизни до кончины пытался построить для этой части мира так лаконично и емко называемую <<единую теорию поля>>. Но тщетно. Он тут, как известно, надеялся в качестве частных случаев объединить воедино законы гравитационного и электромагнитного полей. А, заодно, возможно, и всех других полей. Электростатического (кулоновского), магнитного, ядерных сил, сильного и слабого взаимодействия, ротационных, а также торсионных сил (о которых сейчас много споров). А что в этом ряду можно предполагать о неквантованных биополе и биосиполе? Можно ли как-то сформулировать здесь вопрос о полевой сущности неквантованного физического вакуума? Или тут больше подходит альтернативная гипотеза Мирового Лептонного Газа (МЛГ), состоящего из сверхлегких микрочастиц, таких, как нейтрино, о чем мы раньше уже говорили? Во всяком случае, именно им, этим возможным реальиям, видимо, и может "принадлежать" этот четвертый угол физической фазовой диаграммы Мира Высшей Реальности. И, возможно, именно с разработкой единой теории поля и будет решаться новый круг вопросов, относящихся к Духовности. Ну, и поскольку в круг этих вопросов входит биосиполе как частичка биополя, религи-

озними прообразами которых, как уже не раз сказано, являются душа и мир иной, то именно тут скрыта главная суть нравственной физики. Одним из ключевых вопросов, затронутых ранее в первоначальной нашей беседе, со ссылкой на статью А. Манеева "Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни человека", является вопрос о взаимодействии биополя, и особенно биопсиполя человека, с его собственным электромагнитным полем и передачей ему полевой онтогенетической кодовой информации, а также образов из массива памяти. От теории биополя, как частного случая единой теории поля, надо ожидать раскрытия тайны механизма этого взаимодействия. Аналогично этому Эйнштейн тщетно ожидал от единой теории поля, объединяя в ней, что уже сказано, как частные случаи законы гравитационного и электромагнитного полей, ответа на вопрос, почему же все-таки притягиваются массы друг к другу. О том же сетовал, что не успел этого сделать, и Ньютон в конце своей жизни. А Эйнштейн высказал свою печально-сокровенную мысль, поставленную эпиграфом к этой нашей записанной беседе. Итак, вся надежда на четвертый угол диаграммы, где нам приоткрываются ответы не только на любопытствующий вопрос: "как?", а на более глубокий понятийный вопрос: "почему?". Это и является предвкушением победы новой парадигмы, в которой ожидается возникновение именно понятийных наук или их разделов.

Вот какой обширный экскурс пришлось совершить, чтобы ответить на заданный мне вопрос о том, что же привнесит в физику с "открытием" Пятого измерения мира – Духовности и что такое нравственная физика.

С.С.: - Рассказав нам об обобщенной диаграмме физики явлений мира, что же Вы можете сказать о биополе в понятиях нравственной физики, с чего мы начали беседу!

В.К.: - Так вот – четвертый угол – "гвоздь программы". Ради него и рассказано здесь о диаграмме. Сводится все к очень малым массам покоя, а в пределе к отсутствию масс и к сверхвысоким скоростям движения или частотам колебаний неведомо чего. Речь может идти о физическом вакууме или о континууме биополя, ну и, если хотите иметь материалистическую альтернативу, - о МЛГ. Не берусь настаивать на своем выборе.

Тут ученым недалекого будущего предстоит совершить дерзкий творческий поступок и "родить" смелую сумасшедшую идею, о которой мы уже говорили и очертили ее контуры. Известно, что маститый Нильс Бор, оценивая новые физические идеи, часто спрашивал, например, у юного Дирака, "достаточно ли идея сумасшедшая, чтобы соответствовать устройству нашего сложного мира". Эту нашу новую сумасшедшую идею требуется воплотить в такую математизированную теорию, которая приведет к обобщенным решениям и специфическим выводам о закономерностях Мира Высшей Реальности с его биополем и колебаниями неизвестно какой среды, как и у электромагнитного поля, и у гравитационного поля, для которых Эйнштейн и искал свою объединяющую единую теорию поля. Ответ уже давно дан. Когда-то искали мировой эфир. Не нашли. Отбросили. Приняли молча, что сами колебания это и есть поле с неотъемлемыми полевыми свойствами, как то напряженность или потенциал от точки к точке и т.д. А не какая-то колеблющаяся среда, как, например, вода, на поверхности которой расходятся круги волн от брошенного камешка. А тут без среды что-то вроде колеблющегося "ничто". Вот к названию этого феномена, этой реалии и призвали термин "физический вакуум", охватывая им, когда он в квантованном состоянии, все виды материи – инертной (или косной), живой (био), мыслящей (рацио). И я бы добавил, и духовной (биопси) реалии – биополя и биопсиполя, не материальной, исходной полевой, как континуум со сверхвысокой частотой колебаний, но пока он не подвергся возмущению квантованию, в результате чего стал бы материей. Вот здесь биополе и биопсиполе и ставятся в ряд реалий Мира Высшей Реальности, что и было нашей целью.

Итак, поле без масс покоя, изначальный континуум без частиц – “сгустков” материи. Но огромные количества энергии в микропроцессах, как-то сверхвысокочастотные излучения, аннигиляция и генерация из энергии квантованных материальных “сгустков” при возмущении этого первичного поля. Тут и граница вещества, и антивещества. Тут и “черные дыры”. И Большой Взрыв как единство микропроцессов, с одной стороны, далеко слева сверху на диаграмме в ее углу IV, и макропроцессов, с другой стороны, далеко вверху справа в углу III, где при огромных скоплениях масс идут антиэнтропийные процессы гравитационного поля и накапливаются в коллапсе или срабатывают при Взрыве гигантские количества энергии.

Тут же – после Большого Взрыва с его теорией – и теория материальной <<динамической горячей Вселенной Александра Александровича Фридмана – Эдвина Хаббла – Георгия Антоновича Гамова – Андрея Дмитриевича Сахарова>>, экспериментально подтвержденная измеряемыми расширением пространства и реликтовым излучением во Вселенной.

Тут и теория физического вакуума, достроенная Духовной составляющей Мира.

Вот основа для сумасшедшей идеи, которая, по-видимому, и приведет к единой теории поля.

С.С.: – Из всего видно, что Вы уделяете очень большое внимание этому четвертому углу диаграммы.

В.К.: – Да. Тут можно усмотреть одну важную тенденцию. В своих знаниях о мире и освоении его закономерностей человечество как бы продвигалось от угла I вверх вправо в угол II к “черным дырам”, как макрообъектам космоса, и вверх влево в угол IV, опять же к “черным дырам”, но тут уже как к объектам микропроцессов (см. рис.2). И что ни дальше мы уходим вверх влево диаграммы в этом ее углу IV, тем все более чудесные свойства мира нам открываются. Сначала вверху мы наткнулись, как на барьер, на предел скорости света и на релятивистские явления в материальной фазе, вплоть до известного “парадокса близнецов”, которые как бы запутываются в спиральях по-разному для них бегущего времени. У них даже переставляются местами причина и следствие, руша привычный принцип причинности. А потом, еще дальше влево вверх, дело дошло до “исчезновения материи” с косной инертной массой покоя в паре электрон-позитрон, превращающихся в энергию движения у частиц без массы покоя – фотонов.

Этот угол IV в его верхней далекой части оказывается таким “нематериальным” с его будущей единой теорией поля. И более того, там в нем мы как бы дотрагиваемся даже до антивещества, до антиматерии. Где-то там – своеобразная фазовая граница между материей и антиматерией, хотя они могут находиться одновременно в одном и том же пространстве.

А, может быть, именно тут и граница между Материей и Духовностью или Духом, к чему мы и ведем речь? Тут, конечно, следует перешагнуть, как через методологический барьер, к области религиозных понятий духа и души.

И при этом, естественно, у людей верующих “не отнимается” их Вера. У них над всем этим остается Бог Творец и Спаситель, создавший все сущее и в том числе законы мира и всю его гармонию. Это их право свободы выбора и их многотысячелетнее достояние. И более того – теперь к ним, ко многим их истинам из области Духа и чудес идет навстречу со стороны науки и нравственной физики понимание многих иррациональных явлений, которые “брались на веру”, как изрек в V веке Блаженный Августин: “Верую, ибо абсурдно”. Жаль только, что пока со стороны религий навстречу наукам и психологии новых веков не идет корректировка способа выражения сути божественного. Так, например, Патриарх Москвы и вся Руси Алексей II в своем четырехчасовом выступлении, не считая получасового перерыва, с докладом “Русская православная

церковь на рубеже веков" на Архиерейском Соборе в Храме Христа Спасителя в Москве в августе 2000 г. затвердил в согласии с архиереями на XXI век для РПЦ существующие ныне ее "учение, богослужебную структуру и духовную практику". Хотя, с другой стороны, что отрадно, в то же время Архиерейский Собор утвердил, как ответ вызову времени, уникальную социальную доктрину РПЦ, которой не было до сих пор ни у одной из 15-ти поместных православных церквей мира.

В этом уникальном документе, разрабатывавшемся с 1994 года по заданию Священного Синода и одобренном им за месяц до Архиерейского Собора, "дана богословская оценка наиболее важным проблемам современности и установлены правила, которыми священники и миряне должны руководствоваться в повседневной жизни". Возможно, и тут лед тронулся и процесс пошел. Однако среди многих церковных конфессий и сект есть особенно строго придерживающиеся буквы, причем по-разному, в различении, и воздвиглись непримиримые противостояния. Как бы в оправдание этого, ссылаясь на Священное Писание и даже зачитав мне цитату, представитель одной из конфессий в личной беседе со мной объяснил что "такая ситуация предсказана там и она якобы свидетельствует о приближении конца света". А не названа ли так иносказательно опасность для Веры возможного краха из-за излишнего консерватизма и догматизма, если перезреет время перемен?

Стоит с отрадой отметить к слову, что в докладе Алексей II приветствовал сотрудничество между РПЦ и католической церковью, а также "активный контакт РПЦ с представителями традиционных нехристианских религий – ислама, иудаизма и буддизма". И, желая как можно скорее преодолеть трагедию русского народа в XX веке, в очередной раз призвал Русскую православную церковь за границей (РПЦЗ), основанную эмигрантами в 20-е годы прошлого, к каноническому единству с РПЦ – Матерью Церковью, сохраняющую верность апостольскому благовестию и преданность Древней Церкви.

В этом ключе Архиерейский Собор утвердил основные принципы отношения Московского патриархата к инославии. Однако, судя по реальной обстановке, проблем на пути к мировому единству веры пока слишком много.

С.С.: - Напрашивается вопрос, и Вы уже только что касались его – о границе между материей и духовностью. Можно ли очертить на Вашей диаграмме области материи и Духа!

В.К.: - Можно попытаться. Но при этом следует помнить, прежде всего, что диаграмма - это не пространственно-геометрическая карта мира, а "фазовая диаграмма" и выражает она "фазовое пространство" для размещения по своим нишам реалий мира. А во-вторых, как изрек Блаженный Августин еще в V веке, "дух не занимает места", т.е. не имеет пространственной протяженности. Об этом мы уже говорили ранее, так же как и о сингулярной точке, как вместилище биополя (или физического вакуума) вместе с Вечностью, как его временной формой существования. В том числе и о вместилище – для этого изначального континуума в его исходном состоянии и в его возмущенном квантованном состоянии, называемом по-нашему материей вместе с ее формами существования – пространством и бегучим временем.

Сингулярная точка – это в понятийном описании геометрии мира. А в фазовом отображении – на диаграмме это будут разделенные области фазовых состояний или ниш. О границах между ними на диаграмме и может идти речь.

Нет сведений о том, осознал ли Эйнштейн, что, вводя такой предел, как скорость света, он подошел вплотную к запредельному, и Павел Флоренский Старший рассматривал этот предел как границу между материей и духом. Да, что там за этой границей? Материя не может ее преодолеть и даже приблизиться к ней. Проявляется это в таком странном механизме. Например, про электрон, который разгоняется магнитным по-

лем в бетатроне. По мере разгона, когда скорость электрона приближается все ближе к скорости света, его масса начинает резко возрастать по релятивистской формуле $m = m_0 / 1 - (v/c)^2$, где m_0 — масса покоя электрона, а v — его скорость.

Ну и, разумеется, есть люди, которые считают, и это тоже их право — иметь свое материалистическое мнение, в соответствии со столетней давности бурной "уничтожающей" критикой понятия исчезновения материи Лениным в его "Материализме и эмпириокритицизме": исчезает не материя, а вещество и т.д. Это их догматы. Но не ясно ли, что это просто философски-схоластическая игра слов, отжившая свой век?

Вот сколько дум навевает IV угол диаграммы. Как же ему не придавать большого значения?

С.С.: — Вы можете что-нибудь сказать о возможной будущей математической теории Мира Высшей Реальности!

В.К.: — Я не оракул и не теоретик-математик. Это отдельная специфическая профессия. Но попытаюсь экстраполировать ход многовекового мирового научного прогресса, взяв за основу европейскую цивилизацию. Хотя, возможно, лучшей бы была основа восточная, более ориентированная на человеческий фактор, на духовную сферу. Но она не математична и оказалась, как известно, и мы уже об этом говорили, захлестнутой на мировом рынке могучей волной европейской цивилизации с ее техницизмом, вещицизмом и математизацией. И наукой, ориентированной на материю.

А нам нужно достроить теорию до духовности. И решение вопроса требует не только дерзости и безумства, но и вооруженности подходящим математическим аппаратом и знания современных теоретических разделов всесильной математики. Но известно, что теоретик, прежде чем начинать выкладки, должен иметь перед собой какую-то более или менее просто сформулированную идею, что мы и делаем вчерне.

Можно предвидеть, что в уравнения или в математический комплекс или в сложную матрицу надо суметь ввести Д — Духовность, как меру пятого измерения, как новый, дополняющий аргумент у неведомой функции, например, *** — фи, наподобие *** — пси функции у физиков-квантовиков. Ввести В — меру вечности, как новый дополняющий, возможно, многомерный, аргумент, наряду с одномерным t — временем. Может быть, поможет математический аппарат Фридмана — Маркова, о чем мы говорили в прошлый раз. И вперед.

При мне на одном из очень серьезных научных совещаний академик Александров Анатолий Петрович со свойственным ему юмором поведаль, что про физиков-теоретиков поговаривают, будто бы они со своей квантовой функцией *** — пси "записали всю химию", так глубоко в нее внедрившись с математизацией. В результате они дали такой невиданный скачок в химической технологии, что век XX, названный в первой примерке веком электричества, переименовали в век химии. Но, видимо, он все же так и войдет в историю под грозным прозвищем века атомного. И в начале его второй половины было модным стихотворение Бориса Слуцкого "Физики и лирики" (даю сокращенно с купюрами):

*Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.
Значит, что-то не раскрыли
Мы, что следовало нам бы.
Значит, слабые крылья —
Наши сладенькие ямбы...
...интересно
наблюдать, как, словно пена,
опускают наши рифмы,
и величие степенно
отступает в логарифмы.*

Надо, чтоб физики-теоретики "зафиксали" всю биологию-психиатрию-психологию и все мироздание Мира Высшей Реальности. Хотя именно тут больше подходила бы по звучанию буква *** (пси). Но ее уже не отнимешь у физики XX века. А может быть, и не надо отнимать, а надо продолжить ее использование, как она используется с математическим аппаратом квантовой механики в теории физического вакуума. Только жаль, что до сих пор у пси-функции была лишь вероятностная роль (известно, что модуль из пси-функции во второй степени *** - это вероятность события) и применяется она к квантованным состояниям. А у нас неквантованный континуум – биополе. Ну да разберутся теоретики. Им виднее. А я все сказал, что мог.

С.С.: - Вы очень часто тут говорили об Эйнштейне, о его единой теории поля, и что он стоял у границы со сферой Духовности, но не ведал об этом и не включил ее в предмет исследования. А как он относился к Духовности, к религии, верил ли в Бога!

В.К.: - Этот вопрос очень тонкий, сложный и пространный и требует такого же ответа. Но я буду краток. Из достоверных информационных материалов известно, что Эйнштейн еще с юности отверг любую принадлежность к каким-то существующим религиозным и общественно-социальным платформам и был в очень сложных отношениях со своим Богом. Бог для него – это гармония мира, которую он усматривал в законах мироздания. Он стремился достичь этого и в своих теориях. Он был родом из классической физики, видел в ней гармонию и в своих поисках как бы поправлял ее до большего совершенства, не отрываясь от нее, а как бы продолжая ее, достраивая, а не разрушая ее как "революционер". Математические формулы исходные или с конечными выводами он оценивал с точки зрения их эстетики, краткости, ясности и красоты, как $E = mc^2$. У истины должны быть красивые формулы или перефразируя только красивые формулы, говорил он, например, *** истину. И о формулах Дирака. Уже будучи корифеем. На одном съезде физиков он вдруг вместо своего выступления с докладом предложил сыграть на скрипке, что и сделал. Он не был виртуозом, но старался достичь задушевной проникновенности, и слушатели обычно сидели очарованными. Он и цветам на клумбе играл и ждал их реакции.

Уверенность в объективной и познаваемой гармонии мироздания окрашивала всю жизнь Эйнштейна, определяла интересы, этические позиции и эстетические склонности. По всему видно, скорее всего, именно от Эйнштейна могла исходить началом нравственная физика, но он в те годы, продвигая единую теорию поля в IV угол фазовой диаграммы мира, не увидел, что, возможно, именно с этого направления и можно было штурмовать Джомолунгму в Гималаях Духовности.

С.С.: - Ну что ж, будем считать, что тема исчерпана. Вы все-таки приводите тут некие математические формулы и символы и даже графики, которые многим незнакомы и непривычны в разговоре. Хотя, вижу, старались свести это к минимуму. Один крупный ученый, блестящий популяризатор науки сказал, что он понимает, что если в его книжке будет более двух математических формул, то многие не станут читать ее уже только поэтому. Не вышло бы у нас тут так. Но надеемся, что и при таком изложении найдется свой круг читателей и, возможно, собеседников. Сумеют, что-то читать, а что-то пропуская, уловить главную суть.

В.К.: - Да уж. Прошу извинить, по-другому не смог. И к тому же знаю, как другой популяризатор сказал: "Стараясь быть кратким, становлюсь непонятным". А уж точно боюсь я другого. Не получилось бы у нас "неквалифицированное собеседование на вольную тему". Хотя тема у нас не вольная, а необычная – из области онанирования мистики, где пока нет "квалифицированных" собеседников. Или если и есть, то мало. Трудов стоит их найти. Вам я благодарен за внимание, терпение и уже не первую помощь.

“ВСЁ НА ЭТОМ СВЕТЕ ПРЕХОДЯЩЕ”

О ПОЭЗИИ

Р.Варламову

И жизнь крута
И мир стал лих,
Поэзия — в глухом загоне:
А я, чудака, не хлеб — а стих
Принес, как сердце, на ладони

Поэзией - не накормить
Голодный люд, я знаю это,
Но с нею можешь ты не быть
Среди зимы в гостях у лета:

По травам росным пробежать,
Напев ручья вдвоем послушать,
И луговых цветов нарвать,
И красотой наполнить душу...

И может быть тогда поймешь:
Поэзия - то дар нам Божий,
И хлеб - не только в зернах рожь,-
А поле, радуга и дождик!

★ ★ ★

Все на этом свете преходяще —
Безраздельно властвует черед:
Если нынче дождик моросающий —
Завтра снова солнышко взойдет...

Если горе налетело тучей —
Пережди грозу без горьких слов, -
Время — друг,
Оно излечит лучше,
Оживит вновь душу и любовь.

И откроет радость жизни дверцы,
О весне вновь запоем скворец...
Только след оставшийся на сердце
Превратится в помнящий рубец

★ ★ ★

Вроде те же, как раньше поля —
Но не слышан здесь голос комбайна:
Как хмельная спит в травах земля
И деревня в плену у бурьяна.

Города увели молодежь.
Родники затянулись илом.
Все забыто: как сеяли рожь,
Как деревней всей - с песней - косили.

А теперь: раз в неделю торгаш
Городским осчастливит товаром.
Кто-то скажет, вздохнув:
- Хлеб - не наш,
Наш - Хозяина ждет под бурьяном.

Дураки, мы и есть дураки —
Поумнеем, наверно, не скоро... -
И, сутулясь, глядят старики
Прямо в душу горящим укором.

Увели в города молодежь.
Стонет ветер в полях и деревьях.
И торчит "перестроечный" нож
Меж лопаток забытой деревни.

Но Голос Истины мне был...

Молчат озябшие березы,
Молчу, в смятинии и я.
Они застыли от мороза,
А я — от беззакония...

Открыв врата сепаратизму
И демократам - "от балды",
Вмиг в Беловежской пуще "тризну",
Отчизне справили вожди!

И все.
Кольцо "реформ" замкнулось.
Где выход к радости людской?
Ужель, фортуна повернулась
Навечно черною спиной!

Молчат застывшие березы,
Но Голос Истины мне был:
Поднимут Русь не распрей слезы,
А единенье светлых сил.

★ ★ ★

Душа моя спасителем согрета
И верой праведной озарена —
Так на цветах в лугах у лета
С восходом солнца светится роса.

Настроив сердцем стих свой на подмогу,
Устами пью молитвенный нектар,
Троплю стезю, заблудшим братьям, к Богу.
И я в работе этой не устал.

Мне нравится дарить улыбки людям, -
Чтоб вспыхнул радостью потухший взгляд.
Так солнышко среди дождливых будней
Вдруг ярко высветит забытый сад.

Учусь прощать, не отвечать на лихо,
А Божьим словом мирно убедить —
Ведь и гроза, прогрохотав, утихнет,
Коль небосвод лазурью осветить.

Хочу, чтоб все на этом бренном свете
Слова Христа смогли б понять сполна.
Чтоб каждая душа была согрета
И верой праведной всегда озарена.

★ ★ ★

Возвращаюсь часто в юность,
Обманув седую грусть,
Чтоб испытть поры той чудности
И войти в былую Русь:
В отчий дом открыть вновь дверцу —
На родных живых взглянуть
И, всплакнув душой и сердцем,
В их объятьях утонуть;
Поклониться добрым людям, о минувшем повздыхать, -
Пусть в нем путь был крут и труден —

Он мне дорог, свят, как мать;
Там я снова молодёю,
Вновь спешу на танцы в клуб —
До сих пор мне сердце греет
Сладкий жар любимых губ...
Возвращаюсь часто в юность.
Повидаться с тем кто мил,
Чтоб испытать поры той чудность
И набраться свежих сил.

★ ★ ★

Журавлиный клин
Тревожит грустью душу,
Бережит заветную мечту.
Почему ж тогда мы равнодушны
К людям, уходящим в нищету!

Осень по стране
Гуляет, сыпая злато,
Оголяя с ветром деревья:
Лишь вчера
Клен был одет богато,
А сегодня пала вся листва...

Журавлиный клин
Тепло с собой уносит -
Зиму ждут родимые места.
Разве в этом виновата осень,
Что опять приходят холода!

★ ★ ★

Тех не люблю, кто дружит с лестью
И презираю их обман —
Они заигрывают с честью
И душу грабят, как карман.

Мне ближе кроткость в человеке,
Его надёжность, прямота.
Давайте в двадцать первом веке
Начнём всё с чистого листа!

★ ★ ★

Прекрасно всё:

И мир огромный,
И арка радуги в реке,
И солнца луч -
Вдруг преломлённый
Росинкой утра на цветке...

А мы спешим.

Куда не знаем.
Торопим каждую версту,
И на бегу
Не замечаем-
Как день рождает красоту.

И только осень

Увядаьем
Заманит в сад свой золотой.
И мы воскликнем
С опозданием:
- Как всё красиво,
Боже мой!!!

★ ★ ★

В. Булыгиной.

Вновь зима за окошком моим
Всё одела в серебряный иней
И снежинки летят, как рои
Закружившись вдруг в воздухе синем.

Снова год пролетел, будто день.
Солнца луч стал прохладней, короче.
Боже, в пламени белом сирень! —
И она увяданья не хочет...

День рожденья друзей мне привел —
И весной вдруг запахи улыбки,
И оттаявший сад вдруг зацвел,
Встретив юность мою у калитки.

Ах, как жаль зря растраченных дней —
Как чужие прошли стороною.
В них не пел о любви соловей
И не падала радость - звездой.

За окошком — седая пора,
Все одето в серебряный иней.
Это было как будто вчера:
Восемнадцать. Мои именины...

★ ★ ★

С тобою засыпаю и встаю,
С улыбкою по улице иду,
С тобой о сокровенном говорю, -
Но губ твоих — ищу и не найду...

Восход опять в луга меня позвал:
Стоят, росой умывшись, васильки
И посреди — лазурные глаза
Блещут, как плесы солнечной реки.

Быть может я в наивности смешной,
Но сердце шепчет нежное: "Люблю",
Как будто не цветы, а ты со мной —
И я все говорю и говорю...

Душа и годы - не находят лад
И чувства не подвластны седине —
Хоть осень осыпает златом сад,
А у него все думы о весне.

★ ★ ★

С ее улыбкой дружит песня
И возвращается весна.
Она - по-ангельски прелестна —
Хозяйка радости и сна.

Она — источник чувств сердечных...
И красота и ум - все в ней
Сверкает нежно и беспечно
В неотразимости своей.

Я был пленен всем этим — сразу,
Но как, скажите, дальше быть:
О дружбе светлой шепчет разум, —
А сердцу — хочется любить!

☆☆☆

**Лазуревое небо,
Ромашки, васильки,
И облако, как лебедь,
На зеркале реки.**

И сердце нараспашку
Открыто красоте,
Как белые рубашки
У лилий на воде.

И утро улыбалось,
Умытое росой.
И так легко дышалось,
Когда мы шли с тобой!

☆☆☆

Глаза твои лучатся нежным светом,
Как первые подснежники весной.
Но сердцу утешенья мало в этом —
Ведь зажжены они уже не мной...

В душе сквозная,
холодное предзимье —
Предательством отравлены мечты.
Хоть взгляд твой
страшен вновь неотразимо,
но будешь ли, как мной, любима ты!

И все же я желаю тебе счастья.
Ко мне ж, бывшее, - больше не ходи, -
Здесь у меня осеннее ненастье
И будут долго, долго лить дожди...
Чтоб в сердце смыть след солнечного лета, -
Когда впервые встретился с тобой,
Когда глаза лучились тем же светом:
Как нежные подснежники весной.

★ ★ ★

Я улыбку твою буду вечно
Хранить с радостью в сердце своем,
Чтоб всегда в ожидании встречи
Грела душу весенним огнем,
Чтобы утром проснуться в истоме,
Улыбнуться грядущему дню,
И тебе, человеку родному,
Прошептать: - Я люблю, я люблю...

Ах как поздно сирень распустилась...
Но душа своего дождалась:
Лодка чувств неземных устремилась
В гавань нежных лазуревых глаз.

Там любая взаимность прекрасна
И уста пьют любовь до пьяна.
Там и звезды с зарею не гаснут
Опускается в речку луна...

Я улыбку твою буду вечно
Хранить с радостью в сердце своем,
Чтоб всегда в ожидании встречи
Грела душу весенним огнем.

★ ★ ★

Ты помнишь:
Солнышко в зените —
И вместе с облаком... в реке,
И в травах, рядышком звенит все, -
А мы сидим рука в руке...

Сидим, молчим — слова излишни,
А взгляды полные любви!
И было видно, было слышно
Как в сердце пели соловьи.

Сколь сил у нежной, светлой страсти!
Казалось, только захотеть —
И крылья выросли б от счастья,
И смог бы запросто взлететь!

Недаром, осенью седою
Былое вновь завет нас в путь, —
Мы просим лето молодое
Хотя б один денек вернуть.

РЕВНОСТЬ

Она не знает компромиссов
В эгоистичности своей.
Ее к барьеру тянут мысли
О ненадежности людей.

Когда она владеет сердцем:
На корабле души — аврал!
А чувства — жгучи, словно перцы, -
Готовят недругу кинжал.

Улыбки, жалость - в заточенье!
Неверность — сразу на дуэль!
И будет долгим то сраженье,
Пока жива сомнений цель.

Пока любовь, прорвав блокаду
Бездоказательных улик,
Не возвернет вновь сердцу радость, -
Не спрячет ревность злой свой лик.

УТРО

Утро смотрит зарею в окно.
Просыпается солнце за речкой:
Росным лугом поплыло оно,
По ступенькам взошло на крылечко.

Засверкал каждый кустик окрест.
Душу радостью светлой омыло.
Заиграл в саду птичий оркестр,
Прославляя Господня Светило...

Вот и мне захотелось скорей
Поделиться рассветом с тобою:
Принести на ладони своей
Лучезарное утро земное.

И сказать тебе:
- День наступил!
День, который отпущен нам Богом, -
Он мне снова любовь подарил
Вместе с летней зарею, с восходом!

ВЕСЕННИЙ ЛИСТОК

Зима отступила —
По лужам ушла...
Какая все ж сила
В разливах тепла!

Пришло обновление —
Ожили сады.
О скором цветенье
Запели скворцы.
И вышел из почки -
Юнец с ноготок, -
В зеленой сорочке
Вишневый листок.

На ветке качнулся,
Склонился ко мне
И я улыбнулся:
Ему и весне.

И тёплого лета
В душе пожелал,
Чтоб шквалистый ветер
Его не сорвал.

Чтоб с веткой на счастье
Здесь зрели плоды...
Эх, мне бы сегодня
Вновь стать молодым!

ЗИМА

Крутые нравы у зимы —
Она тепла не знает.
Студеным вихрем у земли
Сугробы наметает.

И если вдруг придёт капель,
Согреть мне душу песней —
Дыхнет вновь стужею метель, -
Сосульки враз повесит...

Пусть в ледяном плену река,
Зима пусть воет, злится, -
Но все равно, придет весна -
И потеплеют лица

СЛОВА

Какие разные слова —
Они подобны людям:
Одни - чисты как лик Христа,
Другие — душа студят.

В одних — светло душе, уют,
Любовь хранит в них пламень.
Другие запросто убьют —
Не буквы в них, а — камень.

Как важно выбрать в словаре
Слова, что просветляют —
Недаром в детстве в букваре
Их по слогам читают.

Какие разные слова
Мостят нам путь-дорогу,
Но радостна лишь та верста,
Где слово ближе к Богу.

Какие разные слова...

ВОПРОСЫ

Порою хочется ... завывать
В бессильи, спрятать лик.
Да можно ли воды испить,
Когда плюют в родник!!

Пустое — охать и стонать, -
С безвольем дружит страх.
Как можно счастье отыскать,
Коль свет погас в глазах!!

Замолкнут в сердце соловьи —
Душа к зиме летит...
А без весны и без любви —
Зачем на свете жить!!

Между камней и сквозь бетон, -
Гляди, пролез цветок!
Откуда взял столь силы он,
Ведь был всего... росток!!

КТО В ЭТОМ ВИНОВАТ

Репей да тополь древний,
Крапива выше плеч —
Заброшена деревня:
Три дома одна печь...

Когда-то, здесь вот, в детстве,
Цвел пышно школьный сад.
Куда могло все деться!
Кто в этом виноват!

Стучу в окно избушки:
“Есть кто-нибудь живой!...”
На стук пришла старушка,
Заслышав глас чужой:

“Ты, чей же, милый будешь!
Знать, в этих жил краях!
Давненько, видно, блудишь —
Одежда вся в репьях...”

Недолги объясненья,
Коль здесь родился, рос:
Всплеск рук от удивленья,
Объятия до слез...

Журчат ручьи беседы
С истоками в былом...
"...И все же мы - соседи:
Вот тут стоял ваш дом.

А там — был клуб из бревен,
А в нем — гармонь и пляс!...
Теперь же быт наш скромнен -
Осталось трое нас.

Кому нужны старухи,
Пустые их дворы! —
Мы, как зимою мухи, -
Ни живы, ни мертвы...

Русь — Гитлер не разрушил,
Своим же удалось..."

Я слушал, слушал, слушал, -
А в горле ком все рос...

Три дома, тополь древний,
Заброшена земля, -
Родная мне деревня,
Прости за всех меня...

Валентин Николаевич Манухин родился в одной из самых поэтических областей России - на Рязанщине. Окончил военное училище и 16 лет прослужил в Ракетных войсках стратегического назначения. Видимо, причастность к удивительной русской природе и русскому слову вовлекли его с ранних лет в поэтическое осмысление мира. После службы в армии Манухин живет и работает в Димитровграде. Автор двух поэтических книг: "У осеннего причала" (Ивановское издательство "Талка") и "Истина во времени" (Димитровград. "Посад Меленесс"). Сегодняшняя подборка новых стихов поэта самая значительная из всех его публикаций в нашем журнале.

Василий СТРЮЧКОВ

ОГНЕННОЕ

НЕБО МАНИЛЫ

Глава 1.

Джон - загонщик "Буффало"

Тень, напоминающая ту, что отбрасывает на землю могильный крест, накрыла мир, и всё что его составляло. Молниеносно спикировавший из-за облаков "Мессершмитт", угловатыми очертаниями своего тела закрыл солнечный диск. Его, словно рубленый топором фюзеляж с двумя распластанными в стороны крыльями – обрубками, быстро приближался к "Девуатину" Джона. Старый французский истребитель не мог ни уйти в вираж, ни оторваться от преследователя. У Джона оставался один единственный, призрачный шанс на спасение – надежда на то, что немецкий пилот ошибётся.

Но немец не ошибся... "Мессершмитт", зависнув в хвосте, ударил из всех пулеметов. Джон не только увидел глазами, как от хвоста его "Девуатина" полетела разрезаемое и вырывающееся очередями клочьями фанера и ткань обшивки, но и почувствовал это телом - по вибрации, что поразила машину и по отказу самолета от продолжения начатого им виража. Ручка управления заплясала меж ладоней, больно отбивая чечетку по растопыренным пальцам рук, пытающимся схватить ее. Надежд на выход из боя и спасение машины не осталось. Надо было спастись самому. Выжав из мотора все до последней "пошади", Джон каким-то чудом опрокинул неуправляемую машину в пике. И "Девуатин" дымя двигателем и начавшим гореть хвостом, камнем устремился к земле. Огненные трассы и черный крестообразный "Мессершмитт" остались где-то

позади. А на встречу "Девуатину" устремился сплошной ковер зеленых джунглей Испании...

- Испании?! Чёрт! – только и успел, прокричал Джон, всей массой наваливаясь на привязные ремни, в попытке вытянуть "на себя" рукоятку управления истребителем.

- Идиот! Кретин! Какого чёрта?!

Истребитель, с работающим на пределе двигателем, нехотя вышел из опасного пикирования и, чиркнув плоскостями по коврам зелёных зарослей, перешел в горизонтальный полет. По тому, с какой калейдоскопической быстротой под крылом пролетали верхушки деревьев, и просеки, прорезанные мелкими речушками, можно было и без помощи приборов понять, что самолёт разогнался до трехсот миль в час, что и подтверждала дрожащая на пределе цифровой шкалы стрелка. Теперь Джону достаточно было лишь потянуть ручку на себя, чтобы истребитель энергично взмыл вверх. И он не преминул этого сделать. Не прошло и пяти минут, как истребитель, ведомый Джоном, вновь занял свое место в строю эскадрильи, который не далее как шесть-семь минут назад так внезапно и необъяснимо покинул.

Насколько необъяснимо, было понятно по тому, как его встречали. Плотный строй самолётов рассыпался и теперь представлял собой хаотически движущийся хоровод. Пилоты других самолётов недоумевали, не понимали, да и не могли понять, что это нашло на вновь прибывшего пилота - Джона Мак Ферсона. Что заставило его покинуть строй и столь опасно сблизиться с землёй? Что он там увидел или что искал?

- Итак, Мак Ферсон, что произошло? Вы что-то увидели внизу, в джунглях?! С высоты десять тысяч футов?! – по тому, как нарастала тональность и громкость произносимых фраз, допрашивавший Джона майор явно закипал.

Говорить правду Джону было не с руки. Да и каково ему - участнику боёв в небе Испании, Финляндии и Англии было признаться, что на него нахлынула волна страха. Страх, порождённый воспоминаниями о неудачном бое четырёхлетней давности.

"Да, он меня сотрет в порошок. Сравняет с землёй и ославит на всю эскадрилью", - думал Джон, судорожно ища подходящую на роль истины ложь.

- ... двигатель...

- Что?

- Меня подвёл двигатель, – решившись таки на один из вариантов возможной лжи, более твердо, чем в начале, ответил Джон. – Понимаете, сэр, вдруг, ни с того ни с сего, он перестал тянуть.

- Заглох?

- Никак нет, сэр. Двигатель просто сбросил обороты. При этом резко подскочила его температура.

- Да?... – не то чтобы с недоверием, скорее с удивлением, произнёс майор. Его брови изогнулись, а и без того большие глаза ещё больше расширились, словно говоря, что еще ни кто, ни когда не рассказывал ему подобных небылиц.

- Я подумал, сэр, что заклинило шторки капота, и решил их открыть набегавшим потоком.

- Для чего кинули машину в пике и дали полный газ?

- Так точно, сэр!

- Можете идти, лейтенант.

Столь эмоциональный до этого майор не пошевелил ни одним мускулом лица, не дав Мак Ферсону шанса понять, на сколько правдоподобно прозвучали его слова. В полной растерянности Джон козырнул на прощание и поспешил покинуть помещение КП.

"Чёрт, поверил или нет?.."

- Передайте инженеру эксплуатационной службы, что я распорядился заменить вам двигатель, лейтенант, – словно специально выдержавший паузу до того пока лейтенант

не занесёт свой ботинок над порогом, бросил вслед уходящему Джону майор, и задумчиво едва слышно добавил. – Давно пора было это сделать...

- Есть передать, сэр!

"Хм - м! – сбросив с души тяжёлый груз виновности, беззвучно ухмыльнулся Джон.

- Поверил! Ещё бы не поверил? Я же у них герой..."

На стоянке самолётов толпился лётный и технический состав эскадрильи. Лётчики и техники, в ожидании лейтенанта, не теряли времени даром. Они внимательно осматривали машину Джона, а техник, доставшийся Джону вместе с истребителем, став гидом по её внутренностям, что-то эмоционально разъяснял.

- Господин лейтенант, разрешите обратиться! – завидев своего лейтенанта, чуть ли не выпрыгнул из гущи собравшихся лётчиков, техник.

- Обращайтесь.

- Машина сильно повреждена и к полётам не готова.

- Двигатель? – помня, как из патрубков его истребителя валил густой дым, ни секунды не думая, безошибочно предположил Джон.

- Да, сэр. Прогорел один цилиндр. Вдобавок к этому повреждены крепления элеронов - в них забились растительность. И заклинена тяга управления рулями высоты.

"Ого! Я угробил самолёт!" - Джон был не в лучшем настроении от осознания сего факта. Пройдя мимо расступившихся лётчиков, он подошёл к своему серебристому "Буффало" и, словно жалея его, погладил кромку крыла. Этот маленький, пузатый, похожий на бочонок с приделанными к нему винтом и короткими крыльями, истребитель которого фирма-разработчик присвоила имя "Буффало", что означало ни много, ни мало огромного разъяренного быка, был первым самолетом, который он так бездарно угробил.

- А всё нервы... - в задумчивости произнёс Джон.

- Да, нервы здесь расшатываются быстро, – услышав его, подтвердил механик. – Жара, японцы, китайцы и эти чёртовы джунгли. Хочешь, не хочешь - мозги закипят.

- Майор Рейдженальд приказал заменить на моём "Буффало" двигатель, – отнюдь не порадовавшись тому, как механик услышал неосторожно брошенную им фразу, быстро и сухо распорядился Джон. – А сколько времени? Не пора ли подкрепиться?

- Да, да...

- В столовой уже всё накрыто...

- И налито...

Глядя на тему того, как повезло Джону и как он смог довести аварийную машину до Кессон-Сити, пилоты дружною толпою двинулись к столовой. В их глазах Джон Мак Ферсон был ассом. И ему, идущему в гущи толпы, приятно было это слышать. Хотя по правде говоря, здесь в Кессон-Сити так наверное, оно и было.

Аэродром Кессон-Сити был одной из многочисленных баз Северо-Американских Соединённых Штатов, раскиданных по всей акватории Тихого и частично Индийского океанов. И судя по тому, как она была обустроена - качественно и с размахом - было понятно, что она здесь всерьёз и надолго. Соединённые Штаты, как и большинство других стран, усиливали и укрепляли своё военное присутствие в заокеанских колониях и на чужих, арендованных территориях. И над всем этим добротным построенным веяло чем-то недобрым. Тем, что вселяло чувство тревоги в души летчиков, недавно прибывших в эскадрилью Кессон-Сити.

- А как там Европа, держится...?

- Здешние газеты пишут, что немцы несут бесчисленные потери от англичан и русских...?

- А какие у них самолёты? Небось, допотопные бипланы: "Хейнкел" и "Арадо"...?

Лишь только с обедом было покончено, молодые летчики поспешили к Джону с 65

вопросами, порождёнными недостатком информации в здешних местах.

- Хорошие у них самолёты. "Мессершмиты", "Юнкерсы", "Хейнкелы", — вновь переживая те неприятные чувства, что подвели его в полёте, Джон почувствовал как при упоминании "Мессершмитта" его сердце судорожно забилося в груди.

- И что, лучше наших "Буффало"?

- Не могу сказать... — стараясь не обидеть молодежь, гордящуюся своими истребителями, уклонился Джон. — Я ведь на нем здесь впервые сделал три вылета.

- Как впервые? — вырвавшийся из уст нескольких пилотов вопрос, нёс в себе такое удивление, словно во все части американских ВВС летали на одних только "Буффало".

- Я не летал на "Буффало".

- А на чём же тогда?

- На "Девуатине", "Томахауке" и английском "Харрикейне".

- И на каком из них вы сбили "немца"?!

- На Пи-40 "Томахауке"... Возвращаясь с разведки, меж двух слоёв сплошной облачности, я обнаружил два двухмоторных "Мессершмитта" и со второй атаки сбил одного из них. — Джон обыденно пересказал то, чем ещё недавно так гордился и неустанно пересказывал.

А дело все в том, что за полгода, что прошло с того знаменательного момента, боевой счёт Мак Ферсона ни сколько не увеличился, зато количество заштопанных пулевых пробоин на его новеньком "Харрикейне" достигло тридцати четырех. Асса из Мак Ферсона явно не получилось. Но так как в личном деле английского пилота записываются лишь победы, а не разбитые о взлётную полосу машины, у которых не вышло прострелянное шасси или вытек бензин из пробитого бака, Джона встречали как асса, прибывшего с фронта в пансионат, подлечиться.

- Да, не повезло...

- В смысле? — не понял брошенной фразы Джон.

- Воевать! Драться со стоящим противником и вдруг попасть в нашу глушь. У нас не зарабатываешь «крестов» на борту, — с печальным вздохом объяснил юнец, которому и форма казалась великоватой. — Вообще, как вы сюда попали, сэр...?

- По сути, моё участие в боевых действиях за Англию было не законным. Мы ведь придерживаемся нейтралитета...

- А как же тогда вы?

- А я туда прибыл вместе с партией самолётов, поставленных для английских ВВС, в качестве инструктора, переучивающего их пилотов.

- Эх-х — тяжело вздохнул всё тот же молоденький лейтенант. — Повезло. Я бы тоже хотел попасть в английские ВВС. Всё равно как, с партией самолётов, паровозов или ящиков тушёнки. Лишь бы на войну!

- Ты, что, так торопишься погибнуть? — удивился Джон столь напористому желанию молодого пилота попасть на войну.

- Да он у нас стал неприкаянным холостяком, — едва сдерживая смехок, бесцеремонно пояснил кто-то из-за соседнего стола. — Его девочку родители увезли в Гонконг и теперь ему хоть в петлю.

- Ну, если всё дело в этом, то не переживай, скоро и здесь полыхнёт не хуже чем в Европе, — как мог успокоил молодого пилота Джон, обнадёжив его скорой войной.

"Да уж, впервые успокаиваю человека обещаниями скорой войны." — сам подивился своим словам Джон, но тут же в ответ услышал ещё более удивительное.

- Какая тут война? С кем? С японцами что ли? Да они с Китаем-то до сих пор не справились, а с нами и подавно...

- Да, они трусливы, как кошки.

- На той неделе мы симитировали перехват их разведчика, который прикрывали пять истребителей. Так они мало того, что удрали, дымя движками, так ещё с перепугу забыли в, какой части света мы находимся!

- То есть? — не понял последних слов Джон, не смотря на то, что смысл сказанного дошёл до всех сидящих в столовой, о чём явственно свидетельствовали их одобрительные смех и кивания.

- С тех пор мы не видели ни одного их самолёта.

- Мы тут скорее загнёмся от жары и болезней или соплёмся в местных барах, чем погибнем под пулемётными очередями их истребителей.

- Да и истребители у них хиленькие, не сравнить с нашими.

- Точно...

Наслушавшись победоносных заявлений о невозможности войны с Японией, Джон покинул столовую, теряясь в догадках, чем заняться далее. Идти в опустевшую на выходные казарму не было желания. Во-первых, было очень жарко и душно, а во-вторых ему, лейтенанту, не хотелось торчать среди сержантов и рядовых. Но бесцельно шляться по полю аэродрома было тоже глупо.

Джон переживал "состояние первых дней", которое как он считал, наступает у любого, кто попадает на новое место, и пока ещё имеет кучу свободного времени, но не имеет друзей и знакомых. Такое с ним случалось и в Испании, и в Финляндии, и в Великобритании. А теперь вот и на Филиппинах.

С этими мыслями Мак Ферсон бесцельно брёл в сторону стоянки самолётов.

- Господин, лейтенант, — окрикнул его кто-то из приближающегося автомобиля. — Не хотите прогуляться по столице, сэр?

- Вы едите в Манилу?

- Ну да. Едемте с нами...

Выход из сложившейся ситуации нашелся сам собой. Не раздумывая, Джон сел в притормозивший "Паккард", несколько потеснив уже сидящих на его заднем сиденье трёх офицеров. И только дверь "Паккарда" закрылась под капотом заурчал, проснувшийся мотор, и машина понеслась по бетонной взлётной полосе в направлении КПП.

Глава 2.

"Клуб закоренелых пессимистов".

Манила. Второй раз за неделю столица Филиппин встречала лейтенанта. Первый раз это было в этот понедельник, когда первого декабря, Джон прибыл на Филиппины для прохождения дальнейшей службы на базе американских ВВС. И вот теперь второй раз — шестого декабря. Но на этот раз это была субботняя Манила с её забитыми лавками и лачугами улицами и улочками. Залитый зноем и переполненный бесчисленным количеством медленно спящих людшек, суесящихся по своим узко личностным проблемам, город совсем не походил на тот, что видел Мак Ферсон при его первом проезде по "официальной" трассе — от аэропорта в посольство и дальше на базу Кэссон — Сити.

- С чего начнём? Кому куда?

- Меня в порт.

- Мне туда же.

- Как Ирвин, твоя подружка сменила место жительства?

- Нет. У меня в порту дела.

- Меня с Диком к "Гранд-Отелю".

- А, ясно! По девочкам? – комментируя цели поездки каждого пассажира своего "Паккарда", посмеивался водитель.

- А вас куда, лейтенант, сэр?

- Не знаю!.. – прямо ответил Джон.

Сев в машину, для того чтобы убить время, Джон рассчитывал просто прогуляться по городу. Но сейчас, видя царящую здесь толчею, он начинал жалеть, что не остался на аэродроме.

- Не знаю, – повторился он. – У меня нет в городе ни знакомых и нет, ни каких планов на этот счет.

- Как на счет кабака, сэр?

- А почему бы и нет! Сойдет и кабак.

Бары в Маниле, пожалуй, так же как и во всех других азиатских столицах, в основе своей располагались в центре города и в районе порта. То есть только там, да еще пожалуй в "официальной" части Манилы, где можно было найти и привлечь к своим стойкам европейцев и американцев. Филиппинцы пускались во все тяжкие, лишь бы выкачать из карманов и кошельков европейцев все до последнего цента. В ход шло все: выпивка, сувениры, дешевые местные товары, проститутки...

Сделав круг по центру Манилы, медленно, чуть ли не черепашьей скоростью протискиваясь через ее забытые людьми и товарами улицы, "Паккард" проследовал до порта, вернулся в центр города, по кольцу объехал единственную в Маниле полноценную гостиницу и остановился в метрах ста от ее фасада, на другой стороне улицы.

- Этот бар я зову "Пристанью янки", – указывая на открытую дверь, точнее на темный проем из которого несло куревом и просоленными дарами моря, сказал водитель "Паккарда", давая понять, что это конечная точка его следования. – Это один из лучших баров. Уж можете мне поверить, сэр.

- Что ж, пошли посмотрим. Кстати, тебя как зовут?

- Брюс. Сержант Брюс Кеймен, сэр...

"Лучший" манильский бар, как ему и было положено, во многих своих характерных чертах напоминал саму Манилу. Бар с электрифицированной вывеской "Жемчужная лагуна", располагался в полуподвальной части четырех или пятиэтажного дома, все квартиры которого сдавались в наем, о чем свидетельствовала не менее красочная рекламная вывеска, размещенная на уровне второго-третьего этажей непосредственно над вывеской бара.

Полутемное помещение, уставленное столиками и стойками, несмотря на свою огромную площадь, казалось ужасно тесным и переполненным желающими промочить горло. Войдя в бар, Джон невольно поморщился. Запахи табака отнюдь не высшего сорта и алкоголя, больше напоминавшего денатурат или гидравлическую жидкость, смешивались с вонью нестираной одежды, немытых тел и небубранного помещения, образуя букет отнюдь не ресторанных запахов.

- Может пойдем в другой бар, – стараясь не вдыхать зловонный воздух носом, предложил Джон, произнеся сказанное голосом человека которого вот-вот должно стошнить.

- Не нравится? – с едва заметной усмешкой спросил Кеймен.

- Здесь яблоку некуда упасть, – приняв невозмутимый вид, попытался объяснить свое предложение Джон.

- Да, и дышать можно только задом?

- Вот, вот! – воодушевился Джон, чувствуя, что и его компаньону это заведение так же не по вкусу.

- Но этот бар лучший на этой улице.

- Да, но у нас есть машина. И мы можем съехать на другую улицу...

- Этот бар лучший во всем квартале. И в этом и в двух соседних. Уж можешь мне поверить, — тоном не терпящим сомнений пояснил Брюс. — И к тому же я здесь встречаюсь со своим пилотом...

- Пилотом?! А, что встреч на взлетной полосе и в ангарах не достаточно?

- К сожалению, он не летает. Уже не летает.

Ловко лавируя между столиками и не всегда крепко стоящими на ногах посетителями, Брюс быстро и уверенно продвигался в дальний тускло освещенный угол бара. Мак Ферсон хоть и не отставал от Кеймена, но в отличие от него постоянно толкал стоящих за стойками любителей пива и прочих горячительных напитков. Но они настолько были заняты поглощением содержимого своих кружек, рюмок и стаканов, что практически не реагировали на грубые толчки Джона.

- Извините... Извините... Прошу прощения... — каждый раз наскакивая на очередного посетителя бара, бросал на ходу Джон, особо не обращая внимания кого он побеспокоил.

- Не извиняйтесь особо, сэр, — не оборачиваясь успокоил его Брюс. — Здесь это в порядке вещей... А, Томи! Дружисе, рад тебя видеть!

Тот кого Брюс назвал Томом, сидел за последним столиком, стоящим пожалуй в самом темном углу бара. Первое, что ощутил Мак Ферсон после мимолетного взгляда, скользнувшего по сидящему за столиком Томом, так это ощущение какого-то мистицизма. Мрачная личность, точнее сказать ее темный силуэт, на фоне слабоосвещенного мерцающими огнями далеких слабых ламп, тихого угла, по темным стенам которого непрерывно двигались чьи-то еще более темные тени.

- Все прячешься?

- Привет Брюс, — вместо ответа произнес сидящий. — Я гляжу сегодня ты не один?

- Да. Со мной лейтенант Джон Мак Ферсон. Он недавно прибыл к нам на базу. А так как там сегодня делать нечего я предложил ему прокатиться со мной до Манилы...

Темная фигура несколько неуклюже привстала со стула. И незнакомец в жесте мужского приветствия протянул Джону левую руку.

- Капитан Вэ Вэ зс Флота Соединенных Штатов, Том Дибро, — представился друг Брюса, сопроводив свои слова легким приветствующим кивком головы, больше походившим на судорожный спазм мышц шеи. — Бывший капитан, Том Дибро...

Пожимать левую руку правой было крайне непривычно, неудобно и неприятно, особенно после того как Джон ощутил в своей руке кисть Томи на которой целыми осталось только три пальца. Очевидно эти неудобства в купе с неприязнью отразились на лице Мак Ферсона. Что тут же заметил капитан Дибро и угрюмо извинился:

- Извини. Правую не подаю. От нее практически ни чего не осталось.

- Авиакатастрофа?

- Да...

Односложный ответ и то, каким тоном он был произнесен, отнюдь не располагали к дальнейшему диалогу на эту тему. Разговор между ними прервался, но тишины так и не наступило. Кеймен занявший стул, стоящий спинкой к стойкам бара, развернулся всем телом и закричал:

- Пива! Пива к этому столику! — зычным мужским баритоном Брюс обратился к суетившимся вдали барменшам-филиппикам, внимание которых, прежде всего, привлекало хлопанье его высокоподнятых рук, а не голос, потонувший в всеобщем гоме. — Шесть пива, мэм!

Кружки, наполненные темным пенистым пивом, появились на столике столь же быстро, сколь незамедлительно прошла их оплата. В барах Манилы не было заведено взимать оплату в конце "гулянки" и служащие бара не отходили от столика пока не получали положенных центов.

- Чего надо?! – видя, что принеся пиво, филиппинка, одетая в униформу заведения, не спешит удалиться грубо спросил Томи. - Что, мало?! Брюс, ты сколько ей дал?

- Да она ждет чаевых... – копошась в своем портмоне, еле слышно пробурчал Кеймен.

В конце-концов чаевые были отданы и офицеры американского флота остались в уединении, сидя за своим дальним столиком.

- Что нового на базе? – отпив несколько больших глотков пива, первым заговорил Дибро.

- Все как и прежде. Идет медленная ротация летного состава. Вот лейтенант Мак Ферсон заменил капитана Нокса. Еще три пилота пакуют вещи. Их должны сменить через неделю.

- А как японцы? Не тревожат?

- Нет. Их последнее время и не видно, и не слышно.

- Странно... А в Маниле только и разговоров, что о скорой войне...

Джон не спеша, попивал свое пиво и слушая разговор двух друзей, украдкой разглядывал Тома Дибро. Глаза Джона быстро привыкли к сумраку бара, который уже не казался столь темным, если конечно не сравнивать его с тем запытым полуденным светом пеклом, что царило на улицах Манилы. Привыкнувшим к тусклому освещению взглядом Мак Ферсон сразу же приметил, что лицо Тома Дибро подобно свежеспаханному полю изоборуждено следами не то оспы, не то еще какой азиатской болезни. Причем сидя с левой стороны от Дибро, Джон не мог, как следует разглядеть правой части его лица. Но то, что удавалось заметить при судорожных подергиваниях головы бывшего капитана, создавало впечатление, что правой части лица у него вообще нет. И лишь темная материя повязки, прикрывавшей его правый глаз, повторяя форму правой части черепа, говорила, что это не так.

- Джон. Джон! Джон Мак-Фер-сон! – чуть ли не по слогам, громко позвал Джона Кеймен, пытаясь оторвать его от "созерцания" соседа,

- А? Что? Ты что-то спросил?

- Я спросил, как вы смотрите на перспективу скорой войны с японцами, сэр.

- Я?

- Да, вы...

- Не знаю. Я тут только несколько дней... – несколько сконфуженно начал Джон, мысли которого сейчас занимали другие проблемы. – Но вот что я слышал в военной миссии. Если война и начнется, то наши части быстро свернут японцам головы. Они не продержаться и месяца.

- Это точно! – опустошив вторую кружку пива, эмоционально поддержал Джона Брюс. – Слабы они в плане материально-технического оснащения. Их самолеты не ушли за уровень тридцатых годов, танки тоже где-то там застряли, а флот... Современный флот Японии, будет разбит еще более современным флотом США в помощь которому выступят корабли Англии и Голландии, базирующиеся в Вест-Индии.

- Наверное так оно и будет, – согласился Дибро, невольно разочаровав Мак Ферсона, который ожидал, что он выскажется иначе и поделится какой-нибудь новой информацией. – Скорее всего, война не продлится более одного-двух месяцев. Только вот я не завидую тем парням кому не посчастливится быть сбитыми утлыми японскими аэропланами над просторами этой чертовой Азии.

- Да уж. Тут ты прав, – мрачно буркнул Брюс, сочувственно покачав головой.

Под аккомпанементы установившейся в компании офицеров тишины были допиты последние капли пива, и опустевшие кружки чинно сгрудились в центре стола.

- Мэм, еще пива! Еще шесть пива и закуски!

В ожидании очередной порции пива, Джон невольно поймал себя на мысли, что

присутствие Дибро не лучшим образом действует ему на нервы. Ни чего конкретного, против бедняги Томи, Мак? Ферсон не имел, но вот его снобизм с пессимизмом раздражали его.

- Какая разница, где быть сбитым! – взяв причитавшуюся ему кружку пива, бросил Джон, легкомысленно отмахнувшись от слов Дибро, и после первого же глотка аргументировано добавил. - По моему, если тебе посчастливилось выбраться из горящей, камнем падающей или, что еще хуже, кувыркающейся машины, если тебя не подвел парашют, если тебя не расстреляли в воздухе, и если при приземлении ты не переломал себе кости, то лучше оказаться в Азии!

Товарищи Джона по застолью оторвались от своего пива и оставили в покое креветок и крабов. Они молча переглянулись и воззрились на Джона. Но Джон в их взгляде не увидел того, чего мог ожидать: вопроса, насмешки или предвзятого отношения. Нет, их взгляды просто источали жалость и сочувствие по отношению к Джону. Причем эти жалость и сочувствие Джон не только видел в их глазах и на их лицах, но и чувствовал всем телом, которое под их тяжестью самопроизвольно поежилось.

- Там - в Европе – пилот, выпрыгнувший с парашютом, если не будет расстрелян "Мессершмитами", то рискует попасть в холодные воды Ла-Манша или северной Атлантики, в которых он в лучшем случае побарахтается минут двадцать-тридцать и замерзнет. А если он приземлится на равнинной, открытой всем ветрам, местности, его быстренько найдут команды СС и полиции! – распаялся Мак Ферсон, описывая те ужасы войны, которые ему довелось наблюдать в Европе. – А если вам повезет, то вы просто замерзнете в снегах финских лесов, если вас не задержит медведь.

Том Дибро молча дослушал Мак Ферсон, и практически никак не отреагировав на его триаду, продолжил разламывать своей ущербной левой рукой большого краба, придерживая его правой кулечей, тщательно упрятанной в защитный обшлаг рукава.

Зато Кеймен, уже ощутивший ту легкость общения, какую дают одна-две кружки пива, эмоционально вступил в полемику с Джоном.

- Ты несешь ересь! Ты ни чего не знаешь про Азию!

- Что...?! – опешил Мак Ферсон, с трудом принимая то, как Кеймен отбросил в сторону все виды уставного общения.

- Ты просто не знаешь, над чем летаешь!

- ... лес – джунгли, океан...!

- Нет, лейтенант, ты перечисляешь то, что видел вчера и сегодня из кабины своего истребителя. Но ты еще не знаешь, что таят в себе эти самые – океан и джунгли!

- Чтобы они не таили, - в свою очередь, отбросив принятые в армии формы уставного взаимоотношения, повысив голос, продолжил отстаивать свое мнение Джон, – теплый океан лучше холодного залива, а сплошные тропические джунгли укроют от врага надежней, чем полнопрофильные окопы!

- И от своих в том числе! Знаешь, сколько тебя будут искать в этих джунглях?!

- Ну неделю, - замаялся было Джон, почувствовав как быстро Кеймен выбивает из под него почву, - максимум две! Я же с голоду за это время не помру, хотя возможно и похудею на банановой диете!

- Тебя найдут через несколько месяцев. И это в лучшем случае, – каким-то чуть ли не заговорным, тихим, смолненным голосом произнес Дибро, наконец вмешавшись в разгоревшийся спор, – в худшем случае – тебя и вовсе не будут искать.

- А, что могут и не искать? – неприятно удивился Мак Ферсон.

- Даже если тебя и найдут, то в виде изъеденного трупа, от которого останутся желтые кости, форма и личный медальон на шее, – продолжая игнорировать доводы и вопросы Джона, Дибро словно читал лекцию: тихо, монотонно, конкретно ни к кому свои слова не обращая.

- Так я не понял, меня будут искать, если я выпрыгну с парашютом?
- Будут, — успокоил, было его Кеймен. — Но не более недели в близлежащих джунглях и не более суток в океане, на всей площади квадрата падения самолета.

- Так значит, лучше прыгать над морем? Больше шансов...

- Одинаково. У флота не хватает катеров. К дому же их недостаток усугубляется изобилием в теплых водах акул, баракуд и прочих хищников.

- Джон хоть и был не готов принять на веру такой поток негативной информации, но под его давлением был вынужден прекратить спорить. Медленно переваривая услышанное, он машинально покачивал кружкой, на дне которой еще плескались скудные остатки пива и пены. Угрюмо понурив взгляд в эти остатки пива, Джон заглатывал креветок и разочарованно думал:

“Какого черта, я не остался на аэродроме, а приперся сюда, в этот вонючий бар? Неужто для того чтобы слушать, как мне легко и непринужденно расскажут о смертельных опасностях и трудностях моей службы?”

- Кеймен, а ну-ка подай свой голос, — не в силах далее терпеть установившуюся за столиком после прекращения спора тишину первым заговорил Джон. — У нас кончилось пиво...

- Я пас. Мне на сегодня хватит. Да и вообще мне уже пора.

- Томи, Томи, ты что? Посиди с нами.

- Нет, Брюс. Спасибо за пиво. Но мне действительно пора.

Том Дибро сдвинул свои пустые кружки в центр стола и встал со стула, в твердом намерении уйти.

- Господа офицеры, на всякий случай, прощайте.

- Гудбай, Томи. Извини, если задели за живое...

Том Дибро, приняв последние прощальные фразы, захромал к выходу. Причем хромал он как-то через чур ужасно, при каждом шаге передергиваясь всем телом с правого плеча на левое и судорожно тряся головой при этом.

То ли почувствовав, то ли зная по своему инвалидному опыту, что впервые встретившиеся с ним люди, из раза в раз провожают его неотрывными сострадаческими или брезгливыми взглядами, Дибро обернулся, и поймав на себе взгляд Джона, бросил ему ужасающую по своему смыслу фразу:

“Лейтенант, в боевые вылеты надежнее ходить без парашюта...”

Бредовое высказывание Дибро, глубоко резануло по душе Мак Ферсона. Но виной этому было не содержащийся в нем смысл, а вид того лица, с губ которого оно сорвалось. В первый и очевидный в последний раз, за все время встречи, Дибро показал Мак Ферсону правую часть своего лица. Часть лица, которого не было.

Темная тонкая наглазная повязка, из сложенного в несколько слоев плотного материала, черной полосой рассекала лицо. Провисая над прикрываемой ею глазницей, она прямо говорила о пустоте последней. Все, что было выше повязки: лоб и височная область больше напоминали собой жеваный лист старой бумаги. Сморщенная и пожелтевшая кожа верхней части лица была испещрена черными пятнами незаживающих, гниющих язв и расчерчена несколькими хирургическими швами. То же что находилось ниже наглазной повязки и вовсе шокировало всех и вся. Нос с отсутствующей правой ноздрей, в напоминание о которой с уцелевшей переносицы свисали обрывки кожи, изредка колышущиеся при вздохе или выдохе. Щека, кожа которой, ушитая очередным швом, была подобна брезентовому тенту грубо и сильно натянутому на кости. И распухшие, потерявшие форму, черные губы с исковерканным все теми же незаживающими язвами уголком рта.

Увиденное настолько поразило и потрясло Джона, что зародившийся в его голове протест на последние слова Дибро, так и не достиг голосовых связок. Меж тем, бросив

свой нелепый и ужасный совет, воспользовавшись шоком, ввергшим Мак Ферсона в оцепенение, Дибро медленно переваливаясь, а скорее даже передергиваясь с ноги на ногу, скрылся за спинами многочисленных посетителей бара и вскоре покинул его стены.

- Мэм, еще два пива! — словно ни чего не заметив, выкрикнул Кеймен.

И вскоре на столе взамен опустевших кружек появилась новая порция пива и пара крабов.

- Ну что, по последней и "домой".

- Что? — пропустив мимо ушей, все произнесенное Кейменом, очнулся Джон.

- Я говорю, допиваем пиво и возвращаемся на базу!

- Да, да. Возвращаемся...

Глава 3. Трагедия "Девастэйтора"

"Паккард" с Джоном и Брюсом "на борту" катил по единственной более-менее приемлемой для автомобильного движения дороге, соединяющей Манилу с Кессон-Сити. И хотя стрелка спидометра колыхалась у отметки сорок миль в час, машину трясло так, словно это была не машина, а самолет, взлетающий с вспаханного поля. Само собой вместе с машиной трясло и ее пассажира и водителя, в чреве которых плескалось добрых три — три с половиной литра пива.

- Ты куда так летишь?

- Тороплюсь на базу, до заката солнца, — излишне часто давя на газ, ответил Брюс Кеймен.

- У тебя, что сегодня дежурство?

- Нет.

- А почему тогда именно до заката?

- Потому что я не хочу вести машину ночью, по дороге проходящей через джунгли.

Дорога, по которой Брюс Кеймен вел свой "Паккард", проходила через экваториальный лес, петляя в самой его гуще. Сплошная зеленая стена растительности тянулась вдоль дороги, напрочь скрывая от любопытных глаз все, что находилась более чем в десяти футах от кромки дороги. А в некоторых местах тропический лес и вовсе покушался на саму дорогу. Его хищные зеленные, покрытые листвой и плодами щупальца, вытягиваясь, то зависали над дорогой, то ползли по ее полотну. Правда, эти несмелые наскоки девственной природы на цивилизацию не могли просуществовать достаточно долго, для того чтобы обосноваться на захваченной территории, пустить корни и дать молодую поросль. Раз в неделю бригада дорожной службы проводила профилактику вверенной ей дороги и все живое, что так или иначе, угрожало нормальному функционированию дороги гибло под ударами острых топоров и мачете.

- Что за черт! — за день вдоволь наслушавшись разной бредовщины, возмутился Джон. — И ты туда же! Чего вы так боитесь этих джунглей?! Подумаешь, просто очень густой лес!

- Ага-а! Томи тоже так говорил, до того как чуть не погиб в этом просто очень густом лесу.

- Да, к стати! Что с ним случилось? Он наговорил столько загадочного и пессимистичного, что меня просто распирает желание узнать, что стало тому причиной, — наконец-таки поняв, что его мучает с самого момента отъезда из Манилы, тисками сжимая душу, продрогшую от ужаса увиденного, спросил Джон. — Что с ним произошло?

- Он потерпел аварию...
- Это я уже знаю. А что произошло подробнее, ты не знаешь?
- Знаю. Он ведь был моим пилотом. Я перед каждым вылетом готовил его самолет, провожал и встречал его на "взлетке". Одевал и снимал с него парашют...

- Он тоже летал на "Буффало"?
- Нет. Он летал не один, а в экипаже из трех человек. Я их как сейчас вижу: смельчак Томи, красавчик и умница Рой и весельчак Джеймс. Знаешь такую машину – "Девастэйтор"?

- "Девастэйтор" – "Опустошитель"? Нет. У нас в Европе таких не было.
- Конечно не было. "Девастэйтор" это палубный торпедоносец.
- Так вы что все служили на авианосце?
- Нет. Просто у нас в Кессон-Сити тогда еще не было самолетов-разведчиков. И чтобы хоть как-то компенсировать их отсутствие командование флота передало нам для этих целей пару "Девастэйторов". На один из них и был пересажен Томи.

- Понятно. Обычная нехватка машин, – не раз видевший, как в разведку посылали наскоро приспособленные для выполнения разведзаданий машины: бомбардировщики, истребители и им подобные, констатировал Мак Ферсон, лишь недавно покинувший поляющую в пожаре войны Европу. – Порочная практика, использования не специализированных, часто устаревших машин. Ничего хорошего, кроме бездарных потерь личного состава...

- Вот, вот, – согласился Кеймен. – Так случилось и в тот раз...
"Паккард" продолжал также быстро прыгать по дороге. А его работающий двигатель своим ревом глушил большую часть слов, произносимых сидящими в нем людьми. Так что Джон и Брюсу говорить приходилось очень громко, почти на пределе возможностей голосовых связок. Но, несмотря на это о смысле сказанного им приходилось догадываться по отдельным словам, различенным сквозь рев мотора.

- Кеймен, прекрати газовать! Не рви мотор и мое горло! – не выдержал Джон. – Я уже охрип и наглотался пыли! Не гони!

Брюс нехотя переключил коробку с четвертой на третью передачу и машина, замедлив свой бег, с мелкой рыси перешла в легкое покачивание, перестав извергать из-под колес клубы пыли.

- Так вот, – продолжил повествование о трагическом последнем полете Тома Дибро, Брюс, - три с половиной месяца назад экипажу Томи была поставлена задача, произвести разведку восточной части Индийского океана, на предмет появления в нем японского флота. В шесть утра "Девастэйтор" с полными баками горючего оторвался от взлетной полосы и ушел в свой последний полет.

Где-то, через четыре часа, когда Томи уже лег на обратный курс, недалеко от острова Самар его штурман обнаружил внизу под самолетом, что-то, что могло быть подводной лодкой, японской или еще чьей-нибудь. Для того чтобы точно определить, что именно проплывает под крылом торпедоносца, Томи по "истребительному" ввел тяжелый самолет в вираж с крутым снижением. А когда на высоте в девятьсот футов он выхватил разогнавшуюся до трехсотузловой скорости машину из пике, в крыло "Девастэйтора" врезался фрегат...

- Фрегат?! – недоверчиво перебил Джон, помнивший, что сначала речь шла о подлодке. – Фрегат...? На высоте девятьсот футов?

- Я говорю не о корабле, а о птице. Большекрылой, тяжелой птице. Настолько тяжелой, что ее тело подобно зенитному снаряду насквозь пробило левую плоскость торпедоносца, оборвав ее законцовку и намертво заклинив элерон.

- Ну и ну! – тут же представив, а возможно и ощутив, что при этом твориться с

самолетом и сидящим в нем пилотом, воскликнул Мак Ферсон. — Они должны были камнем рухнуть в море...

- Так оно и случилось. В считанные секунды беспорядочно кувыркающийся самолет достиг воды и ударившись хвостом о ее поверхность рассыпался на части. К счастью баки "Девастэйтора" к тому моменту были практически "сухи" и Томи со стрелком и штурманом не сгорели, а лишь рухнули в воду и в бессознательном состоянии стали покрываться на ее поверхность вместе с плавающими обломками самолета.

Первым в сознание пришел Томи. Оглядевшись вокруг, он нашел двух своих членов экипажа, все еще без сознания плавающих неподалеку. Расцепив лямки парашютного рюкзака, который опрокидывал его на спину, Томи подплыл к Рою. Расстегнул лямки его парашюта и после непродолжительного встряхивания и нескольких пощечин вернул ему сознание. Уже вдвоем они добрались до Джеймса, так же освободили его от парашюта и попытались привести в чувства. Но все их старания оказались тщетными. Мокрое лицо Джеймса ни одной мышцей не отреагировало на их встряхивания, похлопывания и пощечины. Джеймс был мертв. Лишь благодаря спасательному жилету он не ушел на дно, а покачивался на поверхности океана.

- А что подлодка?

- Подлодки к тому моменту уже не было. Но то, что это была подлодка, Томи ни сколько не сомневается. Как он считает, без сознания он находился максимум десять-двадцать минут. За это время корабль, будь это корабль, не успел бы скрыться из виду, разве что спрятался бы за лежащим в нескольких милях от места падения островом.

- И долго они болтались в океане?

- Нет. Я же говорю, к счастью в нескольких милях от них был остров. Не теряя времени, взяв на "буксир" тело Джеймса, они устремились к спасательному клочку суши, борясь с течением, которое стремилось отнести их в сторону. И через четыре часа практически непрерывной гребли они добрались к полосе прибоя.

- Что, целых четыре часа, гребли руками, боролись с течением и тянули погибшего?!

- Да целых четыре часа, а может и больше.

- И у них хватило сил?! — с оттенком недоверия в голосе не то спросил, не то просто подивился Джон.

- Они все были прекрасными спортсменами. Томи к примеру был чемпионом авиабазы по легкой атлетике, а Рой постоянно участвовал в боксерских поединках...

В общем, через четыре часа они достигли полосы прибоя, и как только их подхватило едва зародившаяся волна, для того чтобы вынести на песчаный пляж, сильный рывок буквально вырвал их из водного потока. Что-то или кто-то бешено тянул тело Джеймса, из-за всех сил стремясь вырвать его из рук товарищей. Вокруг Томи и Роя вода буквально кипела, а бьющееся и сотрясаемое тело Джеймса было эпицентром образовавшегося водоворота. Не в силах бороться с неведомой силой, скрывающейся под водой, они выпустили из рук тело бедняги Джеймса, и оно тут же было поглощено океаном. Их же самих, ошарашенных и повергнутых в транс случившимся, подхватила очередная волна прибоя и увлекла к острову.

Выкинутые прибоем на пляж и Томи и Рой, превозмогая нечеловеческую усталость, отползли в глубь пляжа и, обернувшись в сторону океана, поняли кто вырвал из их рук тело Джеймса.

- Акулы?

- Да. Два треугольных, зловещих черных плавника рассекали набегающие на берег волны прибоя, все в том же месте, где было совершенно нападение на спасавшихся пилотов.

- Повезло им, что акулы бросились на мертвого Джеймса, а не на них.

- Может быть... - словно сомневаясь в правильности сделанного вывода, пожал плечами Брюс, и положил руку на рычаг переключения передач. Но тут же отдернул ее, почувствовав на себе гневный взгляд Мак Ферсона, предоставив машине право продолжать свое движение со скоростью в тридцать миль в час. - Как говорил Томи, он не помнит, как впал в забытие. Помнит лишь, что перед этим успел отползти подальше от воды.

Очнулся же он в крошечной тьме. Ночь, темнота и никакого пляжа. Силась понять, что случилось, и как он сюда попал Томи долго пролежал с открытыми глазами. Его неподвижный взгляд был устремлен к мерцающим в густых кронах деревьев звездам. В мозгу же в это время хороводом плясал сонм мыслей: "Где я? Где пляж? Откуда эти деревья? И где Рой?". Последний вопрос то и вернул Томи в чувство реальности.

Роя ни где не было видно, если вообще в той крошечной тьме можно было что-либо разглядеть. Не отзывался он и на зов. Томи всю ночь, а к моменту его пробуждения она только началась, пробродил по джунглям в поисках Роя. Когда же в предчувствии рождающегося дня, чуть просветлел небосвод, Томи вновь был готов упасть от усталости. Все его попытки найти в ночных джунглях напарника, оказались тщетны. Единственное чего он добился, так это сбил свои ноги, порвал форму и сорвал голос. Не имея сил на продолжение поисков, Томи решил вернуться на пляж, с которого до него доносился шум прибора... - Кеймен прервался, на несколько секунд достаточных, для того чтобы перевести дух, закурить очередную сигарету и сделать пару затяжек

- Так, что Роя он так и не нашел?

- Нашел... - выпустив облако, тут же сдутого набегающим потоком, табачного дыма, ответил Кеймен. - Возвращаясь к пляжу он чисто случайно наткнулся на Роя, который скорчившись в какой-то неестественной позе, бездыханно лежал у корней одного из деревьев.

Томи даже не подошел к Рою. Настолько ужасен был его вид. При взгляде на него у Дибро даже не зародилось мысли о захоронении тела боевого товарища...

- Чем же он был так ужасен?

- Как рассказывал Дибро, наиболее ужасным было лицо Роя. Его невозможно было узнать. Оно все распухло и перекошилось в страшной гримасе. Кожа лица потемнела, превратившись в подобие грубого полотна гнойного цвета. И на фоне этой страшной маски дьявольски блестели белки выпученных глаз, вот-вот готовых выпасть из широко раскрытых век. А с синих губ, вымазанных землей и налипшей листвою, открытого и также перекошенного рта, свисали капли пены и остатки рвоты...

- Святая Дева Мария, - воскликнул Рой. - Что же с ним случилось? Кто его убил?

- Медики, которые первыми услышали эти слова, говорят, что по описанию это очень напоминает смерть от укуса змеи.

- Роя укусила змея?

- Да. В джунглях море змей, пауков и прочей гадости...

Кеймен, только что выкуривший сигарету, вновь потянулся за пачкой. Постучав пачкой о руль, выбил из нее последнюю сигарету и, небрежно смяв, выкинул ее за борт.

- А что же Томи?

- Томи? - обжимая зубами фильтр сигареты, процедил Кеймен. - Томи остался в джунглях. В ожидании появления спасательного самолета или корабля, он не отходил далеко от пляжа, в надежде, что поиски пропавшего экипажа скоро приведут поисковые группы к этому острову. Так ожидая помощи, он провел в прибрежных джунглях три дня. Три дня, как ты выразился в баре, на банановой диете. Благо бананов было море, а проблема с пресной водой отпала, после того как он нашел неподалеку бьющий из земли ручей...

76 - И что? Как ему банановая диета?

- Она ему вышла боком. На четвертый день, вдоволь наевшись их, Томи решил переменить свой рацион и вместо того чтобы сорвать низковисящие бананы или сбить с пальмы кокосы, он полез на дерево за какими то плодами, привлечшими его внимание. Какие именно это были плоды, Томи до сих пор не может вспомнить...

Забравшись на высоту метров в пять-семь, Томи достиг висящих на ветви плодов, и ему оставалось лишь протянуть к ним руку. Но когда его пальцы коснулись грубой, шершавой кожицы плода, из-под свода зеленой листвы на него упал большой черный паук.

Само собой он испугался, отдернул руку и торопливо попытался стряхнуть паука. Последнее, что Томи помнит после этого, это падение и боль от многочисленных ударов о ветви и о землю. Все что с ним случилось после этого, он знает лишь по чужим рассказам...

- Черепно-мозговая травма? — тоном опытного врача, ставящего диагноз, предположил Джон.

- И она, и переломы и многое другое...

- И, что Дибро, так и не пришел в себя до того как его нашли?

- Не знаю. Сам Томи ни чего сказать, об этом не может, так как не помнит. Нашли же его рыбаки соседнего острова. Укрываясь от непогоды, заставшей их в море, они высадились на остров, втащили на берег свои джонки и ушли в прибрежные джунгли, в которых, переживали начавшиеся ливень и шквальный ветер.

- И они там наткнулись на Дибро?

- Точнее на то, что от него осталось. Измазанный в грязи он лежал в луже, и по его мокрому телу ползали тучи насекомых: пауки, жуки, мухи. Причем не только ползали, но и откладывали в его раны свои личинки.

- Ужас! Это, наверное, жуткая боль?! Как ты можешь это так живо и подробно описывать?

- Наверное, я так часто слышал это из уст Томи, и сам столько раз пересказывал, эту историю другим, что свикся с ее ужасами и заучил наиболее яркие и впечатляющие фразы...

- Ясно. — Джону явно не терпелось узнать дальнейшее и он вновь перенес свой интерес на историю Тома Дибро. — Хорошо, что его вовремя нашли рыбаки.

- Хорошо, что на нем сохранились остатки формы пилота американских ВМС. А то бы эти "аборигены" и близко не подошли к Томи, оставив его на корм насекомым.

- Почему?

- Потому что, во-первых, как утверждали рыбаки, они до последнего были уверены, что нашли в джунглях мертвое тело американского пилота. А во-вторых, найдя его, они не без основания рассчитывали получить денежное вознаграждение после доставке его военным властям. В общем, они сгребли с тела Томи насекомых и паразитов, опасаясь, что те до неизвестности объедят его лицо и тело. Завернули его в какие-то тряпки и по утру погрузили в джонку. Ближе к обеду, как только стих ветер, рыбаки под проливным дождем доставили Томи на борт эсминца.

- А эсминец то откуда взялся?

- По счастливой случайности, высланный на поиски пропавшего самолета, эсминец проходил в это утро вблизи острова. И к счастью его наблюдатели разглядели, сквозь сплошную завесу ливня, рыбацкие лодки идущие к нему с сидящими в них, яростно жестикулирующими рыбаками.

Ну а дальше, медик эсминца устанавливает, что как это ни странно, но в теле Дибро еще теплится жизнь, промывает и зашивает ему раны. А через полтора часа после этого Томи перегружают на "Каталину" и еще через полтора часа он оказывается на операционном столе манильского госпиталя, из которого и выходит через месяц таким,

каким ты его сегодня видел...

"Паккард" вновь взревел мотором и понесся по дороге, оставляя за собой плотные тучи пыли. На этот раз Джон, потрясенный услышанным рассказом и ранее увиденным лицом Тома Дибро и не подумал останавливать Брюса, последовательно включавшего все более высокие передачи в коробке скоростей.

Глава 4.

Воскресенье - кровь, смерть, шок

Проспать до позднего утра, как это обычно случалось в воскресенье, офицерам авиабазы не удалось. Сирена боевой тревоги пронзительно взывала в пять утра, огласив базу короткими отрывистыми гудками. И хоть по реву сирены в воздух уходили лишь два дежурных истребителя, но ее голос будил всех остальных, побуждая тех кто спал в казармах выйти на летное поле, и заставляя тех кто жил в Кессон-Сити на частных квартирах поторопиться на базу.

Вслед за стихающим в утреннем небе жужжанием двух удаляющихся "Буффало", воздух базы постепенно, словно нехотя, наполнился голосами потревоженных пилотов и рокотом подъезжающих из города машин. Громко хлопали двери "фордов", "паккардов" и "кадиллаков" из которых выскакивали прибывшие из города офицеры, спешащие узнать причину тревоги. Приехавшие офицеры громко обменивались примерно одними и теми же вопросами, на которые ни кто не мог дать точного ответа:

"Что случилось? Зачем подняли дежурную пару? Наверное, японский разведчик..."

Последняя фраза заставила Джона поторопиться со сборами. В воздухе запахло чем-то до боли ему знакомым. Чем-то, что переворачивало будничное течение жизни с ног на голову... А если вспомнить то, с какими настроением и чувствами Джон вчера вечером лег в кровать, и то как он долго не мог уснуть, мучаемый картинами, рисуемыми его воспаленным сознанием, то будет понятно сколь приятен ему стал голос сирены, обещавший окунуть его в новые дела и заботы.

- Что произошло? - встретив одного из пилотов своей эскадрильи, уже идущего со "взлетки" поинтересовался Джон.

- Подняли в воздух дежурную пару, сэр. Вроде как обнаружены японские самолеты...

- Их послали на перехват?

- Что вы, сэр! Бог с вами, сэр. Японцев трогать нам строжайше запрещено. Они продемонстрируют им свое присутствие и посмотрят, как те быстренько уберутся восвояси!

И действительно через минут сорок оба истребителя вернулись на базу. Их пилоты браво отпартовали командованию о двух японских разведчиках, обнаруженных ими в пятидесяти милях севернее Манилы.

- ... мы их обнаружили когда, они уже уходили домой. Это были две "Бетти"...

- "Бетти"? - не сразу поняв, о чем идет речь, переспросил рядом стоящего лейтенанта, Джон.

- "Бетти" - двухмоторный бомбардировщик с тремя пулеметами и скоростью в сто пятьдесят узлов, сэр.

- Понятно. - кивнул головою Джон, и для самого себя добавил. - Что-то вроде "Хейнкеля".

- Наверное, сэр. Вам виднее, сэр.

Более ни чего интересного до самого завтрака больше не намечалось, и собравшийся было на "взлетке" контингент базы разошелся по своим делам. Лишь тем, кто собирался уехать в город, было приказано оставаться на базе до особого распоряжения. За теми же кто, по какой-то причине еще не прибыл на базу, были срочно посланы курьеры. Так, в одночасье, авиабаза Кессон-Сити перешла на казарменное положение.

- Ну, надо же?! Стоило появиться у наших берегов двум "япошкам" и наше командование испугалось.

- Точно. Они словно забыли то время, когда их разведчики, чуть ли не каждый день, подлетали к острову...

Последние слова несколько расстроили Джона, с воодушевлением принявшего утренние происшествия за начало активной боевой работы. Теперь же когда расчеты на резкие перемены рухнули Мак Ферсон обречено побрел в казарму досыпать положенные ему часы.

Протяжный рев сирены боевой тревоги, заменил собой игру утреннего горна, зовущего на построении. На этот раз сигналы сирены предназначались не только пилотам и техникам дежурной пары, но и всем служащим авиабазы.

- Что за черт?! На этот раз кто — китайцы?

- Ага, и уже не два самолета, а десятка полтора аэропланов!

Зло огрызаясь на нервирующий вой сирены, перекидывались остротами соседи Джона по казарме, быстренько удаляясь из нее. Мак Ферсону же, успевшему вновь заснуть после утренней тревоги, пришлось торопиться еще больше чем им. Вскочив, он быстро натянул форму и буквально впрыгнул в туфли. На бегу, застегивая пуговицы кителя, Джон широкими шагами заспешил к ангарам, из которых техники уже выкатывали самолеты.

"Ого! Дело запахло жареным, — видя суету, творящуюся на рулежной дорожке, подумал Джон. — Или же вновь намечается вылет всем составом эскадрильи?"

Меж тем ему на глаза попался спрятавшийся за выкатенными из ангара самолетами автомобиль командования авиабазы. Судя потому, что все четыре двери "форда" были открыты, Джон мгновенно сообразил, что в ней на "взлетку" приехало все высокое начальство. Что само по себе было бы странным для тренировочного вылета эскадрильи.

"Значит все-таки война..."

- Господа, пилоты! — заговорил командующий авиабазы, лишь только из ангара был выполкан последний истребитель, и пилоты с техниками выстроились у своих машин. — Настал час испытаний. Япония начала войну с Соединенными Штатами Америки. Несколько часов назад, японские самолеты попытались атаковать Перл-Харбор. А сейчас армада японских бомбардировщиков приближается к острову, скорее всего, имея целью бомбардировку Манилы. Ваша задача перехватить противника и, обрушив на него всю мощь американского оружия, уничтожить его. Поэтому приказываю...! По-о машинам...!"

Сердце Джона, как и сердца большинства других пилотов, заколотилось в предчувствии надвигающейся схватки. То, чего он так ждал с раннего утра, и то чего боялся со времен боев в Европе, свершилось. Америка вступила в войну.

После беглого инструктажа, проведенного непосредственным боевым командиром, пилоты заняли свои места в кабинах и закрыли остекление фонарей, окончательно отрезав себя от дождающей последние мгновения мирной жизни авиабазы в Кессон-Сити. Механики провернули винты истребителей, и недружный хор авиамоторов наполнил воздух. Истребители один за другим выкатывались на две взлетные полосы, разбежались, отрывались от бетона и вставали в круг ожидания, образуя в небе над городом гигантский, движущийся со скоростью двести миль в час, хоровод.

Джон, каждую секунду готовый двинуть рукоятку сектора "газа" до упора, терпеливо ждал своей очереди. Примерно тоже самое готов был сделать и его ведомый, ожидавший своей очереди на соседней "рулежке".

Истребитель дрожал, вибрируя в такт работающему двигателю. Вместе с истребителем подрагивал и Джон. Но его трясла не вибрация самолета, а предбоевое напряжение нервов. Он нетерпеливо поглядывал на стоящего справа от самолета сигнальщика, ожидая когда тот сделает отмашку флагом, дав разрешение на взлет. Но сигнальщик продолжал спокойно стоять. А по взлетным полосам продолжали один за другим взмывали в воздух серебристые "Буффало".

"Бой. Скоро бой. Какие эти японцы? Правда ли их техника и выучка так слабы, как говорили офицеры? А если нет, то насколько хороши наши "Буффало" чтобы драться с ними?"

Размышления, точнее тот сумбур мыслей, что творился в голове Джона, прервал оживший сигнальщик. Взмах клетчатого бело-черного флага и Мак Ферсон, прибавив двигателю "газу", отпустил тормоза. Истребитель медленно, словно нехотя, тронулся с места и быстро набирая скорость, побежал по бетонной полосе. Не прошло и двадцати секунд, как пневматики шасси оторвались от "взлетки" и стойки "вползли" в крыльевые ниши. Джон, чувствуя мощь нового двигателя, по крутой спирали набрал высоту и пристроившись в хвост ведомому соседней пары, занял свое место в небесном хороводе. Его же ведомый, имея более поношенный мотор, несколько отстал и вынужден был догонять самолет Джона уже в горизонтальном полете.

"Та-ак... Значит, мой ведомый не успевает за мной..." — видя отсутствие в хвосте самолета своего напарника, раздосадовано отметил Джон.

Правда, более размышлять о чем-либо Джон уже не смог. Командир эскадрильи качнул крыльями и вертевшийся в небе хоровод рассыпался. Истребители разбились на четверки и плотным роем устремились на встречу с врагом.

Самолеты противника показались минут через десять, как раз после того как американские истребители пролетели Манилу. На Манилу действительно двигалась армада японских самолетов. Их было так много, что Джон даже и не подумал считать их количество, все равно их было в несколько раз больше. Японцы летели двумя группами. Первая группа шла в плотном строю, на тысячу футов ниже второй. В составе первой шли несколько десятков, а возможно и полсотни двухмоторных бомбардировщиков, прикрываемых с флангов истребителями. Самолеты второй группы числом меньшим не придерживались никакого строя, а так же как и американцы двигались разрозненно - парами, тройками и четверками.

"Истребители!" - только и успел произнести Мак Ферсон.

Истребитель командира эскадрильи вновь качнул плоскостями. То был сигнал к началу атаки. Только вот кто на кого нападал, понять было практически не возможно. Истребители противников одновременно кинулись друг на друга.

Джон, имевший опыт воздушных боев, четко усвоил для себя одну непреложную истину истребителя, если тебе дан приказ предотвратить бомбардировку города, то твоя цель - вражеские бомбардировщики. Истребители - "по боку"! Впитав это вместе с запахом крови, пота и смерти в небе Испании и Англии, над Филиппинами Джон не собирался действовать иначе.

Он на полном "газе" врезался в группу японских истребителей, проскочил мимо них и устремился к бомбардировщикам. Единственное, как Джон отреагировал на присутствие в небе вражеских истребителей, так это один раз, когда в кольца прицела попал силуэт "японца", нажал на гашетку. Но скорость сближения была так высока, что короткие трассы четырех его пулеметов прошли далеко за хвостом противника, проскочившего под брюхом "Буффало".

"Святая дева! Как они похожи на наши самолеты... Такие же лобастые носы, короткие крылья, скругленные законцовки... Может, мы атакуем своих?! — успев разглядеть черты японских истребителей, ужаснулся Джон. — Но нет! На наших крыльях белые звезды в синих кругах, а на их красные круги... Нет, это враг!"

"Буффало" быстро приближался к строю бомбардировщиков, тела которых росли на глазах, превращаясь из черных крестиков в вполне четкие очертания больших двухмоторных самолетов с длинными крыльями и высокими хвостами. Еще немного и их темно-зеленые, почти черные, фюзеляжи полностью закроют весь мир, преградив собой путь несущемуся на большей скорости "Буффало". Не отрывая глаз от колец прицела, Мак Ферсон видел как открываются блистеры и разворачиваются прозрачные башенки бомбардировщиков и как из их амбразур ему на встречу тянутся дымные трассы пулеметных очередей.

В ответ Джон наложил пальцы на гашетку. Из под капота и из крыльев истребителя вырвались огонь и длинные нити трасс. Замерший было в прицеле бомбардировщик, качнулся и, выпустив струйку белого дыма, провалился по высоте. Воспользовавшись образовавшимся проходом в плотном строю самолетов, Джон нырнул в него. Его глаза невольно продолжали следить за подбитым японцем. Бомбардировщик, казалось был еще способен дотянуть до аэродрома, но через несколько мгновений, баки в его крыльях взорвались и он вспыхнув, превратился в пылающий факел. Перевернувшись через крыло нещадно горящий самолет устремился к земле.

"Первый готов!" — воскликнул Мак Ферсон.

Душа пела от радости. Следя за тем как оставляя за собой дымный черный след "японец" разваливается в воздухе, Джон не замечал, как его истребитель обгоняют трассы пуль и снарядов, все ближе и ближе подбирающихся к крыльям и фюзеляжу. В конце концов, несколько пуль впились в крыло, задрал его обшивку и заставил "Буффало" вздрогнуть. Джон тут же оглянулся, надеясь увидеть, что он уже отошел от бомбардировщиков на безопасное расстояние и в его самолет попали шальные пули.

"О, боже! Что за черт!! Кто прикрывает мой "хвост"?! Где ведомый?!"

Вместо ведомого, на "хвосте" у Джона висели два, быстро приближавшихся, японских истребителя, попеременно поливавших его огнем. Манипуляции ручкой управления и педалями существенно ситуацию не изменили. Вошедший в вираж "Буффало" хоть и сбросил одного "японца" с "хвоста", но второй мертвой хваткой вцепившийся в машину Джона, продолжал преследование.

Еще один вираж с переходом в бочку, вход во второй вираж и последующее пикирование результата не дали. "Японец" продолжал висеть на "хвосте", не только не теряя Джона из виду, но и сокращая расстояние до него. О последнем Мак Ферсон догадывался по тому насколько прицельней стал огонь. Пули все чаще рвали обшивку и даже пару раз ударили по бронеспинке сиденья.

"Да что же это...!"

Джон прилагал все усилия, выжимая из самолета все, что можно, но японский истребитель с легкостью настигал "Буффало", осыпая его градом пуль и снарядов. Вскоре к первому "японцу" вновь присоединился второй и положение Джона вовсе стало критическим. Его самолет летел в сплошном потоке трасс, лишь каким то чудом избегая фатальных попаданий. Джону нужно было что-то срочно делать...

"К бомбардировщикам...! В их ряды!"

Расчет был прост: прорваться к бомбардировщикам и в их тесных рядах оторваться от преследователей, скованных в маневре. Десятки стрелков на бомбардировщиках, с их не менее опасными пулеметами, в расчет им не брались.

Торопясь с выполнением своего решения, Джон крайне неудачно выхватил самолет из начатого им левого виража, и буквально на мгновение завис в прицелах "японцев".

Будь дистанция между противниками раза в два больше, самолет Джона мгновенно бы разрезали очередями. Но охотники так близко подошли к жертве, что не успели воспользоваться ошибкой американского пилота. Их истребители промчались мимо "Буффало", сделав теперь охотником Джона...

"Вот это да!", — мгновенно оценив ситуацию, Джон изменил свои намеренья.

Он бросил свой истребитель в погоню, полубочкой вернувшись на траекторию прерванного виража. Но догнать "японцев" было не суждено. Их истребители оказались быстрее и маневреннее американского. Втянувшись за ними, в сменяющие друг друга виражи, Джон уже на третьем вираже увидел как "японцы" опять садятся ему на "хвост".

"У вас, что "Мессершмитты"?!" — не зная с чем сравнивать такую прыть азиатских истребителей, недоумевал Джон. — Какого черта, мне рассказывали байки о допотопных бипланах...!"

По "Буффало" опять ударили пулеметы. Соотношение шансов вновь стало не в пользу Джона. Надеяться на повторную ошибку японских пилотов не приходилось, но делать было нечего и Джон, как и несколько мгновений назад, потянул ручку на себя. Его самолет прервал выполнение виража и проходя сквозь трассы огня начал набирать высоту. Тут-то его и настигли длинные очереди японских пулеметов. Они распорили фюзеляж, пробили крылья и ударили по двигателю.

Нестерпимая боль поразила плечо Джона, словно его проткнули раскаленным стилетом. Мак Ферсон бросил ручку управления, и самолет, дымящийся пробитым выхлопным коллектором, клюнув вмиг отяжелевшим носом, сорвался в штопор...

Бой для Джона был закончен. Так же как и для многих его товарищей, следы падения самолетов которых, серыми и черными столбами дыма медленно расплывались в безоблачном воскресном небе.

Истребитель, отсчитывая один виток штопора за другим, с огромной скоростью приближался к поверхности океанических вод. И если бы самолет Джона не вертелся волчком вокруг своей оси, он — Джон уже смог бы видеть четкие очертания гребней больших волн. Но океан в его глазах вращался, подобно граммофонной пластинке, смазывая отдельные подробности, которые могли бы выдать ему его опасную близость. Джон же, пытавшийся остановить кровотечение и успокоить боль в ране, с силой сжимал насквозь пробитое плечо, и ему было не до видов на море.

Меж тем высота быстро уменьшалась. Чадающий черным едким дымом истребитель продолжал штопорить, все быстрее приближаясь к своей гибели. Лишь на высоте двух с половиной тысяч футов Мак Ферсон, стиснул зубы и забыв о ране и кровотечении, превозмог нестерпимую боль.левой рукой он поймал танцующую ручку управления и попытался вывести истребитель из штопора. Парировать вращательный момент машины, разбитыми элеронами было крайне тяжело. Истребитель вяло реагировал на его движения и явно не хотел выходить из штопора. Но Джон упрямо не оставлял попыток остановить вращение.

"Первый, второй, третий, четвертый... Ну выходи же... Выходи, дорогой..." — беспомощно отсчитывая витки штопора, молил Джон.

И машина словно услышала его мольбу. На шестом витке у самой воды "Буффало" все же вышел из штопора и стеля дым над пеной волн, перешел в горизонтальный полет.

"Надо прыгать!" — первое, о чем подумал Джон.

Зажав ручку управления между коленями, уцелевшей левой рукой он расстегнул защелку замка привязных ремней, и потянулся к стопору сдвижной части фонаря. Щелчок и сдвижная секция под напором набегающего потока, откатилась назад. В

открытую всем ветрам кабину тут же влетел вихрь водяной пыли, пронизывающий холодом и обжигающий солью кровотока рану.

К счастью двигатель продолжал "тянуть" машину и она, повинаясь пилоту, начала медленно забираться на высоту.

"Выше... Еще выше... Еще чуть, чуть... Для прыжка слишком низко..." — смотря на пролетающие под крылом волны, твердил себя Джон, не без основания опасавшийся, что его набирающий высоту самолет привлечет внимание противника.

Но бой теперь шел где-то далеко справа и значительно выше. Точнее боя как такового уже и не было. Японские самолеты, продолжавшие держать курс на Манилу, теснили и добивали остатки американской эскадрильи.

Забравшись на полторы тысячи футов, Джон уже готов был покинуть подбитый самолет. Но в тот момент, когда мышцы ног напряглись, чтобы поднять тело с сиденья, в мозгу Джона словно щелкнул тумблер, включивший свет, в лучах которого все происходящее увиделось совсем в ином ракурсе.

"Прыгать?! Куда?! В океан? — ругаясь за свое необдуманное, поспешное решение, процедил своз стискиваемые болью зубы Джон. — В воду?! За несколько километров от берега? С раненой рукой тебе не выгresti к берегу! Да и акулы... Нет, тянуть, тянуть к берегу..."

Натужно гудя двигателем, "Буффало" подлетал к береговой черте. С этого момента тонкая струйка дыма, вырывающаяся из-под капота, с каждым вздохом становилась все гуще и ядовитей, быстро превращаясь в широкий шлейф, тянущийся за "хвостом" истребителя. Дым все сильнее наполнял кабину, заставляя слезиться глаза и забивая горло кашлем. Не помогало и то, что открытую кабину продувал мощный ветер, рожденный винтом, к счастью все еще продолжавшим вращаться.

"Еще немного и двигатель вспыхнет."

И точно, только прибрежная полоса скрылась под крылом, под левым листом капота показались первые, пока еще слабые языки пламени, срываемые скоростным напором воздуха и затягиваемые им же под крыло.

"Надо прыгать, — чувствуя жар приближающегося пламени, раздумывал Джон, — или держаться до тех пор, пока можно держаться?"

Притопывая ногами, которые жгло все сильнее и сильнее, истекающий кровью, Джон уцелевшей рукой вел горящую, плохо слушающуюся "руля", машину направлял ее к Кессон-Сити. В его мозгу все крутился вчерашний разговор с Дибро и Кейменом, смысл которого напрочь отбил у Джона, желание покидать подбитую машину. Прыгать с пробитым плечом и не прекращающимся кровотечением было бессмысленно, опасно. Мак Ферсон, несмотря на жуткую боль и жар, все же не терял рассудка и не поддавался панике. Он реально представая все то, что ожидало его там — внизу, в джунглях.

"Нет! Тянуть! Держаться в воздухе до последней возможности!"

Редкие языки огня, становившиеся все больше и ярче. Набегающий поток раздувал пламя, которое теперь уже было, не только видно, но и слышно. Оно гудело под капотом и под левой плоскостью, срываясь с ее кромки снопом искр.

"Черт! Черт! Я не хочу, не хочу прыгать! — всем телом отстраняясь от пышущего нестерпимым жаром левого борта кабины, кричал Джон, пытаясь заглушить логику рассудка, толкавшего его за борт машины. — Вон, вон уже Кессон-Сити... Еще несколько минут..."

Но самолет продолжал гореть, пожираемый огнем подобно охапке хвороста. Мак Ферсон, отчетливо понимал, что самолет сгорит, прежде чем коснется посадочной полосы, несмотря на то, что до нее было "рукой подать". Для того чтобы продолжать полет, нужно было либо потушить пожар, либо замедлить его распространение.

“Что может гореть? Бензин в баках? Но они пока не горят. Двигатель, на который он попадает из пробитого бензопровода? Возможно...”

Джону ничего не оставалось, как устранить источник горения – выключить двигатель и перекрыть вентиль подачи топлива. Благо Кессон-Сити был уже под самолетом и Джон надеялся, что планирующие качества “Буффало” его не подведут. Тем более что Джону теперь прыгать было нельзя. Джунгли и океан остались позади. Теперь самолет пролетал над жилыми кварталами Кессон-Сити, и Джону нужно было либо, теряя драгоценные метры высоты, увести машину на окраину и падать в лес, либо садиться на аэродром. Причем садиться надо было с первого захода. Планирующий на пробитых крыльях самолет будет быстро терять высоту, а неработающий двигатель даже теоретически не давал возможности уйти на второй круг.

Щелчок и рокот двигателя, до последней секунды работавшего ровно и ритмично, стих. Вместо него пришло приятное шелестение переведенных во флюгер лопастей, которое все чаще и чаще перекрывалось гудом пламени, пожирающего обшивку крыла и фюзеляжа. Джон, с трудом удерживая самолет на курсе, парируя его покачивания с крыла на крыло и рыскания по курсу, планировал в сторону авиабазы, очертания которой уже можно было разглядеть на окраине Кессон-Сити.

На взлетном поле авиабазы, толпилось множество народу: техники, “вооруженцы”, медики, пожарники, штабисты. Одни из них обхаживали четыре истребителя, несколько мгновений назад с интервалом в несколько секунд, севших на поле аэродрома. Осматривали их развороченные плоскости, обгоревшее оперение одного, вырванный бак второго и подломленные шасси двух других. Другие, перевязывали раны пилотам, доведшим свои побитые пулями машины до аэродрома. Третьи же, в недоумении оглядывались на опустевшие ангары и глядели в пустое небо.

- Неуж-то сбито шестнадцать самолетов? – до сих пор не веря своим глазам и невнятным сбивчивым докладам пилотов, недоумевал командующий авиабазы. – Как там, Манила?

- Манила просит помощи. Их бомбят, сэр, – ответил офицер связи. - Прикажете поднять самолеты?

- Какие?! – указав трясущейся рукой в сторону четырех покалеченных машин, срывающимся голосом произнес командующий. – Истребители? Так вот они! Четыре подбитых машины на полосе и еще три в ремонтном ангаре со снятыми двигателями...

Но чей-то пронзительный крик оборвал командующего, заставив его оглянуться в другую сторону.

- Смотрите!

- Еще один!

- Летит! Летит!

Из-за последних зданий городской окраины, практически беззвучно, вынырнул дымящийся истребитель и не выпуская шасси, начал снижаться поперек взлетных полос.

- Он падает?!

- Нет, садится...

- Садится!

- Пожарные, в машину!

Джон, с трудом смог поднять нос истребителя, дабы избежать капотирования при посадке, и более не сопротивляясь и не выпуская шасси, направил машину туда, куда ее влекло притяжение. Удар. Еще удар и тучи пыли обозначили момент касания. Самолет, подпрыгивая и ударясь об утрамбованную сухую землю, пропахал несколько десятков метров и остановился. “Буффало” продолжал гореть, но горел уже значительно слабее. Удары о землю и поднятая пыль сбили пламя с плоскостей, а значит и с

топливных баков, устранив угрозу взрыва. Лишь только под капотом, продолжало догорать масло, капающее на раскаленные цилиндры двигателя.

Опередив пожарную машину, медиков и служащих базы первым к застывшей машине подскочил один из высших офицеров штаба и не обращая внимание на огонь и жар, заглянул в кабину.

- Мак Ферсон? Ну конечно, Мак Ферсон! - в интонации слов офицера звучало непреклонное убеждение, что только Мак Ферсон с его "богатым" боевым опытом, мог вернуться живым из этой мясорубки.

Но Мак Ферсону, которому еще час назад подобные речи потешили бы гордость и самолюбие, сейчас был готов вцепиться в горло говорившему, расценивая его слова как насмешку, над пилотом. Пилотом, которому только что какие-то японцы дали понять, что он, как и все находящиеся здесь и догорающие там - в джунглях, по сути своей еще "салаги" - зарвавшиеся необстрелянные зеленые птенцы.

- Ты, как? Жив? Ранен?

- Ранен, сэр. Нет, повержен. И больше в бой не пойду. - хрипло прошептал Джон, медленно теряя сознание.

- Как, и ты тоже?!

Не столько от жара, исходяемого обшивкой, сколько от услышанного, офицер отпрянул от самолета. Он, минутой назад, слышавший тоже самое от вернувшихся молодых пилотов, списывал их слова на испуг, порожденный неудачей первого боя, теперь осознал всю тяжесть сложившейся ситуации. Еще не зная ужасающих подробностей налета на Перл-Харбор, старший офицер кожей ощутил катастрофу, второй акт которой разыгрался в филиппинском небе. Замерев на месте, штабист лишь потрясенно добавил:

- Это шок. Это пройдет. Нужно только время. Время и самолеты. Новые самолеты...

ДЕБЮТ

Василий Стрючков (Василь) родился в 1973 году в городе Душанбе. В этом городе и прошли первые двадцать лет его жизни. Годы, вобравшие в себя учебу в средней школе и службу в армии (на тот момент уже независимого Таджикистана). После окончания службы Василь переехал в Димитровград. В Димитровграде он с отличием окончил Технический колледж и в настоящий момент работает в ИРИАРе. Творчество Стрючкова началось после окончания службы. Толчком к этому послужили впечатления, накопленные за время жизни в "горячем регионе". Основной тематикой произведений Василия является — "Человек и война"...

“ЧТО С НАМИ СЛУЧИЛОСЬ?”

МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ПОЭМА

*«Речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить».*

И. Крылов

1

Проснулся народ —
И дома просыпаются.
Повсюду разносится
Грохот и звон.
Со скрежетом
Двери квартир
Открываются,
Как будто по рельсам
Бежит эшелон.
Ах, двери квартирные,
Что с вами стало!
Каких только, Господи,
Нынче вас нет!
Одни, как в старинных
Дворцах феодалов,
Другие, как двери
Хранилищ ракет.

Сегодня в России
Квартиры, как доты, -
Как тюрьмы, - в решётках,
В пудовых замках.
Из окон пока
Не торчат пулемёты,
Лишь лают овчарки,
Как в спецлагерях.
И сердце невольно
Сдавило тоскою,
Как будто вокруг
Не дома, а ГУЛАГ.
И кажется:
Каждое зданье жилое
И впрямь превратилось
В колымский барак...

2

Что с нами случилось,
Друзья дорогие!
Кто нам угрожает!
Какие враги!
Чего это вдруг
ОДВЕРЕЛА Россия!
Чего это прячемся
Мы под замки!
А то и случилось,
Что власть
Разучилась
Закон и порядок
В стране соблюдать,
И, словно микробы,
Ворьё расплодилось,
С которым уже
Мудрено совладать.
Творят преступленья
Они ежечасно.
Они, как шакалы,
Стоят на пути.
По улицам ныне
И в полдень опасно
И взрослым, и детям
Спокойно пройти.
Нередкий испил
Свою горькую чашу,
Нередкий из нас
От бандюг потерпел...

Постойте, а где же
Милиция наша,
Которую сам

Маяковский воспел!
Где наши защитники
В серых мундирах!
Где Шерлоки Холмсы
И наши Мегрэ!
Коль воры свирепствуют
В наших квартирах,
В подъездах,
На улице,
В каждом дворе!
А где же чекисты
Российской державы,
Которые взяли бы
Их в оборот!..
Но нет на разбойников
Должной управы,
И держат преступники
В страхе народ.

Иной раз милиции
Нашей родимой
В капкан попадает
Вор иль бандит,
То он и в милиции
Неукротимый,
То он и под стражею
Неуязвимый.
Ему бы сидеть
На скамье подсудимых,
А он ... уже в кресле —
И - руководит!
Народ возмущается
И негодует,
Считая, что есть
У воров протекже:
Ведь если кого-то
С утра арестуют,
То вечером он
На свободе уже.

3

Грохочут
Железные двери народа,
Но даже в «бронии»
Беззащитно жильё.

Нам, людям свободным,
Не видеть свободы,
Пока на свободе
Свободно жульё.
И горько, и грустно,
И больно, и тяжко,
Что трудно сегодня
Покой обрести.
А может, несчастные
Многэтажки
Колючим забором
Кругом обнести!
И вышки, как в лагере!
И проходные!
И сдать этажи
Под охрану войскам!
Чтоб мы заходили
В квартиры родные,
Как в зону тюремную,
По пропускам!
А может, когда мы
Уходим из дома,
Балончики с газом
Засунуть в замок!
Иль, может, на случай
Бандитского взлома
К дверям подключать
Электрический ток!
А может, иной
Приготовить «подарок» —
Минировать надо
Запоры дверей!
Иль, может быть, вместо
Немецких овчарок,
Держать, как в зверинце,
Свирепых зверей!..

4

Смешно!..
Но свело
От отчаянья скулы
И потом холодным
Обдало бельё.
Вчера государство
Нас всех грабаноуло,

А ныне, ограбленных,
Грабит ворьё.
Да только ли нас! —
И страна в напряжённы
Наносят и ей
Тяжелейший урон:
То грабят музеи,
То склад оружейный,
То золото тайно
Везут за кордон.
То чеки поддельные
Банки оплатят —
И в лапах ворюг
Миллионы рублей.
А то - самолёт
Террористы захватят,
В заложники взяв
Малолетних детей.
Хапуги страну
И морально похабят,
Давно и её
Превратили в товар...
Всё, как в кинофильме:
И белые грабят,
И красные грабят,
Ну, прямо, кошмар!
В сановниках - воры,
В чиновниках - воры.
Их столько, что яблоку
Негде упасть!..

Да где же вы, судьи!
Где вы, прокуроры!
Где ваша Фемида,
Законы и власть!
Да где же вы,
Сыщики и следопыты!
Мы что-то про вас
Не слышали давно.
Вы что не поднимаетесь
В нашу защиту!
Иль только вас можно
Увидеть в кино!
Где госбезопасность,
Что рьяно следила

За словом и мыслями
Всех россиян!
Как это, прошляпив,
Она допустила,
Что лезут ворюги
В державный карман!
Плуты разъезжают
Свободно по миру,
Для них уже нет
Ни постов, ни границ.

Одни - бизнесмены,
Другие - банкиры,
А третьи - командуют
Сворой убийц.
Россия для них —
Промысловая база.
Они - и в Сибири,
И в южных краях.
Они - и в Москве,
И в предгорьях Кавказа,
У нефти и скважин
Российского газа,
И там, где страна
Добывает алмазы, -
Повсюду, «где золото
Роят в горах».
Наживу везде
Они хапают вечно,
Россия им - рай,
Золотая земля.
Де-юре они
Не у власти, конечно,
Де-факто же
Власть их —
Превыше Кремля.

5

Спросить бы хотелось
Чекистов московских,
А лучше всего —
У российских властей:
Вы что не прижмёте
Хапуг-березовских,
Гусинских и жуликов

Разных мастей!
Они и мухлюют,
Они и воруют,
Они потеряли
И совесть и честь.
Они втихоря
В министерствах шуруют,
И даже в Госдуме
Их щупальца есть.
Давно-о им пора
На казённые нары,
В родную свою
Воровскую семью...
Они ж из-под стражи
Летят на Канары,
И там литрабы
Им творят «мемуары»
Про власть и страну,
Где вольготно ворью.
Ещё не придумала
Дума законы,
Чтоб дело на них
Доводить до суда.
Гусинские хапнут
В казне миллионы, -
И всё, - и с гусинских,
Как с гуся, вода.

У них и газеты,
У них и журналы,
Издательства есть,
Типографии есть,
Есть теленаложники
Телеканалов,
Продавшие им
Журналистскую честь.
Они за «бугром»
Миллиарды укрыли.
Они могут всё
И купить, и продать,
А вот свою книгу
Писатель России
Го-да-ми в России
Не может издать.
Зато безрезовским

Всё стало возможно,
Обходят они
И закон и запрет...

А люди клянут
«Демократов» безбожно,
Которых у нас
И в зародыше нет.
Ведь суть демократии —
Народовластье,
Ведь «демос» - народ,
Но - увы, господа,
Скажите: а был
Этот демос у власти!..
У власти народ
Не стоял никогда!

6

Нередко про наших
Чиновников власти
Повсюду звучит,
Справедливый упрёк:
«Жульё и чиновники
Всяческой масти
Сплелись меж собой
В мафиозный клубок.»
Они и лютуют,
Как хищные волки,
Грабастая доллары,
Франки, рубли,
Питая движенья
Фашистского толка,
Где всякие «фюреры»
Произросли.
Там уйма подонков
И тьма экстремистов,
Там все, кто не хочет
Жить честным трудом.
И это не чьи-то,
А НАШИ фашисты,
Которых судить бы
Строжайшим судом.
Но только Госдума
Пока, к сожалению,
Не хочет об этом

Вопрос поднимать.
Она не придумала
Определение —
Какое явление
Фашизмом считать!!

Меж тем у фашистов
Замашки большие:
Они рвутся к власти —
Уже не секрет.
Они издают
Беззапретно в России
Десятки своих
Профашистских газет.
Плевать охламонам,
Что Знамя Победы
Взметнул над Берлином
Российский солдат.
Плевать им на то,
Что их славные деды
От Волги до Эльбы
В могилах лежат.
А внуки наносят
Стране оскорбленье,
Глумятся над подвигом
Наших солдат.
А стражи порядка
Пока, к сожаленью,
На это глумленье
Сквозь пальцы глядят...

Да, чёрт поberi,
Россияне, не мы ли
Осиные гнёзда
Позволили свить!
Вчера мы
Немецкий фашизм
Раздавили,
А ныне же - СВОЙ
Не спешим раздавить.
А он и страшней,
И коварней, и гаже,
Хотя ещё только
Он сжал кулаки...
Народы России

Всё ждут:
Ну когда же
Крутых мракобесов
Возьмут за грудки!
Сейчас это всех
Чрезвычайно тревожит,
С фашистским отродьем
Опасно шутить.
Ведь если пожар
Не тушить,
То он может
Не только Москву, -
Всю Россию спалить.

Когда же, когда
Мы преступность осилим!
Когда мы увидим
Дела, вместо слов!
Когда будут действовать
Власти России,
Как этому учит
Великий Крылов!

7

А вот «иллюстрация»
К басне российской, -
Её в телевизоры
Видели мы:
Как был арестован
Пройдоха Гусинский,
Как он диктовал
Персоналу тюрьмы:
- Подать телевизор! -
И тут же подали.
- Внести холодильник! -
И тут же несут.
- Постель белоснежную! -
Вмиг разостлали.
- Продукты и фрукты! -
И всё тут как- тут...
Желаньям Гусинского
Не было меры,
Но всё исполнялось,
Как в сказке какой.
Лишь не было только

Кондиционера
Да крана
С заморским вином
Под рукой.

Да мать его в дышло,
Да сколько же можно
Смеяться над бедным
Народом своим?
Ведь только в России
Такое возможно
С её бесшабашным
Порядком дурным.
Кто нынче не знает
О том, что когда-то
Сказал о России
Известный поэт:
Россия обильна,
Сильна и богата,
Да только порядка в ней
Издавна нет!!

Всё верно:
Россия, хотя не жирует,
Есть хлеб у неё
И леса, и руда,
Вот только беда —
ПОЛОВИНУ воруют
Из этих сокровищ
В России всегда.

Мы можем
Богатства страны
Увеличить,
Разведать,
Где прячутся
Уголь и газ,
Расширить возможности
Нефтедобычи,
В пять раз
Золотой
Приумножить запас.
Но жаль, что всё это
В момент разбазарят —
И золота слитки,

И тонны сырья.
Всё прахом пойдёт,
Если власть не ударит
По длинным рукам
Паханов и воря.

Когда-то ГУЛАГ
Растоптал миллионы,
«Шпионскую» многим
Привеса вину.
Сегодня - преступность —
Страшнее шпионов,
Она изнутри
Подрывает страну.
Она нам приносит
Потери большие
И тянет страну
Не вперёд, а назад.
Давно уже ясно —
ЧТО ДЕЛАТЬ России.
Давно уже ясно ей —
КТО ВИНОВАТ.
Да, нет ни пути,
Ни решения простого, -
Всё требует разума,
Воли и сил.
Не надо лишь тратить
Речей по-пустому,
Как нам баснописец
О том говорил.

8

Мы помним,
Как наш Президент
Очень хлётко,
Сказал, что преступникам
Будет - каюк,
Что станем бороться
С преступностью жёстко,
Что будем «мочить»
И в сортире бандюг.
Как хочется верить
В решительность эту,
Что будет в России
Порядок и мир.

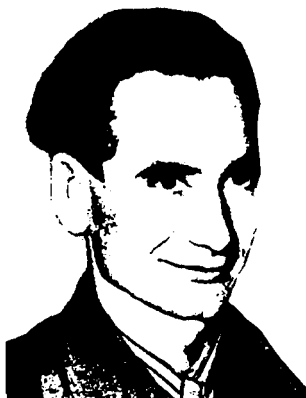
Тогда мы охотно
Сдадим «Вторчермету»
Железные двери
От наших квартир.
А если ворьё
И бандюги лихие
Окажутся все
За тюремной стеной,
Тогда и воспрянет
Святая Россия
И станет, как прежде,
Могучей страной.
Пока же она
В криминальной неволе,
Пока же ей трудно
И жить, и дышать...

Дай Бог Президенту
И силы, и воли —
Преступность в стране
Обуздать и взнуздать!
Дай Бог, чтобы был он
Надёжным гарантом
И твердо стоял
За российский народ.
Дай Бог, чтоб Россию
Держал, как Атланты,
Плечом подпиравшие
Весь небосвод!

Евгений Степанович Ларин - один из ветеранов симбирской литературы. Участник Великой Отечественной войны, педагог, журналист, член Союза писателей России. Он постоянно живет в нашем городе и все его творчество посвящено нашим замкам, родному краю, особенностям нашей природы. Автор десятков книг для детей, очерков, повестей, стихов.

Ларин - один из основателей литературного объединения "Черемшан", затем городской писательской организации, данного журнала. Любимый и постоянный автор на его страницах. Сегодня у Е.Ларина готово к изданию 7 томов его лучших произведений. Дело только за спонсорами, за умными людьми, поступками, их осознанием того, каким уникальным и богатейшим культурным наследием обладает наш городок...

*"І всім нам вкупі на землі
єдиномисліє подай і браталюбіє пошли.»
Т.Шевченко*

ТРУСКАВЕЦКІЕ СОЛОВЬИ

I

Вадим Щербинин не видел свою прекрасную Веточку два года, и вот сразу после приезда пришел к ней на прием как санаторный больной. Присел на стул у двери с табличкой «Ликар В.Т. Оганесян», положил на колени полиэтиленовую сумку с коробкой московских конфет и стал, беспокоясь, ждать.

Беспокоился оттого, что за все это время не удосужился написать ей, с праздниками даже забыл поздравить, с Новым годом, с 8-м марта. Впрочем он и прежде не баловал её письмами, и она не особенно настаивала: отношения как-то сразу сложились легкие, курортные.

Возможно, разведенку Веточку, избалованную вниманием курортных мужчин, иногда и устраивали кратковременные романы: новизна знакомства, влюбленность партнера, его невольная щедрость на ласку, пылкость - за двадцать четыре дня надо успеть не только влюбиться, но и насладиться, а это не так-то просто, если вы оба не первой молодости. Впрочем, Веточка, кажется, не была столь легкомысленной, а сексуальные претензии Вадима Щербинина объяснялись просто: он несколько лет вдовствовал и жил бобылем.

Впервые он увидел Веточку лет десять назад у нижнего бювета минеральных вод, и не в белом халате и шапочке врача, а в легком цветастом платье, яркую блондинку с распущенными по плечам волнистыми волосами, чернооую, белолицую красавицу, стройную и веселую. Полуармянская-полурусская её природа, счастливо слившись, являла здесь прекрасный гибридный экземпляр, единственный в своем роде. По крайней мере для него, мужика разборчивого и требовательного. Она пела в самодеятельном хоре отдыхающих и невольно выделялась контрастной яркостью, зазывной красотой и звонким голосом. Может, именно поэтому перед ней стоял волоса-

тый и бровастый дирижер, самодеятельный их хормейстер Олег Иванович, прислушиваясь к её голосу и поводя вслед за ним правой рукой. А голос ее, глубокий альт, вроде и не хотел выделяться, но когда песня переполнялась чувством, невольно вырисовывался на прекрасном фоне спевшегося смешанного хора

Где эти лунные ночи?
Где это пел соловей?
Где эти карие очи?
Кто их ласкает теперь?

Печаль была светлой, сердечной, проникнутой непреходящей любовью, хотя уже и обреченной. Голос Ветки (по паспорту она была Виолеттой, но ему велела звать Веточкой) выделялся еще и тем, что нёс больше чувства, он тосковал, он звал невозвратные лунные: ночи, соловьиные трели, но с особенной болью - карие очи, которые вскоре с такой же тоскливой болью прозвучали в украинской песне. Талантливый, чуткий хормейстер любовно-дружески сближал русскую и украинскую песенные стихи.

Карі очі, чорні брови,
Не забуду вас ніколи.
Як у сні я вас побачу —
Ви смієтесь, а я плачу.

Да, хор был тот же, но украинская песня звучала иначе, мягче, изящней, это уже шло от особенностей певучей их речи, от языка, от иной песенной культуры, близкой, но все же иной, со своей, милой особенкой. Не случайно в России, чаще в селах и малых городках и поселках охотно поют «Разпрягайте, хлопці, коні,» «На городи верба рясна», «Посіяла огірочки», «Реве та стогне Дніпр широкий», «Я прийшов, тебе нема - підманула, підвела»... В бесконечных журналистских командировках Вадим Щербинин объехал весь Союз и таких песен слышал великое множество. Вот и здесь легко живет многонациональный хор, где поют не только украинские мужчины и женщины, но и русские, белоруссы, молдаване, татары и другие разные народы. Причем знают тексты песен. Не удивительно, разумеется - это ведь Украина, песенный край Советского Союза. В других «регионах тоже поют, но заметно меньше, по случаю - в праздничных застольях, на свадьбах:, в дружеских пирушках" Украинцы живут повсеместно и не забывают о песне. И армянско-русская Веточка расцвела здесь благодаря песне. Приехала, молодой терапевт, по распределению на два года, а живет уже четверть века, замуж вышла за украинца, сына и дочь вырастила, развелась. Впрочем, развелась раньше, чем вырастила. Не сошлись с мужем характерами, не спелись...

Скрипнула дверь, из кабинета выплыла дородная женщина в расшитом украинским орнаментом платье, должно быть, сельчанка, над дверью замигала лампочка, приглашая войти.

Медсестры в кабинете не было, Веточка вела прием одна, и когда он вошел, не встала, как обычно, из-за стола ему навстречу, а осталась сидеть, устало глядя на него, как на чужого. Вадим озадаченно остановился, положил конфеты на стол. Как она изменилась однако, будто и не она: пропала

радостная яркость, потемнела вся, в глазах словно выключили свет - по-прежнему большие, но стали они чернее, обугленные какие-то, и только улыбка, скорее вежливая, чем приветливая, осталась бело-розовой, с плотными, как зерна в кукурузном початке, зубами.

- Хотел сделать сюрприз? - спросила она, погасив улыбку. - Не написал, не позвонил.

Он обошел стол с торца, нагнулся над ней, сидящей, и неуверенно поцеловал в теплую щеку. Она не ответила.

- Зачем перекрасилась, Веточка? Блондинкой ты была ярче, эффектней.

- Какие эффекты, Вадим, пятьдесят скоро!

- Да, но в сорок пять - баба ягодка опять.

- Сказки, милый. Да и не перекрашивалась я - просто вернула свой природный темный цвет. Хлопотно каждый раз подкрашиваться.

- Ты, может, и петь бросила?

- Хожу, но редко, по случаю.. С сыном неладно, о дочке беспокоюсь. Присаживайся к столу, сейчас сестра придет. - Она равнодушно отодвинула сумку с конфетами на край стола. - Ты только приехал?

- Часа три назад. Сейчас думаю в бювет выпить нафтуси. Не составишь ли компанию?

- Нет. У меня еще масса дел, да и замоталась уже, а ты так неожиданно...

И стала рассказывать о своих горестях: за последние два года:

- Сын так и остался в Казахстане, где служил в армии, женился на казашке, я прошлый раз тебе говорила, двух скуластеньких девчонок породили — глаза мои, большие, армянские, а лица казахские, круглые и плоские, как блины. Звала сюда, но казашка его не пустила. Вот теперь потерял там работу, бедует кое-как, собираюсь ехать. Если отпуск дадут, на днях уеду. А дочь во Львове, в медицинский поступила, со здоровьем нелады, надо поддержать. Ты вечером позвони домой, поговорим.

Тут вошла медсестра и напомнила об оставшихся делах:

- Виолетта Тиграновна, я всё зробила, що вы казали, и зараз пиду до головного ликара.

Вадим встал, помахал Веточке рукой и вышел на улицу.

Он любил этот прикарпатский городок в лесопарковой и садовой зелени, раскидавший одно- и двухэтажные жилые особняки и многоэтажные санатории и пансионаты по скатам сопредельных гор. В долине межгорья уютно расположились поликлиники, водо- и озокеритолечебницы, бюветы и закрытые источники минеральных вод.

Он спустился по пешеходной улице к бювету, удостоверился, что столетние рослые каштаны на месте, крупные их плоды в зеленой игольчатой кожуре висят гроздьями и в одиночку, не сливаясь с листвой, уже по-осеннему блеклой, желтеющей.

Слева бывшая площадь Ленина, уже без памятника, пустая, была однако в цветочных лентах, аккуратных, как ковровые яркие дорожки, площадь просторная, замкнутая с трех сторон длинными зданиями озокерито- и водолечебниц, поликлиники, за которой вставала на горном скате сверкающая ка-

толическая церковь. А справа уходила к бювету и лесопарку за ним прогулочная курортная площадь с подстриженными каштанами и цветочными клумбами и дорожками, яркими, ухоженными, свежими. Тут всегда было в достатке влаги и тепла, поэтому вся зелень была сочной и веселой. Все было бы прекрасно, если бы не нищие певцы и музыканты, не жалкие попрошайки, взрослые и дети, с протянутыми немытыми руками. Но песня от бювета плыла еще советская, беспечная и на редкость легкая:

Был я в Прикарпатье, был я на курорте,
Там где город Трускавец стоит.
Пил Нафтусю, Юзю, Софью и Марусю* -
Моя печень больше не болит.

- И почкам легче станет, - добавил мысленно Щербинин, страдающий почечно-каменной болезнью.

Вы, Нафтуса, Юзя, Софья и Маруса,
Я всем сердцем благодарен вам.
Вы меня лечили, каждый день поили,
Дали жару вы моим камням.

Бесхитростная самодельная песня доверчиво благодарила целебные Минводы, приглашала всех приезжать на лечение в этот горный край. Её призыв слышали, кажется, во всех республиках и краях бывшего безбрежного Союза - в летние месяцы сюда съезжалось до ста тысяч больных, обширная курортная площадь вся бывала запружена отдыхающим народом. После горького девяносто второго года, когда произошло ельцино-гайдаровское ограбление народа, поток курортников стал быстро слабеть. Сперва исчезли сахалинцы и дальневосточники (взлетели транспортные расходы), потом по той же причине остались дома больные сибиряки, отпали сами собой ставшие зарубежными среднеазиаты, а теперь вот слышалась в основном украинская, белорусская, да не очень уже уверенная русская речь. И прежней толпы здесь не было - редкие прохожие.

- Где люди, уважаемый пан? - спросил Щербинин пожилого рабочего в забрызганном известью комбинезоне.

- А це що, худоба**? - повел тот рукой в сторону двух, испуганных курортниц.
- Со всей страны?
- Нема той страны, - обронил рабочий, не оглядываясь.

В просторном высоком бювете тоже было малоллюдно. Щербинин выпил из складного пластмассового стаканчика теплой нафтуси, припахивающей сырой нефтью, и, выходя к большому крытому павильону для отдыхающих, почти столкнулся с Олегом Ивановичем, самодеятельным хормейстером, который теперь торговал иконками, религиозными книгами, брошюрами и рождественскими и пасхальными открытками.

* название основных минеральных вод.

** худоба - скот (укр.)

Невероятно! Прирожденный массовик, затейник, певец и дирижер, хоть и самодеятельный, но известный всем, кто здесь когда-то бывал, теперь стал мелочным торговцем, коробейником! И товар к тому же выбрал совсем неходовой, особенно здесь, где обычно пели-заливались трускавецкие соловьи, тусовались стайки молодежи и собирались группы доминошников, картежников, шахматистов...

- Олег Иванович, вы ли это? - окликнул Щербинин.

- Не я, - сказал Олег Иванович, хмуря широкие седеющие брови. И шапка волнистых волос стала «бобровой», обильно пробитой сединой, или как здесь говорят, свиной. - Добры дзнь.

Щербинин пожал его большую плотную руку, сейчас безучастную, безответную.

- А где ваш хор?

- Вон там. Спивает. - И махнул рукой в сторону близкой толпы.

И словно благодаря этому взмаху из павильона взлетела ликующая песня:

В нас велике свято⁺ нині,
Всі прапори⁺⁺ жовто-сині
Вітер прапор розвиває.
Україну звесіляє.

Стоящая полукругом толпа мужчин и женщин пела хорошо, слаженно, дирижировал ею седой усатый украинец в вышитой белой сорочке, плечистый, плотный, веселый.

- Репетируют, - сказал Олег Иванович грустно. - Ко дню незалежности. Велика политика!

Ви, дівчата, ви хороші,
Вишивайте хлопцям ноші.
А ви, хлопці молодії,
Куйте шаблі сталевії,
Куйте шаблі ще й гармати -
Україні волю дати...

Щербинин слушал песню, глядел на усталого и как-то стремительно постаревшего Олега Ивановича и еще не понимал его неизбежной тоски, обреченности. Это ведь такой был молодец, причем еще совсем недавно.

А хор под управлением энергичного, по-запорожски усатого дирижера, продолжая репетицию, запел старый гимн Украины. До дня незалежности оставалось чуть больше двух недель.

Ще не вмерла Україна, ні слава, ні воля,
Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля.
Згинуть наш вороженьки, як роса на сонці
Запануємо ми, браття, в своїй сторонці.
Душу, тіло ми положим за нашу свободу
І покажем, що ми, браття, козацького роду!

II

Вадим Щербинин полюбил этот уютный городок в первый же свой приезд двадцать лет назад. Полюбил за живописную зелень садов и парков, за обилие цветов, за приветливость его жителей, толковых украинцев и веселых нарядных украинок, за сердечные их песни, которые переключали к отдыхающим, больным в сущности людям, отогревающимся здесь, в житейском уюте от своих хворей и различных невзгод. Местные жители принимали курортников так, как принимают гостей, весело, с шутками:

Трускавец наш ничего.

Населенье таково:

Инвалиды и больные

Составляют большинство.

Тогда, в самом конце семидесятых курорт здесь был еще не велик, всего несколько санаториев и пансионатов, восемь-десять тысяч отдыхающих в месяц, почти столько же, сколько было жителей. По улицам ходили три-четыре грузовика и несколько мотоциклов, тоже грузовых, с колясками, которые подвозили продукты в магазины и столовые. И магазинов было немного: три-четыре продовольственных, два промтоварных; один хозяйственный, книжный. Ну еще базарчик в несколько лавок через дорогу от Будинка торговли. Курортники радовались уютной почте с посылочным отделением, откуда они отправляли фрукты родственникам в северные районы, ворчали на маленький телеграф и переговорный пункт, довольствовались двумя кинотеатрами и традиционной увеселительной площадкой на горе - старинным колесом обозрения, каруселями, качелями, зеркальными комнатами смеха, городошными играми...

Но самой большой достопримечательностью курорта были самодеятельный хор у центрального бювета и первая фигура этого хора - его дирижер, хормейстер Олег Иванович Турченяк, по профессии прораб строительной конторы «Львовжилстрой». Тогда ему было около пятидесяти среднего роста, густые волнистые волосы, темно-русые, с ниточками седины, крупные черты лица, резкие морщины, большие надбровные дуги и густые «брежневские» брови. Примечательно еще, что во время пения и разговора у него вспыхивали золотом влажные коронки зубов. А глаза жили в глубине затененных, глазниц и взгляд их был пытливым и заметно грустным. Когда пел, крупный рот открывал то широко, то сводил в трубку, регулируя силу звука, глаза полузакрыты или закрыты совсем, а руки, чаще правая, дирижируют хором. И как же раздольно и мощно звучал этот хор, повинувшись взмаху его рук?

Волынь моя,
краса моя,

Земля моя,
сонячна!

И едва затихнут рокошующие голоса хора, как взлетит звонкое раздолье запевал:

Шумлять-колишуться хліба,
Мов хвиля в морі грається.
Моя розквітчена земля
До сонця усміхається.

Да, у Олега Ивановича в образе Украины главенствовали не желто-синие прапоры, а солнечная Волянь, цветущая земля, волнующиеся под ветром хлеба. И еще была всепобеждающая любовь к жизни, к людям, к извечным семейным привязанностям, родству:

Ой, чого калина віти похилила,
Чи багато квіту, чи важка роса?
Ой, чого ж так рано мама посивіла?
А була ж у неї золота коса.

Олег Иванович пел вдохновенно по нескольку часов кряду, пока голос не начинал садиться. Он знал великое множество песен - народных эстрадных, лирических, шуточных, драматических... Новые песенные тексты запоминал быстро вместе с мелодией.

Олег Иванович бесхитростно удивлялся всему новому для себя, радовался каждому открытию, по-юношески любил жизнь. А она, жизнь-то, в «застойные» те годы шла хоть и неспешно, но размеренно, привычно.

Захолустные санатории в городке районного подчинения, хоть и старые, известные специалистам, за каких-то два десятилетия расплодилось и образовали громадный курорт союзного значения, сравнимый с мировыми курортами. Кроме базовых санаториев «Каштан», «Трускавец», «Кришталевий палац», на горах, взметнулись к небу многоэтажные «Алмаз», «Кристалл», «Рубин», «Янтарь», «Днипро», «Шахтер», «Молдова»... Двадцать один санаторий и два десятка пансионатов стало на курорте, были построены новые здания почты и телеграфа, выросли роскошные дворцы культуры в центре города и «Мир» на западной окраине, раскинулись новые большие авто- и железнодорожный вокзалы, выросло несколько современных кинотеатров, вместительный крытый рынок, множество магазинов - продовольственных, промтоварных, хозяйственных, книжных, «культуровары» и т.д.

Жизнь строилась большая, на широкую ноту, богатая. Старосветские аттракционы - карусели там, качели, «чертово колесо», комнаты смеха - заменили на более современные кегельбаны, тир, разнообразные электроигры, спортивные площадки для бадминтона, тенниса: бильярда, волейбола, соорудили открытый и закрытый плавательные бассейны, финские бани...

Олег Иванович переселился из Львова сюда, радовался благоденствию города заодно с трускавчанами. Его хор сперва рос, а потом, как сильная печелиная семья, стал роиться - образовалось несколько новых хоров, поют наперегонки, соревнуются, кто звонче, дружнее, оригинальнее, у кого больше песен, богаче репертуар. Вечерами вся обширная площадь у бовета и крытый павильон рядом бывали запружены отдыхающим людям: песни, танцы,

духовая и инструментальная музыка, чинные среднеазиатские хороводы, зажигательные пляски лихих кавказских джигитов...

В те годы Олег Иванович познакомил Вадима Щербинина с некоторыми своими хористами. Запомнился спокойно приветливый Ярослав Моисеевич Денищук из Ровенской области, учитель истории в сельской школе и по совместительству зампредседателя колхоза. Вымывает нафтусей песок из почек и поет в хоре. А его приятель Василий Кириллович Твердохлеб из Тернополя - начальник стройтреста. Он поет первым голосом, а Ярослав Моисеевич вторым. Они спелись как сроднились, и вот по договоренности уже девять лет подряд приезжают сюда в конце августа - начале сентября, чтобы попеть вместе. Один хвастается, что у него пять братьев и все хорошо поют, даже лучше него, а другой превозносит трех дочерей и жену - такие певуны, истинные соловьи! Вот бы их тоже сюда, да у них почки и печенки не болят.

В рабочие блокноты Вадима Щербинина занесены с краткими характеристиками еще десятка полтора хористов - он собирался написать большой очерк или документальную повесть, но вовремя не собрался, а потом грянула «катастрофа», Украина стала независимой, всё тут переменялось. В несколько лет сияли прямые поезда дальнего следования, такие как «Москва-Трускавец», меньше стало рейсовых автобусов и такси, опустели санатории, стали стихать певческие хоры, а в прошлом году случилось даже паническое бегство отдыхающих - за два дня выехало, говорят, больше полутора тысяч курортников. Оказалось, местный националист, подогретый соответствующей пропагандой из Львова, решил «потравить москалив поганых» и разбросал у минеральных источников соли ртути. Возникло непонятное заболевание, но вскоре причину установили, вызвали саперную роту, солдаты собрали килограммов шесть отравы да в гараже у ретивого националиста нашли около десяти кило — говорят, украл с химзавода в Дрогобыче, хотел продать в соседнюю Польшу, да вот не успел. Ну, его арестовали, конечно, панику погасили, но урон курорту был ощутимый. И так-то ведь отлив в последние годы громадный, а тут еще грозят разными пагубами. Можно ли сейчас грозить - пуганая ворона куста боится.

- И вы, значит, от песен пошли напрямик к Богу? - спросил Щербинин поставившего хормейстера.

- Сейчас поют другие песни, - вздохнул Олег Иванович. - А без Бога нельзя. Может, вся беда и случилась потому, что жили без Бога.

Щербинин попрощался, удивляясь вялому и безучастному пожатию его вроде бы крепкой еще руки, и отправился к себе в санаторий. Он надеялся, что вечером заманит в свои объятия долгожданную Веточку, и тяжелое впечатление от новой встречи с курортом и Олегом Ивановичем если не развеется, то хотя бы смягчится. Она ведь такая превосходная женщина, красивая, изящная, чуткая - трепещет вся, подобна цветущей ветке, когда по ней и по-над ней ползают и летают хмельные от весеннего солнца тяжелые шмели.

Веточка не пришла. Главврач дал ей отпуск на полный срок, и уже на завтра она планировала поехать во Львов к дочери, а оттуда в Казахстан к сыну. Когда Вадим попросился навестить её дома, она тоже отказала: надо же подготовиться, помыться, накудриться, собрать вещички, купить гостинцы... Не до тебя, милый, переберешься.

- Я и не знал, что ты такая домашняя курочка, - сказал он с обидой: два года ждал, и вот тебе полный отлуп.

- Ты многого не знаешь, Вадик. Ты всегда ко мне, как к девочке для утех, -шутливый, с конфетками, уверенный, что не откажу. А у меня семья развалилась, Вадим, у меня дети полусироты и вот разлетелись кто куда, у меня сын за границей у полудиких степняков, а дряхлые родители - в далекой Армении, в иностранной теперь. Эх, Вадимчик мой, Вадим, не понял ты меня! Все вы, мужики, об одном хлопочете, о своем, не понять вам женскую душу. - В трубке пошли гудки, и Вадим смирился, не стал настаивать.

Что ж, предпенсионный мужик, остыл. Это не былая младожеребьячья пора, когда тобой властвует нижепоясная страсть и когда женский отказ больно бьет по самолюбию. Бывало так, что припадал к бутылке и, напившись, вылетал в астрал беседовать о своей обиде с самим Богом. Прошло. И скоро прошло. В своей кочевой жизни он потом безошибочно выбирал только женщин согласных и не претендующих...

На другой день он пошел к лечащему врачу, получил назначения на процедуры и направления на анализы, а дальше начался штатный круг жизни санаторного больного: минводы - прогулка - завтрак - процедуры, отдых; минводы - прогулка - обед - отдых; минводы - прогулка - ужин - отдых. Самое интересное здесь минводы и прогулки, потому что в эти часы встречается весь отдыхающий народ, происходят новые знакомства и встречи со старыми знакомыми, по всему терренкуру их ждут товары и разные фрукты, продукты уличных торговцев, развалы деревянных изделий карпатских мастеров, горные пейзажи и жанровые картины и портреты местных и приезжих художников, но главное - у центрального нижнего и нового верхнего бюветов начинают петь трускавецкие хоры. Теперь они стали не такими многолюдными, как прежде, жиденькие, но старательные, как выздоравливающие больные, которым хочется скорее обрести нормальную жизнь и петь спокойные тихие песни.

У центрального нижнего бювета хором теперь руководил тот усатый украинец в белой вышитой сорочке, которого Вадим Щербинин увидел в день приезда. Тоже красивый мужчина, пожалуй, даже поярче Олега Ивановича, заметно моложе и голосина добрый, надежный. Не случайно в певческом соревновании он оттеснил стихийно талантливый, но; музыкально необразованный Олег Иванович - сказала сила нотной грамоты, знание ее строевой дисциплины и музыкальная практика. В молодости он был ударником в ансамбле, играл потом на трубе, на баяне, в армии руководил само-

деятельным хором. Звали этого мастера с запорожскими усами Степаном Ивановичем.

Степан Иванович легко ответил на все вопросы Вадима Щербинина, встреча с журналистом для него была не в новинку, да и по характеру он оказался общительным, контактным, раскованным.

Родился он во Львове, потомственный горожанин, семь лет (с 1944 г.) служил в армии в Сибири и на японской границе - в летной части. После демобилизации работал на львовском предприятии «Автозапчасть» тридцать с лишним лет - шлифовщиком, бригадиром, председателем завкома. То есть музыкально-хоровая его практика тоже, как и у Олега Ивановича, проходила между делом, но на более высоком, профессиональном уровне. Степан Иванович играл на разных инструментах не только в кафе, ресторанах, на танцплощадках, но и во Львовском цирке - четыре с лишним года.

Он любит родную неньку Украину, народные песни, приветствует долгожданную независимость и свободу. И с воодушевлением дирижирует новой песней, где в центре царит Украина, бесценная, единственная, и песня эта звучит как гражданская молитва.

Боже великий, єдиний,
Нам Україну храни.
Волі і світу проміння
Ти її осени.

Світом науки і знання
Нас ти, дітей, просвіти,
В чистий любові до краю
Ти, наш Боже, зроби.

Словом, гражданские мотивы в репертуаре Степана Ивановича явно главенствовали.

Черна хмара висока,
А низенька - сива.
Заплакала Україна,
Доля нещаслива...

Лирические песни он не то чтобы отодвигал на второй план, но отбирал с учетом национального колорита, любил самые известные, не чурался переделок, приспособленных к местному курорту.

Біла хата в саду,
Біла хата, як лебідь у морі.
Я під вишнею жду,
Жду тебе в солов'їному хорі.

И припевою:

Я під вишнею жду,
Я під вишнею жду та й жду,
Жду тебе в Трускавецькому хорі...

А из шуточных песен Степан Иванович предпочитал современные варианты, откликающиеся на злобу дня.

Ти казала - продавець,
І пішов я під венець.
А ти вчителька була -
Підманула, підвела.

Ти ж мене підманула,
Твоя мати така була
І сестра така була -
Підманула, підвела!..

Крепче, от природы приспособленной оказался Степан Иванович в новой рыночной стихии. Практичный, деловитый, он организовал у бювета продажу нового сборника песен «Трускавецькі співанки», а тексты старых народных песен распечатал на машинке для своих хористов и любителей песни. Плата за эти листочки копеечная, а пользы много. Не все же знают старинные песни, а тут вам знакомство и заодно пропаганда украинского народного творчества.

И облик у Степана Ивановича, серебристо седого, румяного, улыбчивого, - победный, довольный. И поет он уверенно, хотя голос заметно хрипловат, но это, возможно, от перенапряжения - поет во всю силу, старается как лучше.

Вадим Щербинин в предобеденное время и вечерами приходил к песенному павильону у бювета, слушал спевки хора, но каждый раз ему не хватало здесь густого баритона Олега Ивановича и звонкого альты Веточки. Несколько раз он безуспешно звонил ей на квартиру, побывал даже в её врачебном кабинете - нема, сказала медсестра, поехала до Львива та у Казахстан. Он и не предполагал, что заметно обезлюдивший курорт с её отъездом совсем осиротеет. По крайней мере для него.

Он записался в пародонтологический кабинет подлечить зубы, но там, встретившись с медсестрой Оксаной и её матерью санитаркой Ирой Смагулой, его ровесницей, совсем затосковал. Кудрявая, крашенная Ира, еще красивая, белозубая, хотя и заметно постаревшая, устало сказала, что живется тяжело. Пенсии едва хватает для уплаты за газ, а зарплата в два раза меньше, чем у российских санитарок, которым платят как нищенкам. Зачем нас разъединяли, зачем порушили советскую страну, враги?!

- Но ты же была ярой демократкой, за независимость ратовала! - напомнил Щербинин.

- Дура я была, глупая дура!! Нам врали, что москали едят наш хлеб, а когда отделились, его стало еще меньше, мы года два или три назад по карточкам его получали.

- Я тогда приезжал к вам, знаю, - сказал Щербинин, вспомнив, что тогда купил на рынке «Картку на отримання хліба 0,5 буханки», с клеточками на каждый день месяца. По полбуханки. Как в войну.

Тут вошла врач Мира Алексеевна и сказала Ире, что ей еще грех жаловаться, она украинка, на работе до сих пор держат, а вот её, врача с тридцатипятилетним стажем, гонят: ты пенсионерка, поезжай в свою Россию. Я уж квартиру продаю, вещи упаковываю. А у меня здесь могила матери, я всю трудовую жизнь курорту отдала.

Миру Алексеену здесь знали как замечательного врача, превосходного пародонтолога, автора изобретений новой методики лечения этого недуга, а в последние годы и отличного протезиста.

И все же уехала она. Прдала за полцены двухкомнатную квартиру и переселилась в деревню Манушкино под городом Чеховым. А курорт лишился заслуженного специалиста, искусного целителя для больных и надежного наставника для молодых врачей.

Об этом Вадим Щербинин узнает только через два года. Он даже не мог предположить, что Миру Алексеену вынудят уехать: неразумно же.

Не знал он тогда и о том, что не увидит больше никогда ни знаменитого хоровика Олега Ивановича, ни прекрасной своей Веточки. Ведь он придет в Трускавец только осенью двухтысячного года: дорого же, цены растут, а он уже вышел на пенсию, каждый год ездить непосильно. Он будет несколько раз писать Веточке, но в первый год ответа не получит, а во второй оба его письма возвратятся с пометкой «Адресат выбыл».

И вот когда он в сентябре двухтысячного года придет в Трускавец опять, он поспешно, как юноша, прибежит к двери знакомого врачебного кабинета, но на табличке «Ликар» увидит другую фамилию, украинскую. Прежняя медсестра сообщит ему, что Виолетты Тиграновны нет и не будет, уехала совсем, а куда, не сказала. Наверное, домой. Где её дом, неизвестно.

И Вадим Щербинин, подгоняемый тревогой пойдет из санатория прямо к бювету, надеясь там встретить старых хоровиков, которые могли о ней что-то знать.

В крытом павильоне рядом с бюветом он услышит два небольших хора в разных концах площадки - смешанный украинский и женский русский, совсем маленький, пять или шесть женщин, одних, без дирижера. А украинским будет по-прежнему руководить усатый Степан Иванович, в белой вышитой сорочке, седой, румяный, как и два года назад.

Вадим Щербинин нетерпеливо дожидется перерыва между; песнями и спросит его о большеглазой своей Веточке, опишет её самыми дорогими словами и сравнениями, но Степан Иванович скажет, что такая у него не пела. Она пела, кажется у Олега Турчняка, но давно уже, года четыре или пять назад.

- А где его найти, Олега Ивановича? - с надеждой спросит Щербинин.

- Не найдешь его теперь, - скажет Степан Иванович хмуро. - Умер он. Два года назад как умер.

«Значит, в тот же год, когда я последний раз с ним встречался», - подумает Щербинин горестно.

- Отчего он умер, не знаете?

- Смерть пришла и умер, - пожмет плечами Степан Иванович, - Болел он, кажется.

Стоящий позади всех хорист потянет Щербинина за рукав и почему-то на ухо, как секрет, сообщит, что умер Олег Иванович от того, что бросил петь. Он давно болел, песней только и жил, а бросил песню, и отдал Богу душу. Он уж готовился, иконки в последнее время продавал.

всякого навидавшийся в суетной жизни, вздохнет и затоскует по чужому в сущности, но такому дорогом, оказывается, человеку, как Олег Иванович Турченко. А рядом пугающе ярко, живо, до ощущения присутствия, увидит улыбающуюся Веточку, волоокую крашеную блондинку, неотразимо красивую и безизяжную, и вдруг потерянно поймет, что любит её, как никого и никогда не любил в этой несчастной жизни. Где ты, Веточка, - в Армении, в Казахстане, во Львове? Где теперь твой дом, прежде такой надежный, уютный, с песнями?

А Степан Иванович со своим хором, случайно или умышленно, заведет:

Карі очі, чорні брови,
Не забуду вас ніколи.
Як у сні я вас побачу –
Ви смієтесь, а я плачу.

Щербинин поспешно пойдет в бювет, но его догонит и остановит тревожный женский хор с другой стороны павильона:

Где эти лунные ночи?
Где это пел соловей?
Где эти карие очи?
Кто их ласкает теперь?

Четыре вечных невозвратных потери, четыре вечных женских и мужских вопроса, на которые нет ответа. Ни в русской песне, ни в украинской. Неужели потому, что спрашиваем порознь и на разных языках?

Уж так сложилось в жизни Анатолия Николаевича Жукова - что в XXI веке у него следуют юбилей за юбилеем! В прошлом году мы отметили 70-летие нашего именитого земляка, уроженца земли мелекесской. Нынешний год - год 40-летия вступления первого из мелекесских литераторов в Союз писателей СССР. В 2003 году исполнится 50 лет со дня выхода в свет его первого рассказа "Дружба", напечатанного в военной газете "Защитник Родины", г.Одесса. Как всегда с искренней радостью мы поздравляем с юбилеем одного из самых талантливых российских прозаиков, автора десятков книжных томов, лауреата госпремии, элитпремии за лучшее произведение о современной советской деревне, бывшего заведомом прозы самого "толстого" и почитаемого в стране журнала "Новый мир", председателя правления издательства "Советский писатель", бессменного члена Комиссии по присуждению Шолоховской премии, - А.Н.Жукова, чьиими достижениями в русской литературе мы гордимся и поныне. Редакционный совет журнала "Черемшан" благодарен большому русскому художнику за предоставленные им эксклюзивные права на публикацию своих новых произведений для наших земляков.

“МОЁ УЖАЛЕННОЕ СЕРДЦЕ”

ВОЙНА

Это чьи-то злые шутки...
Иль я попросту пьяна!
Нам с тобой вторые сутки
Снится странная война.

Колет нож, я в каплях крови,
Жизнь не так уж хороша:
Море боли, море боли —
Вся изранена душа.

Ты упала. Я убийца.
Только это не исход:
Ты упала, - тебе снится!
Мне же - все на оборот.

★ ★ ★

Мороз от этого вранья
По коже.
А мысли - стаей воронья, -
И что же!

Шелками скрыта нагота,
Как мел по стану.
Но мысли, видно никогда,
Белей не станут.

Как ведьма - на костер иду,
Веди же смело!

С тобой к святому алтарю
Вся в белом, белом...

★ ★ ★

Мы заперты в клетки из собственных слов.
Из собственных страхов нам сделан засов.
Не странно ль: боимся взглянуть на луч света,
Страшась осуждения слепого соседа!

★ ★ ★

Когда-нибудь заманит нас сюда
Луна-паук на кружевной сети
Двух старых занавесок.
И тогда нас не безумье — мудрость посетит.

Она расчертит стену пополам:
Вот минусы, вот плюсы. Погляди!
Свободу — в блажь. И мои письма там,
Где встреча в этом доме. Посреди.

Когда-нибудь заманит нас сюда
Луна-паук на кружевной сети
И ты поймешь, как серы те года,
Что ты любовью там не осветил.

★ ★ ★

Мне нет места у постели
Умирающей души,
А февральские метели
Обвивают, как ужи.

Твои щедрости и смелость,
Все, - чем славилась душа,
(- Ах, ей и сейчас бы пелось,
Если бы я не ушла).

Я прогнала бы метели
Пламенем любви своей,
Но нет мне места у постели...
Все прошу тебя: "Согрей!"

★ ★ ★

Мое ужаленное сердце
Печугой вздрогнет и взлетит.
И в небе, сделав два коленца,
Последним криком известит:

Что, мол, пропала не за славу
И не за пригоршенку зерна...

В моих сосудах ложь-отрава
Разлукою умерщвлена.

Мое ужаленное сердце —
Твоя печаль и твой позор.
Его разбившееся тельце —
Тебе смертельный приговор.

★ ★ ★

Одиночество кусет локти,
Что в мое окно
Больно видеть...
Обгрызаю ногти,
Разрываю в клочья
Праздничный ситец.

Роковою стала шутка злая:
Я уже не жертва — госпожа!
Одиночество - моей любви алкая —
Плачет, словно бедная душа.

Роковою стала злая шутка.
Закрываю за собой окно...
Исчезает голубая куртка,
Чтобы было место для него.

ЭТЮД

Полузакрытое веко небес
Хмурится.
Робкий, растаявший в воздухе блеск
Улицы.

Время свернулось калачиком - вновь
Свет и шум.
В мире печальных и сладостных снов,
Тайных дум.

И заступают в дежурство ночное
Все фонари.
Вот отобрали пространство немое
Тетки - тьмы.
Город зевает открытым окном.
Рыжая бровь неба...
...ах, слезы закапали вновь, -
- Требуй последнего...
Требуй!

★ ★ ★

Я иду. На асфальте подмерзла вода.
Я смотрю в иссиня-черное небо!
Круг очерчен крышами многоэтажек.
В центре - белое лунное яблоко.

"Катись, катись яблочко по тарелочке,
Покажи мне все то, что проиграно,
Что проиграно, что потеряно,
Что потеряно, и не найдено..."

Я иду, под ногой лед скрипит, как паркет.
Полотенцами - плоскости каменных башен.
Вдоль дороги калеки стоят - фонари:
Свет, как улыбки нищего с паперти.

"Катись, катись яблочко..."

Лена Козлова, пожалуй, сегодня самая талантливая поэтесса из юной смены в городской писательской организации. Студентка ДИТУДа, автор личных песен, частый гость на страницах "Черемшана". Ее поэтический "голос" уже не спутаешь не с чьим другим творчеством.

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА

Это публикация воспоминаний одного из старейших жителей Ульяновска Ивана Павловича Иноземцева, человека интересной и трудной судьбы.

Начал учиться я в Мелекесской Железнодорожной школе. Первой моей учительницей была Екатерина Ивановна Торчевская, жена расстрелянного белогвардейского генерала. Она была высокообразованным человеком. Знала в совершенстве французский, немецкий и английский языки. Ее отец, петербургский фабрикант, успел удрать во Францию, а ее сослали, как репрессированную, в г. Мелекесс по указу Ленина. Она нам показывала этот указ и в нем говорилось, что всех репрессированных надосылать в захолустье, как, например, Симбирск и Симбирская губерния.

В 1922 году отец по состоянию здоровья оставил службу на железной дороге и в Казани окончил курсы по часовому делу и стал часовым мастером в г. Мелекессе. Снял уголок у фотографа. Мне тогда фотография показалась чудом, и я стал мечтать быть фотографом и потом стал на всю жизнь фотографом-любителем. Первый фотоаппарат у меня был самодельный.

Весной 1922 года Ленин сказал, что коммунизм нам не построить и объявил новую экономическую политику - НЭП - всерьез и надолго. Это означало, что власть должна быть советской, а экономика должна быть капиталистической.

Капиталисты, сказал он, нам не страшны потому, что у них нет власти. Поэтому он пригласил в страну иностранных капиталистов. С приглашением иностранных капиталистов у нас в стране начались преобразования. Шведы построили нам "Днепрогэс". Американский миллионер Форд построил нам Горьковский автомобильный завод, Харьковский и Сталинградский тракторные заводы. За всё мы платили золотом. Стали продавать землю.

Неудобная земля была дешевая, и дед моего двоюродного брата Иноземцева Степана - Маркелов купил пять гектаров оврагов и засеял их подсолнечником. Он везде растёт хорошо. А на бугорке построил маслобойню и у него пошло подсолнечное масло. В одном овраге он сделал пчельник, а на склоне другого оврага - бахчу. Построил мельницу и кирпичный дом. Никто не знал, когда он спал. Мы бегали с братом к нему на бахчу есть арбузы и на пчельник за мёдом.

В 1930 году у деда все отобрали и его сослали в Сибирь, как эксплуататора. Это была страшная дикость и несправедливость.

В 1923 году я вступил в пионерский отряд при железнодорожном клубе. Новый 1924 год встречали в школе. Была Новогодняя елка. Пели "В лесу родилась елочка", а потом пели Интернационал и Екатерина Ивановна Торчевская,

директор школы и моя первая учительница, отдавала честь, прикладывая руку к голове без головного убора. Пионеры не могли удержаться от смеха потому, что пионервожатый нам говорил, что к «пустой» голове руку не прикладывают.

Потом раздавали новогодние подарки. В пакетиках были карамельные конфеты, печенье и яблоко. Радость была у всех необыкновенная. Впервые за многие годы появились конфеты...

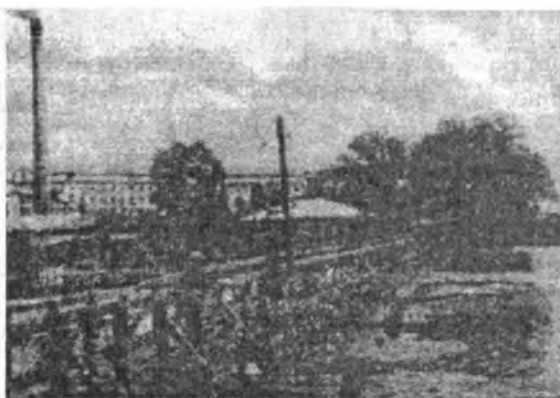
21-го января 1924 года вечером вдруг загудели все паровозы на железнодорожной станции. Загудели гудки на ткацкой фабрике и на мельнице. Все встревожились, что такое? Сказали, что умер какой-то Ленин.

На следующий день в школе повесили портрет Ленина в черной рамке и приколоты к нему красный бант. На портрете были слова: «Ленин умер, но дело его живёт». Мы стали спрашивать, кто такой Ленин, а учителя не знали.

Через месяц стали продавать тетради с портретами на обложках всех вождей партии и правительства и всех членов Центрального Комитета партии. Тогда мы стали уже знать кого расстреляли, как врага народа.

Росли мы, как все ребята. Любили кататься на санках и на коньках. Однажды, катаясь на коньках по тонкому льду на Трехсосенском пруду, я провалился под лед. С большим трудом вылез. Лед подо мной обламывался почти до самого берега. Когда добежал до дома, одежда на мне замёрзла. Обогрелся на горячей печке...

В 1926 году наша семья переехала в Ульяновск. Отец купил большой дом на три квартиры с магазином и садом на Никольском спуске, почти рядом с естественно-историческим музеем. Заплатил за дом 1100 рублей, а зарабатывал он тогда 300, а иногда и 400 рублей в месяц...

Мост купца Маркова в Мелекесе. Начало XX века.

Фото автора

Содержание

Редакторский цикл.....	3
Раиса КАШКИРОВА. «А я опять кидаюсь за тобой».	
Стихи.	6
Сергей СЛЮНЯЕВ. Владимир КЛИМЕНКОВ.	
Мир высшей реальности или Введение в нравственную физику. Эссе.	15
Валентин МАНУХИН. «Всё на этом свете преходяще».	
Стихи.	50
Василий СТРЮЧКОВ. Огненное небо Манилы.	
Рассказ.	63
Евгений ЛАРИН. «Что с нами случилось?»	
Многозначительная поэма.	86
Анатолий ЖУКОВ. Трускавецкие соловьи.	
Эксклюзивный рассказ.	93
Елена КОЗЛОВА. «Моё ужаленное сердце». Стихи.	106
Иван ИНОЗЕМЦЕВ. Записки очевидца.	
Краеведческие воспоминания	110

